

ВСТУПЛЕНИЕ

В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) хранится толстая папка под названием «Протоколы открытого заседания комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея»¹. Архивное дело начато и окончено в первой половине 1930 года. За девять десятилетий в эту папку заглянуло, не считая автора этой книги, только шесть человек, и содержание находящегося там документов остаётся практически неизвестным. Между тем здесь находятся свидетельства того, как калечили судьбы людей, в основном высокообразованных специалистов, опытных музейщиков, определяя их в «социально-чуждые элементы», лишая работы, а следовательно, и средств существования. Впоследствии многие из них были переквалифицированы во «врагов народа». И происходило все это не на пике сталинских репрессий в конце 30-х годов, а, казалось бы, в относительно спокойные времена, еще до убийства в 1934 году 1-го секретаря Ленинградского обкома, секретаря ЦК ВКП(б), члена Президиума ЦИК СССР С.М. Кирова.

Принято считать, что именно с гибели верного соратника И.В. Сталина начались в нашей стране массовые репрессии. Однако это не совсем так. Еще в 1925 году XIV съезд ВКП(б) провозгласил курс на индустриализацию страны, а XV съезд

ВКП(б) в 1927 году – на коллективизацию сельского хозяйства. 7 ноября 1929 года в газете «Правда» была опубликована статья Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина «Год великого перелома», в которой говорилось о решающей победе Советской власти – повороте крестьян-средняков в сторону колхозов. В декабре того же года на конференции аграрников-марксистов Сталин высказался о *«ликвидации кулака, как класса»* (**здесь и далее в цитатах** (для удобства чтения они выделены курсивом) **и документах сохраняется правописание оригинала** – прим. автора), что повлекло выселение тысяч и тысяч крестьянских семей в места отдаленные и разорение деревни. Одновременно в 1929–1930 годах проходит массовое закрытие и разрушение храмов. Уже к 1926 году в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) в заключении находились 26 епископов, тысячи священнослужителей были осуждены, некоторые из них расстреляны.

Расправившись со своими классовыми врагами, власть начинает избавляться от бывших единомышленников.

В 1929 году XVI конференция ВКП(б), проходившая 23–29 апреля в Москве «в период развернутого наступления на капиталистические элементы города и деревни», принимает решение о второй генеральной чистке партии (первые чистки

На фото: сотрудники Смоленского государственного музея в помещении музея прикладных и декоративных искусств (быв. Тенишевский). 1-й ряд (слева направо): Александр Николаевич Ляданский, Владимир Александрович Меландер, Иван Фёдорович Баршевский, Андрей Фёдорович Палашенков, Нил Александрович Яблонский. 2-й ряд: Александр Павлович Мишонов (в центре), Иван Макарович Хозеров (второй справа). Фото конца 20-х годов XX столетия

осуществлялись в начале 20-х годов). Помимо чистки и проверки членов и кандидатов в члены ВКП(б) в промышленности и в деревне, конференция в 7-м пункте своей резолюции указывает на необходимость чистки в «непроизводительных ячейках». При этом обращается внимание, что эти «непроизводительные ячейки», постоянно пополняясь «новыми пролетарскими слоями», остаются наиболее подверженными «влиянию непролетарских элементов, засорены ими»². Далее в резолюции приводятся слова В.И. Ленина о том, что «к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы», и что вождь советов очистит партию «от тех, кто хочет только «попользоваться» выгодами от положения членов правительственной партии, кто не хочет нести тягот самоотверженной работы». Слова эти и сейчас

кажутся актуальными. Но тогда они лишь предваряли выводы новой партийной бюрократии о том, что «именно в непроизводительных ячейках наибольшее количество выходцев из других партий, не переварившихся в большевистской партии, сохранивших идеологически чуждые взгляды», и поэтому «особенно тщательной должна быть чистка от всех некоммунистических, разложившихся, чуждых, обюрократившихся, примазавшихся, шкурнических элементов, по-чиновничьи относящихся к своим обязанностям». При этом необходимо было «особенно бережно относиться к выдвиженцам из рабочих и работниц, учитывая трудности усвоения ими на первых порах непривычных для них форм работы, и связать чистку непроизводительных ячеек с более энергичным и тщательно продуманным выдвижением рабочих и работниц в хозяйственный,

партийный и административный аппараты»³. Последнее требование, как мы увидим, выполнялось особенно усердно.

ПРОТОКОЛ № 1

Вслед за решениями XVI конференции ВКП(б) постановление о проведении чисток в государственных и общественных организациях принимают Центральный Исполнительный комитет и Совет народных Комиссаров. На местах создаются соответствующие комиссии. Комиссия по чистке аппарата Смолгосмузея и Облархивбюро приступает к работе 14 апреля 1930 года. В помощь комиссии придан отряд, так называемой «легкой кавалерии» – комсомольцев, призванных своими «налётами» помочь старшим товарищам беспощадно разоблачать и вычищать классово чуждые элементы.

В 1930 году Смоленск являлся административным центром Западной области, образованной постановлением Президиума ВЦИК с 1 октября 1929 года. В её состав вошли территории Смоленской, Брянской и Калужской губерний, часть территории Тверской и Московской губерний и Великолукский округ Ленинградской области. Площадь Западной области в 1930 году составляла 163,8 тыс. кв. км, население 6778 тыс. человек. В основном – это были русские (94%), затем: украинцы – 2,1%, евреи – 1,5 %, белорусы – 1,2%, латыши – 0,3%, поляки – 0,2%, эстонцы – 0,2%.

Справочник «**Весь СССР на 1931 г.**» сообщает:

В прошлом – Западная область была районом помещичьего, преимущественно польского землевладения и мелкого крестьянского. Промышленность стояла на чрезвычайно низком уровне. По данным 1909 г., на одного жителя Смоленской губ. приходилось продукции промышленности 11 р. при 30 р. по стране.

Политика царского времени оказывала всяческую поддержку разоряющемуся под напором капитализма помещику и стремилась к созданию «крепкого мужика» путем насаждения системы хуторов и отрубов. Хуторская система привилась настолько крепко, что до самого последнего времени хутора составляли в области свыше 40% крестьянских хозяйств, и только процесс социалистической реконструкции с. хозяйства с корнем вырвал это наследие царской эпохи. В настоящее время область является районом преимущественно сельскохозяйственным (до 55% ее продукции принадлежит с. хоз-ву), но процесс индустриализации уже наложил свой отпечаток на ее экономику, и промышленность области неуклонно возрастает по своему удельному весу.

Однако уровень промышленного развития по сравнению с СССР все же низок. Характерным для промышленности области является то, что в 54% она опирается на отрасли, перерабатывающие местное с.-х., лесное и минеральное сырьё⁴.

По статистическим данным, приведенным в справочнике, «индивидуальный сектор в сельском хозяйстве Западной области весной 1930 года занимал в посеве 92,6%, колхозы 6,5% и совхозы – 0,9%. Коллективизация охватывает 8,2% хозяйств. Преимущественная форма колхозов – с.-х. артель. Колхозам принадлежит 4,5% всех лошадей и 3% коров»⁵.

Далее справочник сообщает: «**В культурном отношении отсталость области выделяется особо сильно: грамотность ее населения не превышает 42%**»⁶. В то же время в 1932 году в Западной области насчитывалось уже 7 высших учебных заведений, 17 театров, 311 библиотек и 21 музеев. В том же справочнике «**Весь СССР на 1931 г.**» в справочном разделе «**Западная область**» в числе **Культурно-просветительных организаций** города Смоленска перечислены:

Картинная галерея. – Соборный двор, 4.
Гигиенический музей. – М. Пролетарская ул.

Гор. музей. – Б. Советская ул.

Смоленский музей прикладных и декоративных искусств

им. Крупской. – Тенишевская ул.

Гор. театр. – Ленинская ул., Дом Советов.

Упр-ние зрелищными пред-ми Смол. горсовета (гортеатра, 3 кинотеатра, цирк, передвижной рабочий театр и крестьянский передвижн. театр). – Б. Советская ул.

Б-ка Смоленского гос. пед. ин-та (бывш. б-ка гос. университета).

Кол. том. 315 000. – Университетская ул.

Рачевская районная б-ка политпросвета Горно. Кол. том. 7600. – Первомайская ул., 19.

Местный штаб Центр. дома самодеятельного искусства им. Крупской⁷.

Обратимся теперь к архивным документам. Где-то в недрах исполнительной власти рождается не очень вразумительный план работы комиссии, который мы приводим полностью:

**ПЛАН
работы комиссии по проверке и чистке
музеев в г. Смоленске
с 25 марта по 5 апреля 1930 года**

I.

В основу работ проверки и чистки Музеев необходимо положить:

а) Структура и система построения аппарата, методы и качество работы проверяемых учреждений и к вопросам личного состава подходить, как к выводам произведенных обследований.

б) Комиссия детально ознакомливается со всеми директивами и указаниями данному учреждению и как они практически преломляются в работе.

в) Связь учреждения с массами.

г) Конкретная помощь данного учреждения, со стороны вышестоящих организаций.

II.

Конкретные мероприятия комиссии в работе.

1. Поставить доклад о чистке музеев на Общем собрании членов группкома, совместно с членами комиссии содействия.

2. Заслушать доклад о работе комиссии содействия.

3. Выделить группу рабочих совместно со специалистом для проверки отдельных звеньев работы музея.

4. Прикрепить группу легкой кавалерии на период чистки музеев.

5. О ходе чистки освещать материал в газете «РАБОЧИЙ ПУТЬ» и в Стенгазете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ
ПО ЧИСТКЕ МУЗЕЕВ

Подпись /ШПАКОВА/⁸

Далее следуют Сведения о работниках музеев города Смоленска в виде таблицы (см. Приложение 1) и Протокол № 1 открытого заседания комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея:

ПРОТОКОЛ № 1

**Открытого заседания Комиссии
по чистке аппарата
Смолгосмузея и Облархивбюро
от 14-го апреля 1930 г.**

ПРИСУТСТВУЮТ: члены Комиссии: т.т. ШПАКОВА и ДРОНЭ, сотрудники Смолгосмузея и Облархивбюро 26 чел. (список присутствующих при сем прилагается) и 32 человека посторонних граждан.

Цифра 32 вписана красным карандашом.

Председательствует тов. Шапова при секретаре тов. ВЕРЖБИЦКОМ.

СЛУШАЛИ: 1. Отчетный доклад директора Смолгосмузея тов. АМОСЕНКО о работе музеев.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска», хранящихся вместе с протоколами заседаний комиссии:

«Амосенко Амос Иванович, член ВЛКСМ, из крестьян, директор, работает в музее с 1930 года, образование – среднее» (все сведения даются на период чистки – прим. автора).

Прежде всего т. Амосенко останавливается на стоящих перед музеями задачах, указывая на то, что музеи должны участвовать в политической жизни страны и отражать все политические кампании.

До сих пор, – говорит т. Амосенко, – музеи были аполитичны, были замкнутыми академическими учреждениями, стоящими далеко от жизни. Сейчас они должны стать не только культурно-просветительными, но политико-просветительными учреждениями и в то же время должны быть научно-исследовательскими учреждениями.

Характеризуя работу Смолгосмузея, тов. Амосенко говорит, что наши музеи не справлялись со стоящими перед ними задачами. В музеях чувствовался отвлеченный историзм и полный разрыв с массами, которые не привлекались к работе музеев.

Музеи работали три часа в день, и в то время, когда рабочие не могли посещать их, будучи занятыми на производстве. В музеях не было отражения вопросов современности.

Характеризуя работу отделов Смолгосмузея, которых последний насчитывал шесть: 1) Естественно-Исторический, 2) Музей Декоративного и Прикладного искусства им. Крупской (бывший Тенишевский), 3) Антирелигиозный музей, 4) Музей Революции, 5) Картинная Галерея и 6) Историко-Культурный, тов. Амосенко говорит,

что к осуществлению стоящих перед ними задач ближе всего подошел Естественно-Исторический отдел, пытавшийся отразить богатства нашего края и устраивавший соответствующие выставки.

Музей им. Крупской (бывший Тенишевский), собранный по прихоти княгини Тенишевой, построен по эстетическому принципу и совершенно не соответствует своему назначению и не оправдывает своего названия «музея прикладного и декоративного искусства» т. к. в нем не было показано самого искусства, самой техники искусства. Этот музей, конечно, ни в коей мере не был связан с современностью.

Заведывающий этим музеем (быв. Тенишевским музеем) т. Барщевский не раз заявлял, что он не может угнаться за современностью и подавал заявления об отставке по причине старости и т. д., но до сих пор в силу целого ряда причин его ходатайство об отставке не было удовлетворено.

Историко-Культурный музей рожден из быв. Тенишевского и вел работу параллельную работе последнего. Культура, как таковая, в нем отсутствовала. Вместо отображения социальной культуры, в нем были представлены в значительной степени старо-исторические события (1812 г., война с французами, разного рода оружие и т. д.), без подведения социально-экономической базы, без объяснения причин того или иного исторического события, например, войны 1812 г.

Картинная Галерея, являясь богатейшим собранием произведений искусства, также была оторвана от современности и ни в какой мере не отражала классового значения искусства.

Самыми последними отделами были Историко-Революционный отдел и Антирелигиозный музей.

Музей Революции был создан, кажется, больше года тому назад, но он был постав-

лен в невозможные условия и не мог развиваться, т.к. на него уделялось чрезвычайно мизерное количество средств.

Антирелигиозный музей по-видимому пытались построить по образцу центрального. Но это была жалкая попытка и музей производил самое жалкое впечатление.

Никаких выставок музеями не устраивалось, и никакой связи с их производством не было. Музеи были открыты через день и всего 3 часа в день и упор не брался на массу.

Одним словом, Смолгосмузей был больше научно-исследовательским, чем политико-культурно-просветительским учреждением и объекты его изучения тоже были отвлечены.

Экспозиция музеев не отвечала задачам современности, в этом виновата и Главнаука, и сами музейные работники, в результате она оставляла желать много лучшего, а иногда производила даже и совершенно обратное, нежелательное впечатление.

Все музеи были рассчитаны на подготовленного посетителя, но не массы. Эtiquette в музеях почти отсутствовал. Они были консервативны.

В заключение т. Амосенко говорит, что сознательно или бессознательно музейные работники не поставили работу Смолгосмузея на должную высоту.

2. Содоклад заведывающего Естественно-Историческим музеем т. Меландера.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«Меландер Владимир Алексеевич, беспартийный, из дворян, заведующий отделом, работает в музее с 1923 года, образование – высшее».

Естественно-Исторический отдел Госмузея был основан Обществом изучения Смоленской губернии в 1908 г. Коллекции его собирались из поступлений членов общества и состоял из собраний по природе края (гербарии, чучела птиц, млекопитающих и пр.) и по истории края (археологические

коллекции). В 1920 г. был передан об-вом в ведение ГубОНО. Всего по актам числилось около 100 экспонатов (не считая гербария и почвенных образцов, которые принадлежали Статотделу). Музей пополнялся медленно и в 1920 году имел около 800 экспонатов. В 1924 г. он перешел в ведение Главнауки, образовав Естественно-Исторический отдел Госмузея и был определен штат его – зав. отделом, научный сотрудник и сторож.

В 1923 г. началась работа по его реорганизации и пополнению. Был проведен точный учет материалов, произведена заново монтаж большинства экспонатов, этикетировка их и приступлено к изготовлению новой мебели. К 1927–1928 г. музей оформился в значительной мере. Его коллекции были размещены в двух этажах здания и на площадках. Ранее один из этажей был под квартирами.

Коллекции его разбивались на ботанические, зоологические, имеются материалы по геологии края и коллекции посвященные вопросам общей биологии. К этому времени в музее насчитывалось около 2000 экспонатов, кроме обширных коллекций по энтомологии и гербария (1-х около трех тысяч, гербария – более 4000).

В основу расположения материалов положены следующие принципы: 1) отобразить природу края и ее историю, 2) выявить наличие естественных ресурсов и производительных сил края и их использование, 3) осветить вопросы эволюции органического мира по местным материалам, что необходимо для проведения бесед с посетителями на общие темы.

Культурно-просветительная деятельность музея заключалась в проведении бесед с экскурсиями; беседы велись на разные темы по желанию экскурсий; при проведении общих бесед проводился антирелигиозный уклон, на основе материалистического миропонимания. Периодически проводились выставки: 10 лет

Октября, по борьбе по поднятию урожайности, весенняя природа, осенняя природа и др.

В ряде учреждений и организаций были прочитаны лекции (в ДРП, Совпартшколе и др.). Посещаемость за последние годы была значительная (1928–29 г. с октября по июнь 10607 чел., 240 экскурсий). Научная деятельность выразилась в участии в экспедициях, организованных Смолгос-университетом в 1926 и в 1927 годах (по изучению фауны Западной области) и проведенной отделом в 1929 г. по изучению распространения вредителей. Кроме того научными сотрудниками изучался и имеющийся в музее материал: результаты работ опубликованы в трудах Об-ва Изучения Природы Смоленского Края, в Известиях Университета и в трудах Об-ва Естествоиспытателей и Врачей. Есть несколько рукописей, которые предположительно опубликовать в работах Госмузея. Музеем основательно прорабатывались планы экспозиции и вообще построения его отделов, а также составлялись путеводители.

В целях получения материала от учреждений была установлена связь с союзом охотников, Облзу и др. учреждениями. Тесная связь существовала с научными обществами, где научными сотрудниками неоднократно прочитывались доклады.

При музее существовали кружки – Ц. кр. и Юных натуралистов, кружок учителей и группа студентов. Однако последние прекратили свою работу из-за неимения места для занятий.

Руководство со стороны центра было слабое и заключалось в различных директивных указаниях, кои принимались к исполнению: особенного руководства со стороны Облоно не было.

С 15 июня 1929 г. отдел был уплотнен по предложению Облоно, а 20 июля свернут окончательно. Отделом сперва было возбуждено ходатайство о предоставлении ему Спасской церкви, а потом Николь-

ской. Вопрос в отношении второй и был разрешен ВЦИКом положительно, однако Горсовет вынес решение перевести туда общежитие студентов, а затем Дом Крестьянина. В начале ноября было получено разрешение на занятие Спасской церкви, куда музеи и перешли 15 ноября. Облсполком отпустил на ремонт 3000 рублей. Ремонт был закончен к началу февраля и музей приступил к размещению материала, а к середине марта, когда уже организация приходила к концу, помещение было взято под нужды штаба БВО. 16 марта имущество музея было перевезено в Картинную галерею, где в свернутом виде находится и сейчас.

Вопросы, предложенные т. Меландеру.

Вопрос: *Кто делал экспонаты, и делались ли они за плату или бесплатно?*

Ответ: В музее были два научные работника, ими и изготовлялись экспонаты. На 70–80% экспонаты изготовлены нами бесплатно, за плату же приобреталось незначительное количество экспонатов.

В: *С какого времени существует отдел?*

О: Я говорил, что 1908 г.

В: *На каком бюджете состоял отдел?*

О: До 1924 г. на бюджете Губоно, а затем на госбюджете.

В: *Когда музей достиг наибольшего расцвета?*

О: В 1929 г. накануне свертывания его.

В: *Какие были сделаны мероприятия для привлечения массы?*

О: Вывешивались объявления на улицах, с указанием, когда музеи открыты, а также оповещалось в газете. Правда, было сделано упущение, что недостаточно было уделено внимания для непосредственной информации масс на предприятиях.

В: *Были ли путеводители по другим отделам?*

О: По некоторым отделам путеводители были, напр. в Историко-Культурном отделе

были планшетки, стенные указатели. Но у нас путеводителя не было, так как мы не имели средств для выпуска его.

В: По чьей рекомендации Вы попали в Госмузей и насколько эта работа интересует Вас?

О: Я очень давно интересовался природой и собирал естествоведческие коллекции. В 1918 г. я поступил на службу в Ельнинский музей и организовал там естественно-исторический отдел. Благодаря этому меня узнал бывший директор музея т. Ширяев, который и предложил мне место. Кроме того, так как я издавна интересуюсь изучением природы местного края, то хорошо знали и члены Об-ва изучения Смоленской губ., которые также рекомендовали меня. И вот, по предложению Директора и зав. музеем, я и приехал сюда.

В: Расскажите вкратце Вашу автобиографию.

О: Я родился в 1880 г. в Балутинской волости Ельнинского уезда. Отец был помещик, имел 250 десятин земли, служил в Земской Управе. С детства я увлекался изучением природы и имел собственные коллекции. Учился в гимназии, по окончании которой поступил в Московский университет. В 1917 г. окончил учение в университете, выполнил учебный план, но в связи с событиями 1917 года не смог сдать все требуемые зачеты и госэкзамен. Занимался специально (под руководством проф. Огнева и Кожевникова) изучением местной фауны. С 1917 по 1918 г. служил в Статотделе инструктором по переписи, а в 1918 г. поступил на службу в Ельнинский Уоно на должность зав. музеем. Одновременно состоял лектором красноармейских курсов, педагогических курсов, преподавал в школе 2-й степени, вел общественную работу: был организатором столовых, членом бюро охоты и т. д. В 1923 г. в сентябре месяце перешел на службу в Смоленск и поступил на должность зав. Естественно-Историческим музеем. Вме-

сте с тем был приглашен проф. Макушковым на службу в Ун-тет в качестве ассистента по кафедре сравнительной анатомии, а затем по кафедре зоологии. В Красной Армии не служил (был освобожден от военной службы по состоянию здоровья и занимаемой должности).

В: Какую помощь оказывали Вам остальные работники?

О: У меня было всего 2 сотрудника: один научный сотрудник и один сторож.

Научный сотрудник Г.Л. Гравэ имел чрезвычайно медлительный характер. Он очень любил точность и пунктуальность и благодаря этому чрезвычайно медленно выполнял те или иные работы. Но в своей области он был достаточно авторитетен.

Г.Н. Зайончковский, как сторож, исполнял свои обязанности аккуратно. Правда, были случаи проявления грубости с посетителями, но это своевременно улаживалось.

В: Какая помощь оказывалась Вам по линии ОНО в прошлом и настоящем?

О: В прошлом у нас собирались методические совещания, на которых обсуждались те или иные вопросы. Кроме того в состав Правления музея от ОНО был выделен представитель т. Зубарев.

В: Насколько Вас удовлетворяет работа в музее?

О: Работа в музее удовлетворяет меня вполне, т. к. это моя любимая работа.

В: Задавался ли т. Меландер целью реорганизации музея в краеведческий?

О: Этот вопрос возникал, и я указывал на те принципы, которые и раньше были заложены в основу музея, на диалектические принципы.

В: Какую общественную работу ведете Вы в настоящее время?

О: Состою в общественных организациях: Пред. Правления об-ва Краеведения, член об-ва изучения природы местного края, чл. экономкомиссии при группоме. Затем несу целый ряд общественных работ по Ун-ту, читая лекции и т. д.

В: Какие лекции читали в Красной Армии?

О: Главным образом по специальности на естественноведческие темы: о развитии животных, человека и т. д., а также и на общие темы.

Прения по отчету т. Меландера

Тов. Хозеров говорит, что Естественно-Исторический музей по самой сущности своего содержания должен особенно близко стоять к актуальным задачам современности, к задачам советского строительства и в частности наиболее действительным образом отображать вопросы изучения естественных производительных сил края.

Но основная линия, диктовавшаяся Наркомпросом до осени прошлого года, сводилась к систематизации коллекций, и Естественно-Исторический музей был построен по систематическому принципу. Были попытки и научно-диалектической монтiroвки биологических групп.

Нужно заметить, что в составе научных работников данного музея находились 2 зоолога. Это обстоятельство в значительной степени обусловило фактическое положение указанного музея, где наиболее полно были представлены фаунастические коллекции и среди них в особенности орнитологические, тогда как ботаника, например, отодвигалась на задний план, и гербарий находился почти в забвении. А между тем гербарий, представляющий сам по себе довольно большую коллекцию растений (более 4000 листов) имеет огромное научное значение. Правда, причин неэкспонирования гербария много и среди них одна из главных – отсутствие помещения и средств. По ботанике было представлено несколько таблиц из серии лекарственных растений, но в мало удовлетворительной форме, т. к. эти рас-

тения недостаточно были этикетированы. Наконец, имевшийся в музее почвенно-геологический материал также неудовлетворительно экспонирован. Напр., нет совершенно данных о мощности залегания той или иной полезной породы, не указано, насколько разработка этих пород рентабельна в наших условиях и т. д.

Тем не менее, в работе Ест.-Ист. музея необходимо отметить ряд положительных данных. Например, т. Меландер почему-то не сказал ни слова об антирелигиозной пропаганде, которая проводилась Ест.-Ист. музеем на своих же экспонатах. Затем, не смотря на то, что музейное строительство, вплоть до осени прошлого года, шло в рамках исторических установок, Ест.-Истор. музей сумел уже несколько лет тому назад самостоятельно развернуть работу по дарвинизму, далее произвел монтiroвку ряда биологических групп, организовал ряд выставок и проводил беседы на антирелигиозные темы. В общем, Ест.-Ист. музей по существу вел работу близко к основным актуальным задачам современности и шел по правильному пути.

Наконец, т. Хозеров говорит, что он считает необходимым пополнение состава научных работников данного музея ботаником или геологом.

Тов. Ланин говорит, что хоть он и новый работник и не является специалистом в области естествоведения, будучи только антирелигиозником, однако за время его работы в Смолгосмузее он успел ознакомиться с состоянием его отделов и с проводимой ими работой и потому считает необходимым высказать свое мнение.

Т. Ланин отмечает, что до сих пор обстановка в Смолгосмузее была нездоровая и только с притоком новых работников работа значительно продвинулась вперед.

Останавливаясь на Ест.-Ист. музее т. Ланин говорит, что этот музей, как и остальные музеи, имел недостатки; так напр. до сих пор не была взята прямая установка на

современность, но тем не менее попытки приближения к современности безусловно были.

По мнению т. Ланина, Ест.-Истор. музей не только является лучшим из местных музеев, но пожалуй является одним из лучших провинциальных музеев вообще. Сам зав. музеем тов. Меландер, является крупнейшим специалистом, как зоолог и как биолог, и ценнейшим работником, как педагог и как экскурсовод. Тов. Ланин говорит, что он неоднократно бывал в естественно-историческом музее, беседовал с т. Меландером и видел его работу и отношение к делу.

Как работник антирелигиозного музея, – говорит т. Ланин, – я столкнулся с необходимостью обратиться за помощью к некоторым сотрудникам, которые в данный момент почти ничего не делают, тогда, как антирелигиозный музей пропускает по 8 экскурсий в день, но они вежливо отказались помочь мне. Товарищ же Меландер, не только первым откликнулся на мой зов и пошел мне навстречу, а даже сам пришел с предложением своих услуг. И вот, я много раз слышал, как он проводил экскурсии в антирелигиозном музее и, несмотря на то, что я, будучи антирелигиозником, ходил незаметно для него по его следам и прислушивался к проводимым им беседам, считая, что у него есть чему поучиться.

Выводы отсюда ясны. Меландер является крупным специалистом и весьма ценным научным работником, который уже принес и, несомненно, принесет еще большую пользу.

Тов. Вержбицкий, характеризуя работу Естественно-Исторического музея, подерживает мнение т. Ланина о том, что этот музей действительно стоит значительно выше остальных Смоленских музеев и что заслуга в этом принадлежит главным образом т. Меландеру.

Не беря на себя смелости говорить о прошлом т. Меландера, которое ему,

Вержбицкому, совершенно неизвестно, и судя о нем только по его работе, т. Вержбицкий считает его безусловно весьма ценным работником.

Т. Гудков говорит: «Я, как хороший преподаватель и любитель природы, не раз заходил в Ест.-Истор. музей и обращался к т. Меландеру за советом, в которых он никогда мне не отказывал. Дальше т. Гудков подтверждает, что большинство экспонатов этого музея действительно смонтировано своими музейными работниками и выполнены они очень хорошо, гораздо лучше, чем в других провинциальных музеях.

В отношении проведения т. Меландером экскурсий, т. Гудков подтверждает мнение, высказанное т. Ланиным.

Заключительное слово т. Меландера:

В заключительном слове т. Меландер подчеркивает, что музей давно уже стал проводить принципы биологического размещения материалов и такие биологические группы были смонтированы и многие экспонаты были распределены по известным комплексам (напр. иллюстрации вопросов эволюции). Однако построить весь музей по такому принципу было невозможно, т. к. для этого необходимо и большая площадь и значительное количество экспонатов. Поэтому нельзя было отказать окончательно от распределения материала в систематическом порядке, да и вообще вопросы экспозиции являются в значительной степени пока вопросами спорными.

Что касается замечания т. Ланина о том, что я не антирелигиозник, то могу отметить, что как естествовед, имея в своих взглядах материалистическое миропонимание, я, проводя его логически, в вопросах религии могу считать себя антирелигиозником.

Тов. Шпакова информирует собрание, что следующее заседание комиссии назначается на 16-е апреля с. г.

Настоящее заседание объявляется закрытым.

Председатель Подпись /Шпакова/

Члены комиссии:

Секретарь Подпись

ГАСО. Ф. 19. О. 1. Д. 4749. Л. 8-15.

Машинопись. Подлинник.

В дальнейшем номера фонда и описи опущены и указаны только листы Дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАСО. Ф. 19. О. 1. Д. 4749.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 488.

³ Там же. С. 489.

⁴ Справочник «Весь СССР на 1931 г.». Издание трансинформации НКПС. Москва. 1931. С. 77.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ ГАСО. Ф. 19. О. 1. Д. 4749. Л. 1. Машинопись. Подлинник.

ПРОТОКОЛ № 2

Зимой 1928/1929 годов Политбюро приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб. 14 февраля 1929 года был утвержден проект постановления, внесенный Наркомторгом. Хлеб населению должен был отпускаться по специальным заборным книжкам, которые получало только трудовое население городов.

«Постановлением был установлен предельный размер хлебного пайка. В Москве и Ленинграде для рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий он составлял 900 грамм печёного хлеба

в день, для членов семей рабочих, служащих, безработных и прочего трудящегося населения – 500 грамм. В остальных промышленных городах и фабрично-заводских посёлках – соответственно 600 и 300 грамм.

Причиной резкого ухудшения продовольственного снабжения в 1930 году явилась насильственная коллективизация, начавшаяся осенью 1929 года. Она стала аккордом в развале рынка и броском к голоду»¹.

В этих условиях государство стремится максимально сократить свои социальные обязательства. Газета «Рабочий путь» в маленькой заметке сообщает:

Результаты проверки состава безработных

Облотдел труда закончил чистку безработных. Из 26.486 тысяч человек, числившихся на бирже труда, после проверки осталось только 21.296 человек. Биржа освободилась от лишенцев, хулиганов, отказывавшихся от работы без уважительных причин, лжебезработных и т. д.

На биржу пробралось около 205 лишенцев, 1067 чел., имеющих нетрудовые заработки и не нуждавшихся в работе. Ошибочно значились в списке уже давно работающие или уехавшие из области безработные – 3.523 человека.

На проверку по четырем округам не явилось 23 процента безработных. Они автоматически сняты с учета.

На бирже осталось 80, 5% прежнего состава².

Проходящие чистку работники музея, как научные сотрудники, так и вахтёры и сторожа, наверняка ощущали на себе результаты политики государства. Но тогда, в 1930 году, отстаивая свое право на работу в государственном учреждении, они не могли знать, что дальнейшие шаги власти

не только обрекают их на унижительное полугодное существование, но и вообще ставят «вычищенных» на грань выживания.

«В январе 1931 года по решению Политбюро Наркомат снабжения ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары. Карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные и военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам. Вне государственной системы снабжения оказались крестьяне и лишенные политических прав («лишенцы»), составлявшие более 80% населения страны»³.

После того, как 14 апреля 1930 года были заслушаны доклад директора музея А.И. Амосенко и содоклад бывшего директора музея, заведующего естественно-историческим отделом В.А. Меландера, Комиссия по чистке аппарата Смолгосмузея и Облрхивбюро обратилась непосредственно к «персоналиям». 16 апреля проходит чистку заведующий музеем прикладного и декоративного искусства имени Н.К. Крупской (бывший Тенишевский) И.Ф. Барщевский.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«Барщевский Иван Федорович (правильно – Барщевский – прим. автора), **беспартийный, из служащих, заведующий отделом прикладных и декоративных искусств, работает в музее с 1898 года, образование – незаконченное высшее».**

Протокол № 2

открытого заседания комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и Обл. архив. бюро от 16 апреля – 30 г.

Присутствуют: члены комиссии Шпакова, Дронэ, Карпекин, Терентьев.

Сотрудники Смолгосмузея и архивбюро в количестве 24 человек /список при сем прилагается/ и посторонние граждане в количестве 42 человека.

Председательствует тов. Шпакова. При секретарях т.т. Вержбицком и Доморацком.

СЛУШАЛИ: отчетный доклад заведывающего музеем прикладного и декоративного искусства имени Крупской /быв. Тенишевского/ тов. Борщевского.

В своем докладе тов. Борщевский излагает краткую историю музея, затем объявляет причины того или иного характера экспозиции, которая по словам тов. Борщевского, зависела от указаний тех, в чьем ведении находился музей: сперва от Тенишевой, которая требовала, чтобы предметы были выставлены красиво, затем в 1910 году Тенишева передала музей в ведение Московского Археологического Института и предметы были расположены в соответствии с требованиями последнего. Наконец, в 1920 году музей перешел в ведение Главнауки Наркомпроса, со стороны последнего до сих пор не было дано соответствующих указаний по поводу построения музея, точно так же как не было никаких указаний и со стороны правления музея, и потому материалы по-прежнему располагались по эстетическому принципу и по предметам. Дальше тов. Борщевский останавливается вкратце на цифрах посещаемости музея с 1920 года.

За истекшее 10-летие музеем пропущено 136 тысяч человек посетителей, в числе коих было 376 экскурсий.

За шесть месяцев 1928 года прошло 2614 индивидуальных посетителей и 52 экскурсии с 1218 чел. экскурсантов, в 1929 году прошло индив. посетителей 1762 и экскурсий 77 с 2888 экскур. В 1930 г. индивидуальных посетителей 8093 и 117 экскурсий с 2824 экскурсантами.

ВОПРОСЫ,
ПРЕДЛОЖЕННЫЕ БОРЩЕВСКОМУ
И ЕГО ОТВЕТЫ НА НИХ

Тов. Вержицкий просит охарактеризовать штат сотрудников музея имени Крупской и работу каждого сотрудника. Тов. Борщевский ответил, за время с 1920 года у него несколько раз менялся штат, научные сотрудники работали всего лишь по несколько месяцев и потому охарактеризовать их трудно. Тов. Вьюнов работает с 1925 года.

– Как Вы и Ваши работники увязывали свою работу с современностью.

– В зависимости от предметов и соглас-но запросам посетителей.

– Каков был социальный состав экскурсий /укажите в процентном отношении/.

– Затрудняюсь ответить на этот вопрос, так как точных цифровых данных у меня сейчас не имеется.

– С кем вы соревнуетесь и по каким вопросам? Если не соревнуетесь, то почему.

– Соревноваться я уже не могу, потому что мне 80 лет. Кроме того у меня всего лишь один сотрудник.

– Какие вы имеете заслуги старого времени?

– Я работал очень много и имею за свои работы медали. 5 медалей золотых я получил за научные археологические и прочие работы.

– Почему вы против чистки сов. аппарата.

– Я не понимаю, откуда вы это взяли.

– Вы заявляли в Союзе Рабпрос, что Вы против чистки сов. аппарата.

– Ничего подобного не было.

– Как у Вас обстоят дела на церковном фронте и как у вас расположены иконы в церковном отделе.

– Иконы расположены по пошибам, по школам: московские, новгородские и новые.

– Не производит ли этот отдел впечатления церкви?

– Не знаю, как кому кажется. У меня иконы в нем были выставлены также как и в других старых музеях.

– Устраивались ли музеем антирелигиозные выставки и кто ими руководил?

– Да, выставки устраивались; руководил ими я.

– Верите ли Вы в бога и ходите ли Вы в костел?

– Во-первых, я не католик и потому в костел не хожу, да и в церковь я тоже давно не хожу.

– Не считаете ли Вы, что антирелигиозную работу может проводить только глубоко убежденный антирелигиозник?

– Верно, эта работа должна проводиться антирелигиозником.

– Но, каким образом проводили эту работу Вы?

– Я проводил сравнения икон и если на иконе есть антирелигиозный материал, я указывал и на это.

– Есть ли у Вас труды о фалическом культе, и каков их уклон?

– Да, есть, об этом, быть может, скажет Амос Иванович /Амосенко/.

Тов. Амосенко дает справку, что ему этот труд известен и что он является весьма ценным, но, к сожалению, он издан на белорусском языке и сейчас облсовет ОБВ (Общество воинствующих безбожников – прим. автора) предполагает переиздать это.

– Отмечались ли Ваши заслуги в новое время, и какие Вы имеете награды?

– Отмечались, мои труды оценены так, как я и сам не предполагал. Мне даже дана пенсия. Мои заслуги отмечаются также и в советском словаре /БСЭ/.

– А в старом словаре о Вас тоже упоминается?

– Да, упоминается в словаре Брокгауза и Ефрона.

– Можете ли Вы в дальнейшем заведывать музеем и вести работу?

– Я уже подавал прошение об отставке, так как это для меня очень тяжело. Я по-

сле работы в музее ничего не могу делать и ложусь отдыхать.

– *Как обстоит дело с труддисциплиной у сотрудников Вашего музея?*

– Я считаю, что они относятся к своим работам хорошо.

– *Как реагировали Ваши сотрудники на заметки в стенгазете об опаздываниях?*

– Рачитский по-прежнему опаздывал на работу потому, что он учится.

– *А как Вы реагировали на это?*

– Как я мог реагировать на это, не наказывать же мне его за это.

– *Полностью ли были нагружены сотрудники работой?*

– Полностью нагружены не были, потому что я не мог дать работу без себя, а сам я часто болел.

– *Сообщали ли Вы об этом администрации?*

– Не один раз.

– *Расскажите коротко свою автобиографию.*

– Я родился в бедной чиновничьей семье; учился сам, уехав из дому 17-ти лет, у моего отца был токарный станок и потому я научился токарному ремеслу и был хорошим токарем. Я поехал в Ленинград и поступил на завод царско-сельской железной дороги, но вскоре ушел оттуда вследствие увечья /ушиба ноги/. После этого, умея рисовать, я поступил в фотографию ретушером и работал там довольно долго. Материально я в это время был вполне обеспечен, так как получал до 200 рублей в месяц. Одновременно учился на курсах общества поощрения художеств. 22 лет я женился и уехал в Ростов, намереваясь открыть там фотографию. В Ростове меня поразила старина и я начал снимать Кремль и старинные здания. Вскоре туда приехал академик Павлинов для научно-исследовательских работ. Ему как раз понадобились снимки тех зданий, которые я фотографировал, и я предложил ему свои снимки. Павлинову они очень понрави-

лись и вполне удовлетворили его требования. Он взял снимки, представил их в академию художеств. Академия одобрила их и дала мне звание фотографа академии художеств. Меня начали приглашать все академики путешествовать с ними и производить фотоснимки по их заданиям. В это же время я изучал археологию и работал с археологами.

В Смоленск я попал по приглашению княгини Тенишевой в 1898 году. Семья моя состоит из жены и сына. Сын механик; в 1917 году он уехал в Сибирь и поступил в Гаванскую кампанию оловянных приисков. Сейчас он находится в Албании, пытался вернуться на родину и обращался по этому поводу в наше консульство, но результат его хлопот мне не известен. Я имею с ним переписку, но переписываюсь редко.

– *Ездили ли Вы для повышения своей квалификации куда-нибудь после революции?*

– Нет, нигде не был; я все время находился в Смоленске.

– *Каким образом Вы ведете беседы с экскурсиями и каков у Вас подход к различным посетителям? Знакомитесь ли Вы предварительно с ними?*

– Непременно знакомлюсь, иначе меня не поняли бы. С учениками я говорю иначе, чем с рабочими или служащими.

– *Удовлетворяет ли Ваш музей запросам современности и широких масс, и как Вы думаете его перестроить?*

– Что он не отвечает запросам современности, это несомненно. Но как его перестроить, я узнал только в феврале месяце от тов. Стахурского, с которым я вполне согласен, что музей должен быть политехническим, а не прикладным.

– *Обсуждался ли когда-нибудь вопрос о реорганизации музеев и давалась ли определенная установка бывш. директорами музея?*

– Не помню, чтоб обсуждался.

ПРЕНИЯ ПО ОТЧЕТУ БОРЩЕВСКОГО

Тов. ХОЗЕРОВ подчеркивает, что музей прикладного искусства имеет мировое значение, о нем существует даже литература на иностранных языках. Этот музей был организован по образцу Парижского музея. В Париже он был выставлен в Лувре и поразил красотой русского крестьянского искусства всех французов. Вся русская общественность, – говорит тов. Хозеров, – смеялась над собраниями этого музея, также как над музыкой Глинки. Но, граница посмотрела иначе и оценила очень высоко. В результате он получил мировое значение. Собирателем этого музея является Иван Федорович Борщевский и Тенишевой неправильно приписывают заслуги собирательницы.

До 1925 года, пока я не был назначен директором музея, бывший Тенишевский музей был построен по эстетическому принципу. Что же касается указаний Главнауки, как строить музей, то такие были и Иван Федорович забыл о них. В этих директивах указывалось, что музей должен строиться по предметному признаку.

Упреки в том, что якобы музей представляет собою антикварную лавку не выдерживают никакой критики. Хотя экспозиция его была построена не научно, однако с 1926 года он начал строиться по предметному признаку. Таким образом, были попытки перестроить музей согласно указаниям центра. Затем, когда Комсомольской Правдой была поднята кампания о том, что музеи оторваны от современности и не выдерживают современной критики, была созвана конференция в Москве, на которой были даны соответствующие указания. В прошлом году, наконец, к нам приезжал представитель Главнауки, ученый специалист тов. ЛЕВИНСОН, который указал на замеченные им недостатки музея. Но, он не дал практических указаний, как изжить эти недостатки. И только

осенью прошлого года Главнаука дала определенные директивы. Дальше тов. Хозеров указывает на то, что устраивавшиеся музеем антирелигиозные выставки не выдерживали никакой критики. Затем упоминает, что у Молоховской башни устраивалась выставка керамики, в организации которой принимал участие и он сам, и приглашал представителей керамического производства. Об этом Иван Федорович очевидно забыл. Что же касается церковного отдела, то, по мнению тов. Хозерова, впечатление церкви он не производит. Иконы в нем выставлены по обычному принципу старых музеев. С антирелигиозной стороны этот отдел, конечно, никакой критики не выдерживает. Однако строго судить Ивана Федоровича за эти недостатки нельзя, потому что он стар и не успевает за темпами нашего социалистического строительства и сам в этом признается. Иван Федорович последний оставшийся в живых участник ассирийской экспедиции, переживший уже на шесть лет начальника этой экспедиции профессора Кондакова.

Тов. АМОСЕНКО указывает на то, что о бывшем Тенишевском музее не приходится и говорить современен ли он или не современен. По мнению тов. Амосенко он безусловно не отвечает своему назначению. Однако надо сказать, что в настоящее время Главнаука бьется над разработкой типа музея.

О тов. Борщевском тов. Амосенко говорит, что он не консервативен, что он первый представил ему план реорганизации музея. Но этот план не осуществлен только потому, что на очереди у нас был вопрос об организации антирелигиозного музея и музея Революции. Касаясь работы тов. Борщевского о фаллическом культе, тов. Амосенко говорит, что эта работа очень ценна и остается пожалеть только лишь о том, что она издана на белорусском языке. При этом тов. Амосенко указывает на то, что облсоветом союза воинствующих

безбужников предполагается не в далеком будущем переиздать эту работу. В заключение тов. Амосенко говорит, что у И.Ф. Борщевского есть большое рвение в музейной работе, есть энтузиазм, и таким образом, как работник, он не заменим. Но он стар, и в силу этой причины дважды подавал заявление об отставке. Но он, Амосенко, не мог удовлетворить его ходатайство по целому ряду причин. По мнению тов. Амосенко от административной работы тов. Борщевского надо освободить, однако, как энциклопедист тов. Борщевский несмотря на его преклонные годы является все же весьма ценным работником и потому тов. Амосенко, считая, что он может еще работать, говорит о необходимости использовать его на музейной работе.

Тов. ЛАНИН говорит, что бывш. Тенишевский музей, именующийся по какому-то недоразумению, музеем прикладного и декоративного искусства и носящий имя Н.К. Крупской, не оправдывает такого громкого звания и является не больше, как хорошей антикварной лавкой, но никак не музеем прикладного искусства. Если бы, – говорит тов. Ланин, – тов. Крупская знала, что этот музей носит ее имя, она пришла бы в ужас, ибо этот музей совершенно не современен. По мнению тов. Ланина, едва ли целесообразно открывать этот музей для обозрения широкой публики, так как иногда приносит результаты совершенно обратные тем целям и задачам, которые стоят перед нами.

Дальше тов. Ланин говорит, что он совершенно не согласен с оценкой этого музея, который дает ему тов. Хозеров, и подчеркивает, что церковный отдел надо немедленно закрыть, так как в нем не ведется не только антирелигиозной культурно-просветительной работы, а наоборот, Богомольные старушки приходят туда молиться богу. Единственно, что есть современного в этом отделе – это плакат «Религия – опи-

ум для народа», который в данной постановке звучит какой-то насмешкой.

Что же касается экспонатов Тенишевского музея и их экспозиции, то тов. Ланин считает, что они ни в коей мере не соответствуют запросам современности, и особенно несовременен этикетаж к ним. Как, например, тов. Ланин указывает на платье помещицы Энгельгардт с соответствующей архаической надписью к нему.

Дальше, приводимые тов. Борщевским цифры посещаемости Тенишевского музея за несколько лет тов. Ланин считает слишком незначительными по сравнению с посещаемостью только что открывшегося антирелигиозного музея и подчеркивает, что цифры посещаемости последнего за два за три месяца покроют цифры посещаемости Тенишевского музея за несколько лет.

Останавливаясь на характеристике работников бывш. Тенишевского музея, тов. Ланин прежде всего констатирует наличие громадного запаса весьма ценных знаний у Ивана Федоровича Борщевского и говорит, что тов. Борщевский как крупный специалист, безусловно должен быть использован, но как об антирелигиознике, о нем не приходится даже и говорить и по мнению тов. Ланина назначение тов. Борщевского заведывающим антирелигиозным музеем было преступление со стороны тех, кто назначал его на эту должность /Хозеров с места: «Это Меландер, Меландер»/.

Что же касается научного сотрудника этого музея тов. Вьюнова, то тут приходится отметить, что о нем и сказать-то нечего ибо есть люди о которых можно говорить хорошее, есть люди о которых можно говорить плохое, и, наконец, есть люди, о которых совсем ничего нельзя сказать.

К разряду последних и принадлежит Александр Николаевич Вьюнов. Он ничем не интересуется, он ни в чем не проявляет себя. Этот человек, безусловно, не со-

временный, а между тем ему вверялось проведение антирелигиозной работы, несмотря на то, что в антирелигиозном деле он абсолютно ничего не понимает. Ведь, как может проводить антирелигиозную работу тот, кто сам говорит о себе в одном из своих стихотворений: «Тьма у меня теперь в солнечных дудок, я совсем потерял свой рассудок, но крылышки есть у моих за то ног, я живу словно солнечный бог» и т. д.

Этот «солнечный бог» больше годится в герои какой-нибудь щедринской сатиры, но никак не в научные сотрудники музея, имеющего мировое значение, – говорит тов. Ланин.

О тов. Ткачеве можно сказать только хорошее. Тов. Ткачев работает у нас в антирелигиозном музее, для которого он сделал очень много. В антирелигиозном музее тов. Ткачев выявил себя хорошим работником, работая со мною и с тов. Вержбицким плечо в плечо. Таких работников, безусловно, надо ценить, – заканчивает т. Ланин. Об остальных работниках тов. Ланин не говорит, потому что мало знает их работу.

Тов. ВЕРЖБИЦКИЙ, касаясь трудовой дисциплины у работников музея имени Крупской указывает на ненормальные явления, подчеркивая что работники этого музея в отсутствие заведывающего отделом не находят себе дела. Иван Федорович /Борщевский/ говорит, что работники не были полностью нагружены, потому что он часто болел. А где же, – спрашивает тов. Вержбицкий, – был в это время научный сотрудник, который в отсутствие заведывающего, должен быть его заместителем и руководить всей работой музея. Что это за научный сотрудник, который без заведывающего не только не может дать дело другим сотрудникам, но и себе не может найти дела.

Тов. ЕЛАГИНА говорит, что когда она приехала в Смоленск, она пошла познакомиться с местными музеями и посетила

бывш. музей имени Тенишевой. Общая постановка работы в этом музее тов. Елагиной совсем не понравилась; особенно не понравился церковный отдел. Ей пришлось там послушать, как тов. Борщевский проводил так называемые «антирелигиозные» беседы в своем церковном отделе, где он о веригах, например, говорил, что можно было бы подумать, что в ношении их была заслуга тех, кто носил эти вериги, что это так и надо было сделать. О том же, насколько это было глупо, о самом религиозном дурмане не было сказано ни слова. То же самое говорилось о собранных там иконах, о которых указывалось кто их писал и как их писал, но не больше. Такая культурно-просветительская работа не только бесполезна, но даже и вредна и потому, по мнению тов. ЕЛАГИНОЙ, отдел церковных икон надо закрыть.

Что же касается работников этого отдела, – говорит тов. ЕЛАГИНА, – то о них можно судить по тем табличкам, которые у них висят в музее и на которых написано: «Покорнейше просят предметы руками не трогать». Что-нибудь новое они дать не могут; потому тов. ЕЛАГИНА считает, что им в музее не должно быть места.

Тов. ВЛАСОВ /преподаватель промышленно-экономического техникума/ говорит, что выслушанные им тяжелые обвинения по адресу Ивана Федоровича Борщевского, которые высказали тов. Ланин и тов. Елагина, совершенно не основательны. Я тоже бывал в музее, – говорит тов. Власов, – не раз слушал проводимые тов. Борщевским беседы в том же отделе церковных древностей, и не согласен с тем, что якобы в объяснениях тов. Борщевского тех или иных экспонатов имели место религиозные элементы. Объясняя, например, вериги, тов. Борщевский подробно рассказывал, где и как он добыл эти предметы, не без юмора рассказывал о носителях этих вериг и т. д. Но ни сам не думал одевать их, ни, тем более, напяли-

вать их на посетителей. Говоря, например, о плахе знатных особ, тов. Борщевский подчеркивал, что это сделано руками трудящихся. Таким образом, по мнению тов. Власова, то впечатление, которое произвели беседы Борщевского на тов. Елагину, посетившую музей один раз, является ее субъективным мнением. На него же, Власова, эти беседы такого впечатления не производят.

В заключение тов. Власов говорит, что тов. Борщевский, безусловно, не годится уже в идейные руководители, но он очень ценен, как собиратель, как опытный музейный работник. Если же он не додумался до того, до чего не додумались в Главнауке до сих пор, то это не является основанием для таких тяжелых обвинений Борщевского, какие на него здесь возводятся.

Тов. ЗАЙЦЕВ, – отвечая, прежде всего, тов. Власову, говорит, что если он, Власов, так понимал объяснения тов. Борщевского, то вопрос – так ли понимали его объяснения рабочие?

Тут говорили, что Борщевский стар, часто болел и не мог, как следовало бы работать. Но, спрашивается, что же делали в это время другие работники, оказывается, они не были нагружены и не могли без Борщевского найти себе дела. За что же они получали деньги в виде зар. платы.

Дальше тов. Зайцев задает вопрос, как тов. Борщевский проводил соцсоревнование. Оказывается, в этой области им ничего не было сделано, точно так же, как ничего не сделано и в других музеях. Пусть он болел, пусть он стар, но он должен был дать соответствующие руководства другим работникам, как специалист. Но, в этом отношении он ничего не сделал.

Дальше тов. Зайцев требует от тов. Борщевского объяснений по поводу вывоза вечером из музея вещей.

О церковном отделе тов. Зайцев также высказывает отрицательное мнение, как и предыдущие ораторы.

Касаясь посещаемости музея тов. Зайцев говорит, что малое количество посетителей объясняется тем, что музей не современен, что он не отвечает запросам рабочих, которым этот музей почти непонятен и, наконец, что работа музея не популяризировалась среди широких масс. Работники Тенишевского музея не пытались связаться с соответствующими производственными предприятиями.

Далее тов. Зайцев указывает на то, что тов. Борщевский был против чистки и даже, якобы, ходил в Рабпрос протестовать против нее.

Говоря о дисциплине тов. Зайцев отмечает целый ряд опаздываний сотрудников на службу и указывает на то, что никаких мер против этого тов. Борщевским не принималось.

В заключение тов. Зайцев говорит, что сотрудники Тенишевского музея не специалисты, а лжеспециалисты.

Тов. ДМИТРИЕВ говорит, что бывший Тенишевский музей безусловно не отвечает требованиям современности и что спорить против этого не приходится. Что же касается работы указанного музея, то она видна из приведенных тов. Борщевским цифр.

Вина за отрыв музейной работы от современности ложится не только на Главнауку или Госмузей, которые не давали соответствующих руководящих указаний, но и самих работников, которые не проявили своей инициативы. Кроме того, необходимо отметить, что не были разработаны планы реорганизации музеев вообще и для обсуждения их не были привлечены ни общественные, ни научные организации. По мнению тов. Дмитриева необходимо хорошенько проработать планы реорганизации Смоленских музеев вообще и в частности вашего тенишевского на ученом совете, а затем вынести их на обсуждение широких масс на фабрики и заводы и т. д. Тенишевский же музей совершенно не

связан с фабриками и заводами, не делал там соответствующих докладов о значении музея и его экспонатов, что подтверждается слабым посещением музея рабочими. В будущем этот недостаток необходимо устранить. Что же касается приведенного тов. Ланиным сравнения посещаемости антирелигиозного музея с Тенишевским, то, по мнению тов. Дмитриева, здесь большую роль играет платность посещений и потому вполне естественно, что посещаемость антирелигиозного музея, который открыт для обозрения бесплатно, будет больше посещаемости Тенишевского или другого музея, за посещение которых взимается плата. Если же Тенишевский музей будет открыт для бесплатного посещения, то количество посетителей его безусловно увеличится. Поэтому, – говорит тов. Дмитриев, – необходимо во всех музеях города Смоленска платность посещений отменить. Говоря о работниках бывшего Тенишевского музея тов. Дмитриев отмечает, что Иван Федорович Борщевский является крупным специалистом, труды которого нашли соответствующую оценку, как в дореволюционной, так и в послеволюционной печати. Если он в некотором отношении несовременен, зато он имеет большой опыт в музейной работе и огромные знания, которые необходимо использовать и в дальнейшем. Ивана Федоровича Борщевского надо использовать в музейной работе как специалиста-консультанта, освободив его от административных обязанностей.

О работе других работников тов. Дмитриев не говорит, потому что совершенно не знаком с нею. Тов. КАРПЕКИН говорит, что он тоже бывал в музее и находит, что экспонаты в нем расположены не так, как нужно и этого не отрицает и заведывающий музеем. Но перестроить работу музея администрация не могла, так как научные работники не принимали соответствующих мер к по-

пуляризации музея, который был оторван от массы. Не вели никакой работы среди населения. В силу этого он не мог построить свою работу по современному. В музее царит отсталость.

Что же касается церковного отдела, то, по мнению, тов. Карпекина этот отдел не только не может вести антирелигиозную работу, но пожалуй, и антирелигиозника может сделать религиозником. Таким образом, работу музея безусловно необходимо перестроить.

Тов. ШЕЛЮТО – /дошкольница/, отвечая тов. Власову, говорит, что влюбленность в вещи и любование ими – это голый эстетизм. Нам же нужны вещи не сами по себе, а знание их значения.

Что же касается протеста против чистки, то тов. Шелюто возлагает вину за это на тов. Амосенко, который везде и всюду говорил, что научных работников чистить не должны. А за ним повторяли и другие, в том числе и Борщевский.

Тов. ПАРФЕНОВ – отмечает, что местные органы власти и общественные организации слишком мало уделяют внимания музею. Многие из них знают о музее только понаслышке, считают их помойной ямой и никогда в них не заглядывают. Так, например, один из членов президиума Горсовета, побывав в музее, заявил, что он переменял мнение о нем, а раньше считал его ничемным учреждением. Таким образом, по мнению тов. Парфенова, вина за неудовлетворительное состояние музея, их работы, падает и на Горсовет, и на облОНО, и на партийные органы /Горком и Обком/ и на общественные организации.

Касаясь экспозиции, тов. Парфенов указывает на то, что в ней не было определенного направления, а все внимание музейных работников было обращено на эстетику. Но, в этом виновата и Главнаука, у которой тоже не было до сих пор определенной установки. Что отмечалось и приезжавшим в прошлом году в Смоленск

представителем Главлана тов. Левинсоном, который указывал на то, что вопросы экспозиции у них еще дискутируются.

О тов. Борщевском тов. Парфенов говорит, что нет никакой надобности говорить ему комплементы, так как его заслуги являются общепризнанными. Что же касается того, что он отстал от современности и для руководства работой музея негоден, то это неоспоримо. Однако тов. Парфенов считает, что его опыт и знания еще не мало могут принести музею пользы и должны быть использованы.

О тов. Вьюнове тов. Парфенов говорит, что он слишком мало работал и плодов его работы совершенно не видно. Даже библиотека музея до сих пор не приведена в порядок. Много раз говорил А.Н. Вьюнов о том, что он переписывает ее, но так-таки и не закончил эту переписку до сих пор, да и вряд ли когда-нибудь закончит.

Дальше тов. Парфенов подчеркивает, что необходимых средств на Тенишевский музей не отпускалось, что им, Парфеновым, расценивается как преступление со стороны администрации.

О И.Ф. Ткачеве говорить нечего. Он – технический сотрудник. Свои обязанности исполняет исправно и только.

О Рачитском тов. Парфенов отвечает, что он заявлял, что не может работать по 6 часов в нетопленном помещении. А, между прочим, в других музеях условия для работы не лучше, чем в Тенишевском музее, но там работали и по 10 часов.

Тов. ЕВТЕЕВА – говорит, что труддисциплина в Тенишевском музее была очень низка; насколько она может судить об этом на основании бесед с музейными работниками, администрация смотрела на это сквозь пальцы, а сами работники относились к делу «спустя рукава». Научную работу вел, главным образом, сам тов. Борщевский. Работа же Вьюнова совсем не заметна. Проводимые Вьюновым беседы были вялы и апатичны. Понятно, что без

помощи других работников, без соответствующих помощников, заведывающий музеем не мог справиться один со всей работой. В отсутствие зав. музеем в помещении музея наблюдалась даже грязь. Ссылаясь на перегруженность работой остальные работники не хотели взяться за какое-нибудь дело. Тов. Евтеева интересуется как реагировал заведывающий на такую недисциплинированность сотрудников и на соответствие своему назначению этого научного сотрудника тов. Вьюнова.

Тов. Борщевский от предоставленного ему заключительного слова отказался, мотивируя свой отказ тем, что против него были выдвинуты такие обвинения, на которые он не может отвечать, и не желает оправдываться.

На предложенный ему дополнительно вопрос: соответствовал ли Вьюнов своему назначению, тов. Борщевский ответил, что как научным сотрудником он им был доволен.

Справка тов. Амосенко: тов. Ланин говорил, что будто бы я квалифицировал тов. Борщевского, как антирелигиозника. Я его так не квалифицировал, а только лишь отмечал его знания и ценность его работы для музея.

Справка тов. Хозерова: экспозиция икон в Тенишевском музее аналогична экспозиции подобных экспонатов в Ленинградском и Московском музеях.

Биографическая справка:

По завершении работы комиссии по чистке И.Ф. Барщевский, по его верси, подал заявление об уходе из музея. Отставку приняли, и он уехал к дочери в подмосковное Коломенское. Там он еще долгое время работал в музейно-усадебье «Коломенское», в 1946 году его удостоивают высокого звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Скончался И.Ф. Барщевский в 1948 году. (см. Приложение 2).

ПРОХОДИТ ЧИСТКУ ТОВ. ТКАЧЁВ И.Ф.

Из Сведений о работниках музеев города Смоленска, хранящихся вместе с протоколами заседаний комиссии:

«ТКАЧЁВ Иван Фролович, беспартийный, из крестьян, сторож, работает в музее с 1913 года, образование – низшее».

Тов. Ткачёв говорит, что он является сторожем-уборщиком. В бывшем Тенишевском музее работает с 1913 года с 2-х летним перерывом по случаю войны. До поступления в музей работал дворником у инженера Фрумкина (с 1902 по 1908 год). С 1908 по 1913 год работал дворником у княгини Тенишевой с каковой должности и был переведен в музей.

ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ТОВ. ТКАЧЁВУ И ЕГО ОТВЕТЫ:

- Не приходили ли в нетрезвом виде?
- Этого не было. А может быть, и было когда-нибудь.
- Какую Вы имеете нагрузку и как Вы выполняете свои обязанности?
- Кроме работы в Тенишевском музее прикомандирован в антирелигиозный музей для работы по организации его.
- Не бегали ли Вы из музея, когда в нём было холодно?
- Нет. Я все время был при музее.
- Вы работаете при музее только, как сторож, или выполняете и другие какие-нибудь обязанности?
- Работаю, как сторож и помогаю расстановивать экспонаты.
- Любите ли Вы музейное дело?
- Эту работу я люблю.
- Не случалось ли Вам проводить экскурсии?
- Бывали случаи, что я проводил экскурсии.
- Состояли ли Вы в каком-нибудь политкружке?
- Учился в политкружке, но посещал его не регулярно, потому что мне некогда.

– А Вы ставили на местное дело вопрос о том, что Вам некогда посещать занятия кружка?

– Нет, не ставил.

– Откуда Вы знаете, что некоторые экспонаты сделаны руками крепостных?

– Я узнал об этом от Ивана Фёдоровича (Борщевского).

– А вот по части вывоза вещей, скажите, какие это вещи вывозились из музея Глембовецким?

– Об этом я ничего не знаю.

– Какие у Вас были взаимоотношения с заведывающим музеем и с другими сотрудниками и не ругались ли Вы за что-нибудь?

– Нет, не ругались. Если, бывало, я провинюсь, то Иван Фёдорович давал мне напастую.

– Сколько Вы получаете зарплаты?

– 80 руб. основной оклад и 15 руб. за исполнение дворницких обязанностей.

– Какая разница в объяснениях предметов раньше и теперь и вообще есть ли разница?

– Разница есть, сейчас, например, указывается, что этот предмет сделан крестьянами и т. д.

– Есть разница в объяснении икон в антирелигиозном музее и в быв. Тенишевском и в чём эта разница выражается?

– Безусловно, эта разница есть. Во-первых, тут идут антирелигиозные предметы, и даётся антирелигиозное объяснение, а там только говорилось о том, что это иконы Московские, а это – Новгородские.

– В деревне Кобзево Хохловской волости Вы имеете землю?

– Нет, не имею. Там живут мои братья, которые имеют по 5 десятин земли. У меня собственности нет.

ПРЕНИЯ О ТОВ. ТКАЧЁВЕ

Тов. ЗАЙЦЕВ отмечает, что тов. Ткачев малограмотен, но, всё же, он умеет по-

казать и рассказать, что откуда получено и что значит тот или иной предмет. Плохо только, лишь то, что тов. Ткачёв халатно относится к учёбе. Надо воздействовать, чтобы он повысил свою квалификацию и общеобразовательную и политическую грамоту и принимал бы активное участие в общественной работе.

Тов. ВЕРЖБИЦКИЙ говорит, что как тех-сотрудник Ткачёв выявил себя хорошим работником и показал, что он не только умеет выполнять порученную работу, но и умеет сам находить себе дело. Что же касается выпивок, то факты появления тов. Ткачёва на службу в нетрезвом виде имели место, но Ткачёв не имеет гражданского мужества признаться в этом. Этот недостаток надо изжить. Наконец, тов. Вержбицкий указывает на то, что тов. Ткачёв замазывает известные ему, как старому музейному работнику, недостатки быв. Тенишевского музея и призывает его и всех остальных сотрудников развязать языки и помочь комиссии разобраться в этих недостатках и принять меры к изжитию их.

Тов. ЛАНИН так же даёт тов. Ткачёву соответствующую характеристику, указывая на его аккуратное, добросовестное отношение к делу. Такими работниками, – говорит тов. Ланин, – надо дорожить.

ПРОХОДИТ ЧИСТКУ ТОВ. РАЧИТСКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«РАЧИТСКИЙ Иван Васильевич, беспартийный, из служащих, вахтёр, работает в музее с 1928 года, образование – среднее».

Рачитский говорит, что он студент физико-математического отделения педфака Смоленского университета. Работает в быв. Тенишевском музее в качестве вахтёра. Поступил туда в 1923 году. Нуждаясь в работе, он искал службы, был за-

регистрирован на бирже труда, коей и был послан в музей им. Крупской, в котором было свободное место вахтёра. Отец работает в фин. контроле.

ВОПРОСЫ ТОВ. РАЧИТСКОМУ И ЕГО ОТВЕТЫ НА НИХ:

– Велика ли у Вас общественная нагрузка?

– Нет, общественная нагрузка у меня не велика.

– Сколько часов Вы работаете в музее?

– Иногда я прихожу с опозданием на один или полтора часа, так как я связан с университетом и не могу пропускать лекции.

– Проводили ли Вы экскурсии, и каковы отзывы экскурсии о Ваших беседах?

– Проводил и за проведение бесед слышал только похвалы.

– Давали ли Вы тов. Борщевскому свои соображения по поводу реорганизации музея?

– Нет, своих планов я не выдвигал.

– В политкружке состоите?

– Занимаюсь при университете.

– Если кончите университет, то музей, конечно, по боку?

– Да, я скоро совсем думаю оставить музей, так как службу совмещать с учёбой не могу.

– Как реагировали Борщевский и Вьюнов на план реорганизации музея?

– Я не слышал, чтобы Амосенко говорил о каких-нибудь планах. При мне говорилось только об организации отдела керамики с утилитарным значением его.

– Вы знаете о том, что было отдано распоряжение о снятии портрета Тенишевой? Как реагировали на это научные работники?

– Об этом я узнал только впоследствии. Портреты были сняты без особых возражений.

– Как Вы смотрите на опаздывания сотрудников на работу. Считаете ли Вы их

нормальными, и не отражаются ли они на работе?

– Каждое опаздывание, конечно, отражается на работе, и считать опаздывания нормальным явлением, безусловно, нельзя. Что же касается моих опаздываний, то я старался компенсировать их, насколько это было возможно.

– Как Вы изживали недостатки, о которых указывалось в заметках в стенгазете по части опаздывания?

– Заметки были о моих опаздываниях. Я об этом ставил вопрос перед месткомом и местком, учитывая причину моих опаздываний, не возражал против этого.

– А что Вам известно по части вывоза вещей из музея?

– Об этом я ничего не знаю.

– Как проводится у Вас работа по политпросвещению работников Вашего музея и как они работают?

– Они просматривают газеты и стараются увязать свою работу с современностью.

– Не обходите ли Вы молчанием затронутые вопросы по части вывоза вещей и других ненормальностей, имевших место в Вашем музее?

– Ничего подобного. Раз я не видел и не слышал ничего, то я не могу и говорить.

– А что, имущество, которое поступает в музей, записывается где-нибудь и ничего из него не пропало?

– Да, всё имущество инвентаризируется и видных пропаж не было. В последнее же время у нас исчезла одна вещь стоимостью в один рубль.

– Интересует ли Вас работа в музее или Вы смотрите на неё, как на источник средств к существованию, дающий Вам возможность учиться?

– Работой я интересуюсь, но в то же время смотрю на неё, как на совмещение, дающее средства к учёбе.

– А Вы слышали о том, что какие-то вещи вывозились из музея?

– Слышал.

– Как Вы отнеслись к этим слухам?

– Я не поверил.

– Считаете ли Вы, что за последнее время чувствуется сдвиг в работе музея?

– Да, с приходом партруководства, это заметно. Но и раньше сотрудники говорили между собой о необходимости реорганизации музея.

– Как вы смотрите на прилив партработников?

– Прилив партработников оживил работу музеев, это стало очень заметно, потому что раньше наши музеи были оторваны от массы.

– Не было ли у Вас прогула без уважительных причин? А также у других работников Вашего музея?

– По-моему, не было.

ПРЕНИЯ О ТОВ. РАЧИТСКОМ

Тов. ПАРФЁНОВ говорит, что система работы в музее до сих пор была вообще не правильна. Научные работники работали 3 часа, а технические – 8 часов. При такой системе опаздывание Рачитского и других технических работников вполне естественно, так как без научных работников им в музее делать нечего. С другой стороны, ненормально и то обстоятельство, что тов. Рачитский, ведя больше научно-техническую работу, получал за это всего лишь 80 руб. По мнению тов. Парфёнова, нелогично и рассуждать о том, чтобы он вёл работу высшей квалификации за такую мизерную зарплату. Таким образом, надо ставить вопрос не об отдельных ненормальных явлениях в работе музеев, а вообще о постановке работы в них, о системе этой работы и затем уже об участии Рачитского в общемузейной работе. По мнению тов. Парфёнова в музее нужны не постоянные вахтёры, а проходящие.

Тов. ВЕРЖБИЦКИЙ подчёркивает, что тов. Рачитский говорит неискренно и всячески старается замазать те ненормаль-

ности, которые имели место в Тенишевском музее. В частных беседах, – говорит тов. Вержбицкий, – Рачитский подтверждал, указывавшиеся в стенгазете факты, а здесь на чистке не только умалчивает о них, но и пытается даже отрицать их.

Тов. НОТКИН говорит, что если рабочий опаздывает на производстве – его за это увольняют, в музее же имеют место систематические опаздывания, но администрация смотрит на них сквозь пальцы. Это, безусловно, ненормально, так как опаздывания Рачитского отражаются на работе в учреждении, а это последнее отражается на его учёбе.

Тов. ЛАНИН говорит, что тов. Рачитский в Тенишевском музее выполняет работу научного сотрудника. Что же касается его умалчиваний о ненормальностях в работе музея, то, по мнению тов. Ланина, Рачитский мог и не знать о том, что творилось у него под носом, так как у тов. Рачитского характер флегматичный и вдобавок он занят учёбой.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РАЧИТСКОГО

В заключительном слове тов. Рачитский подтверждает правильность тех положений, которые были высказаны тов. Парфеновым о системе работы в музеях. Дальше он останавливается на замечаниях о том, что якобы он язвительно смотрел на рационализацию, и говорит, что если это было и так, то он имел для этого некоторые основания, так как до сих пор рационализация не проведена.

ПРОХОДИТ ЧИСТКУ ВЬЮНОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«ВЬЮНОВ Александр Николаевич, беспартийный, из торговцев, научный со-

трудник, работает в музее с 1925 года, образование – высшее».

Тов. Вьюнов предварительное зачитывает выдержку из заметки «Ещё одно последнее усилие» № 15/54 от 14-го Апреля 1930 года о том, как компрометируются хорошие идеи. Переводя эту заметку на музей, тов. Вьюнов говорит, что о музеях и о лицах, работающих в нём, судят с наскоку.

Председательствующая тов. Шпакова просит не уклоняться в сторону и говорить короче о себе и своей работе, а также о работе музея вообще.

Тов. Вьюнов заявляет, что, так как нападков на него слишком много, то и говорить о них приходится слишком много, и вложиться в три-пять минут невозможно.

Тов. Шпакова просит рассказать коротко свою автобиографию. Вьюнов говорит, что он сын смоленского мещанина, мелкого торговца, очень интересовался театром, был актёром, затем режиссёром. Когда в 1910 году открылся Смоленский археологический институт, он поступил в этот Институт. Дальше тов. Вьюнов ссылается на выпущенные им научные работы по театру, по нумизматике и другие, указывая на то, что в своих трудах он применял марксистские принципы. В 1915 году он поступил на службу в землеустроительную компанию, а затем поступил на службу по специальности, как археолог в комитет по охране памятников старины. До этого работал в антикварном магазине своей матери, каковой затем ликвидировал и сейчас, – говорит тов. Вьюнов, – я могу считать себя пролетарием. После революции он, Вьюнов, поступил в пролеткульт и организовал там театр. Затем был приглашён ректором университета тов. Серёжниковым в университет, где читал лекции по истории театра. После двухлетней работы в университете, поступил в музей, где и работает по настоящее время в качестве научного сотрудника. Дальше тов. Вью-

нов подчёркивает огромное культурное значение музея, как хранилищ наглядных пособий. Что же касается реорганизации музея, то тов. Вьюнов говорит, что и Главнаука не дала на сей счёт никаких директив, но необходимость реорганизации необходима.

Что касается каких-то реплик, то, – говорит тов. Вьюнов, – беседуя с сослуживцами, иногда, быть может, и были допущены какие-нибудь шутки, из которых можно сделать неблагоприятные выводы. Но с посетителями приходится говорить иначе, приспособившись к ним. Например, к профессорам надо иметь один подход, к студентам – иной, к учащимся – третий и т. д. Наконец, тов. Вьюнов подчёркивает, что в отзывах выступавших товарищей было предвзятое мнение и потому они судили о работе музея неправильно. Нельзя, – говорит тов. Вьюнов, – закрыть музей потому что он остался один.

В заключение тов. Вьюнов просит обратить внимание на заявление тов. Борщевского, который говорил здесь, что им, Вьюновым, как научным работником, был доволен.

ВОПРОСЫ ТОВА. ВЬУНОВУ И ЕГО ОТВЕТЫ НА НИХ:

– В качестве кого Вы поступили в музей?

– В качестве научного сотрудника перешёл из университета.

– Какой Вы имели магазин?

– Не я имел магазин, а магазин был у моей матери. Это был антикварный магазин, в котором я вёл дело своей матери, совмещая со службой.

– Чем объясняется неодинаковое объяснение: одним в шутку, другим – по-иному?

– Тем, что люди неравны.

– Какие вы имеете научные труды по этнографии?

– Укладка Тенишевского музея, путеводитель, о кружевах и работы по театру.

– Как Вы считаете себя научным сотрудником: по части театра или по другим каким отраслям знаний?

– По образованию я археолог, мне знакомо устройство музея. Знакомство с тов. Борщевским добавило ещё многое к той универсальности, которую я имел.

– Имеется ли у Вас описание сундуков Тенишевского музея?

– Имеется.

– Вы говорите, что у Вас есть книги по психологизму и в то же время указываете на то, что вы применяли в ней материалистические принципы?

– Я говорил, что в этой книге, изданной 20 лет тому назад, есть элементы материализма, есть отдельные намёки на материализм.

– Вы говорили, что современные художники не находят таких красок, как старые художники. А Вы видели картины Бродского?

– Нет, не видел.

– А вот реклама Маяковского – не чистое искусство?

– Иногда бывают виртуозы, которые и рекламы пишут виртуозно.

– Как Вы чувствуете себя политически подготовленным или не подготовленным?

– Я всё время работаю и интересуюсь политикой.

– Сколько дохода давала Ваша типография?

– Видите ли, это была не типография, а маленькая скоропечатня при магазине моей матери.

– Что Вы там печатали?

– Бланки, конверты, небольшие рекламы и т. п.

– Не припоминаете ли Вы случая пренебрежительного отношения к экскурсии, в частности к пионерским экскурсиям?

– Мы так любим свое дело, что это не могло быть сознательно.

– Делились ли Вы своими научными изысканиями в научных обществах?

– Нет, не делился, потому что они имели узко-специальное значение.

**ТОВ. ШПАКОВА ОБЪЯВЛЯЕТ ПЕРЕРЫВ
ЗАСЕДАНИЯ.**

Затем разъясняет цель и значение чистки, отмечая замеченные в процессе работы комиссии ненормальности и недостаточную активность собрания, и призывает к более сознательному отношению к делу и активному участию в работе комиссии.

Следующее заседание назначается на 20 Апреля с. г. в 7 часов вечера в Клубе ДРП.

Председатель комиссии ШПАКОВА
Секретариат ВЕРЖБИЦКИЙ
ДОМОРАЦКИЙ

После протокола в Деле подшита узкая полоска бумаги, на которой «в столбик» карандашом написаны фамилии присутствовавших на заседании комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и Областного архивного бюро 16 апреля 1930 года:

16/IV 1. Доморацкий. 2. Дронэ. 3. Вержбицкий. 4. Морозов. 5. Елагина. 6. Барщевский. 7. Хозеров. 8. Вьюнов. 9. Миркин. 10. Жариков. 12. Амосенков. 13. Ланин. 14. Гончарова. 15. Ковалева. 16. Меландер. 17. Рачитский. 18. Ткачев. 19. Дмитриев. 20. Полуденцев. 21. Зайцев. 22. Барсток. 23. Лицкевич. 24. Дмитриева.

**Л. 16–22 об., 23. Машинопись.
Подлинник.**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008. С. 95.

² Рабочий путь. 1930. 25 мая. № 20.

³ Осокина Е.А. Указ. соч. С. 95.

19 января 1930 года орган Областного комитета ВКП(б), Областного исполкома, Областного совета профсоюзов Западной области газета «Рабочий путь» публикует заметку:

**Совнарком СССР
о чистке соваппарата**

Совнарком СССР принял постановление по докладу ИК РКИ о плане его работ и о чистке советского аппарата. В постановлении говорится:

Удачное использование рабочих бригад по чистке аппарата делает возможным ускорение темпа чистки и способствует подъему активности служащих проверяемых учреждений в чистке советского аппарата. Участие рабочих бригад в чистке дало возможность обнаружить ряд фактов искривления классовой линии, невыполнения директив правительства по важнейшим вопросам, медлительности в работе, парамелизма; рабочие бригады выявили возможность дальнейшего сокращения аппарата и т. д.

Совнарком отмечает все еще слабое участие советов, профсоюзов и руководителей учреждений в проверке советского аппарата. Профсоюзные организации далеко недостаточно усвоили, что проверка и чистка советского аппарата являются прямым средством улучшения положения рабочих масс...

Важнейшей задачей во время чистки является улучшение социального состава государственного аппарата. Поэтому Совет Народных Комиссаров предлагает руководителям проверяемых учреждений, советам, профсоюзам и комиссиям по чистке одновременно с проверкой аппарата принять все меры к пополнению аппарата выдвиженцами. Выдвиженцы должны намечаться из среды активных,

стойких и выдержанных рабочих, в частности, участников рабочих бригад...¹

Через некоторое время в газете появляется другая крохотная заметка-объявление:

Чистка аппарата конторы связи

Комиссия содействия по чистке аппарата смоленской окружной конторы связи обращается ко всем трудящимся с просьбой – помочь ей выявить все негодное в аппарате. Заявление нужно опускать в специальные ящики, вешенные в предприятиях почты, телеграфа и телефона, а также и в почтовые ящики. Письма с заявлениями, адресованные в комиссию содействия, можно посылать без марок.

КОМИССИЯ СОДЕЙСТВИЯ²

Та же газета «Рабочий путь» жирным шрифтом печатает сообщение:

**Пленум брянского окрисполкома
ходатайствует о награждении
т. Сталина орденом
Красного Знамени
Москва, ЦК ВКП(б), копия ВЦИК**

Расширенный пленум брянского окружного исполнительного комитета с участием рабочих заводов «Красный Профинтерн», завода № 13, «Урицкого», Фокино Володарского и других предприятий и представителей Красной армии в количестве тысячи человек, собравшихся на пленум для разрешения вопросов социалистического переустройства народного хозяйства округа на основе генеральной линии партии, шлют свой горячий привет борцу за генеральную ленинскую линию ВКП(б), за социалистическую реконструкцию народного хозяйства СССР, старейшему большевику и испытанному вождю

товарищу Сталину в связи с пятидесятилетним его юбилеем.

Учитывая громадные революционные заслуги тов. Сталина перед страной и революцией во все моменты героической борьбы трудящихся за дело социализма в подполье, на фронтах гражданской войны и в эпоху непосредственного строительства социализма, пленум присоединяется к постановлению сормовских рабочих и просит ВЦИК О НАГРАЖДЕНИИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ВТОРЫМ ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

Да здравствует ВКП(б), выдвинувшая из своих славных рядов стального бойца за дело трудящихся – Сталина!

Да здравствует победа социализма в СССР в исторически минимальный срок!

ПРАВЛЕНИЕ

Один из последующих номеров газеты пестрит заголовками: «**На последнем месте**», «**Темп льнозаготовок продолжает падать**», «**Бесхозяйственность**», «**Стоимость бюджетного набора увеличилась. Скачки цен на обувь и одежду**», «**Известкование полей – под угрозой срыва**», «**Мясо дороже, чем у частника**», «**Сырой, недопеченный хлеб**», «**Рабочие довольны**». Здесь же помещен фотоснимок с подписью: «**Трофеи Смоленского ЦРК. Пять бочек гнилой капусты, обнаруженные в студенческой столовой**».³

Протокол № 3

открытого заседания комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и Обл. архив. Бюро от 22 апреля 30 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Члены комиссии т.т. Шпакова, Дронэ, Калбеев и Карпекин. Сотрудники Госмузея и Архивбюро /список прилагается/ и 18 человек посторонних граждан.

Председательствует тов. Шапова при секретарях Верхбицком и Доморацком.

ВОПРОСЫ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. ВЬЮНОВА.

ВОПРОС: *Что Вами сделано по сборанию предметов для театрального дела?*

В дополнение к вопросу:

– С какого времени началось соби- рание?

ОТВЕТ: В настоящее время работа при- остановлена. Я несколько раз обращался к директору за некоторыми мелочами: выписать театральный журнал, пытался отобрать некоторые экспонаты из истори- ко-революционного музея, но в связи с чисткой мне предлагалось обождать. Вы- явлены некоторые материалы по Талаш- кинскому театру, а также из общих отзы- вов о деятельности Тенишевой.

Гор. театром переданы манекены, для которых, под моим руководством изготов- ляются костюмы. Заведен альбом автогра- фов, в котором имеется автограф артистки Гельцер, больше пока знаменитостей не было.

Вообще проделана работа по выясне- нию материалов, которые предполагаются к поступлению, в том числе из некоторых отделов музея.

– Вы были секретарем Правления Му- зезя и как Вы выполняли свою работу?

– Мне кажется, я справлялся.

– Вы кажется замещали директора. При Вас было дело со шкафами и 225 рубля- ми. Что это за шкафы? Какое их назначе- ние?

– Да, я замещал около 2-х месяцев. Ни- какого дела не было. А просто некуда было девать книг. Моя родственница продавала шкафы, я их предложил музею и просил за них 100 руб., а не 225 руб., а что 225 руб., то это басни. Эти шкафы из торгового по- мещения.

– Считали ли Вы целесообразным, как заместитель директора, при обилии мебе-

ли в музее, покупать торгашеские шкафы и ставить их в архиве как ненужные?

– Я считал и считаю, что недостаток ме- бели был, а если видимость плохая, то их можно исправить.

– Когда изданы Вами стихи и книга о психологизме?

– В 1908 году одна и другая.

– Какую Вы несете общественную на- грузку и как Вы ее выполняете?

– В МК, по госзайму, в ОСО, в секции на- учных работников.

– Что сделано Вами по Госзайму?

– Выявление количества Госзаймов /об- лигаций/, оформлена запись в сберкассе и розданы сберкнижки на руки.

– Занимаетесь ли Вы в политкружках?

– Записан в кружок диалектического материализма, но еще не начинались за- нятия.

– /ОЗЕРОВА/ Можете ли Вы вспомнить, что шкафы мною и комиссией были при- знаны негодными и оценены не свыше 75 рублей?

– Шкафы темные и мелкие, но оклеены бумагой. Низ не подходит.

– Имеете ли побочный заработок?

– Изготавливаю конструкции манекенов, а потом литературная работа, разработка сказок и изучение.

– Что Вами сделано по приведению в порядок библиотеки бывш. Тенишевского музея?

– Систематизировал три раза. Из име- ющихся четырех тысяч названий библио- тека представляла грудю. В последнее вре- мя ничего не сделано в силу целого ряда причин. Одно время потекли потолки, при- шлось книги сложить – система спуталась. В третий раз в 1927–28 году систематизи- ровал и записывал в инвентарную книгу – на это потребовалось много времени. Затем библиотека находится в холодном помещении и приходится в ней работать только летом, а летом какая работа, когда весной экскурсионный период, а летом от-

пуска. В последнее время проведению в порядок мешало отсутствие шкафов.

– *Вы имеете с кем соревнование и как Вы его выполняете?*

– Видите, технические служащие соревнуются – собирают золу, вахтеры тоже выполняют. Музей же все время находится в переорганизации, поэтому в основу положено вести всю подготовительную работу не закрывая музея. Затем готовится к печати одна научная работа, а также ведется работа по сбору материала для театрального отдела.

– *Сколько было наемных сил в Вашей типографии?*

– Это дело моей матери, и у нее служил ее племянник и какая там типография – небольшая машина; печатались различные бланки, конверты, а я только заведывал.

– *Ваше семейное положение?*

– Жена и дочь.

– *На какую сумму Вы подписались на заем?*

– На месячный оклад.

– *Сколько получаете?*

– 85 рублей.

– *Вы руководите практикантами: и в чем выражается Ваше руководство?*

– Да. В ознакомлении с музеем и в обучении проведения экскурсий.

– *Выполняет ли практикантка техническую работу и не продает ли билеты?*

– Да. Она продает билеты. Мы смотрим на неё, как на практикантку – она работает поденно, а когда бывают экскурсии, то их проводит.

– *Знает ли ваша практикантка географию?*

– Не знает. Речь очевидно идет о том, когда у нее спросили о Стокгольме, то она не знала, что это такое, такой один случай был.

– *С каким она образованием?*

– Низшим.

– *Сколько научных работ написали Вы за пятилетнюю работу в музее?*

– Укладки, описание кружев, путеводитель по музею.

– *Можно ли в Вашем музее позаимствовать что-либо для современности?*

– Очень мало. В классовом отношении – некоторые черты быта.

– *Была ли у Вас попытка увязки с производством?*

– Увязка была: приходили знакомиться с кружевами кружевницы, позаимствования делали игрушечники. Была также увязка с керамическим производством.

– *А с текстильным производством увязка была?*

– Нет.

– *Были ли с вашей стороны и со стороны научных работников выход на производство?*

– Этот вопрос поднимался на правлении музея, но в виду недостатка средств, неорганизованности и громоздкости, организованно не было.

– *Зарегистрированы ли Ваши личные коллекции?*

– Да какие там коллекции... Предметов музейного значения у меня нет, а что и было, то давно уже продано.

ПРЕНИЯ: т. Хозеров говорит, что в 1925 году Вьюнов был назначен научным сотрудником в музей. Я, вскоре после его назначения, дважды увольнял его как несоответствующего; коллектив протестовал против этого увольнения. Это отмечено было в протоколе заседания научных работников. После вторичного назначения директором в 1929 году, я вторично подымал вопрос несоответствия его в должности ученого секретаря. Много раз Вьюнову также говорилось о собирании материалов для театрального подотдела, но до сих пор ничего не сделано, материалы гибнут. Много материалов находится в гортате, у художника Мушкетова, но тов. Вьюнов с ним только познакомился, а не привлек этот материал в музей.

Вы пеняли, что историко-культурный отдел не шел к Вам навстречу, но раз указания директора были таковы, чтобы Вы отобрали имеющиеся в этом отделе материалы, то вы должны были это исполнить и исполнить, несмотря на то, что в историко-культурном отделе Вы встретили недружественное отношение, ибо Палашенков, возможно не хотел расстаться с некоторыми экспонатами. Затем тов. Хозеров говорит, что заключению тов. Борщевского о Вьюнове, как о хорошем работнике, он не придает никакого значения, так как Борщевский отжившая персона.

Научные труды Вьюнова мало интересные и даже ни в одном научном обществе он не делал ни одного доклада о своих работах, а ведь каждый научный труд заслуживает критики в отношении его пригодности.

Говоря о Вьюнове как о экскурсоводе, тов. Хозеров отмечает, что для этой работы он также не способен ибо у него нет совершенно энтузиазма для проведения экскурсий и он не может пробудить интереса у слушателей, он всегда как-то безразлично дает объяснения.

Обращаясь к Вьюнову, Хозеров говорит, что чистка есть, прежде всего, отчет перед самим собой, чистка обязывает поставить перед самим собой вопросы об оценке своей работы в целом, об общественных интересах и своих недостатках.

Положительные качества Вьюнова, говорит Хозеров: – знаток театрального дела и дальнейшая его работа должна пойти не по линии музея, а он должен быть использован в театре, тем более, что в этой области он зарекомендовал себя своим трудом «Искусство и актеры». К музейной же работе, Хозеров повторяет, он не подходит.

Тов. ЛАНИН останавливает внимание на статье из литературной газеты, зачитанной Вьюновым, причем он просит понимать под артистами, о которых идет речь в статье, музейных работников. Он дочитывает

эту статью и расшифровывает смысл не применительно к работе Тенишевского музея. Если не создано было вокруг музея актива, то нечего говорить о массах.

Затем он говорит по поводу стихотворения Вьюнова: из одного из них он приводит следующую выдержку: «Тьма у меня теперь солнечных ду... (далее утрачено). Я совсем потерял свой рассудок. Крылышки есть у моих зато ног, я точно солнечный бог». И действительно говорит Ланин, они жили там, словно солнечные боги ничего не делая.

Далее тов. Ланин говоря о выступлении Вьюнова указывает, что он этими фразами о материализме и диалектике, эстетизме и научными терминами просто хотел затушевать всю работу.

Говоря о практикантке, тов. Ланин указывает на то, что она не знает географии и научные работники Тенишевского музея вместо того, чтобы ее поучить, заставляют выполнять различную техническую работу и продавать билеты. Таков подход к созданию новых кадров. Далее он предлагает перевести практикантку в другой музей ибо в тенишевском музее она ничего не получит.

Теперь, говорит тов. Ланин, о мебели. Вьюнов просил за никакую негодную мебель 225 руб., эту мебель использовать нельзя было и она только мешала работать. Я приказал ее немедленно убрать.

В отношении же типографии, то Вьюнов уклоняется от прямого ответа.

Общий вывод: хоть тов. Вьюнов и обращался к тов. Вержбицкому с претензией на то, что тот напрасно к нему лезет, говоря о его политической неграмотности, то этот факт остается фактом: что он человек несовременный, что он отстал от жизни, то это неоспоримо.

К практической же работе Вьюнов совершенно непригоден.

Тов. ЗАЙЦЕВ говорит, что на вопрос о связи с производством Вьюнов ответил,

что нам неудобно выходить на производство, выходит: не мы должны идти к массам и что музей существует не для масс. Тов. Зайцев считает, что выходить на производство необходимо. Что же касается собирания материала для театрального отдела, то он очевидно будет собираться до «второго пришествия».

Далее тов. Зайцев констатирует, что Вьюнов совершенно политически неграмотен и не занимается ни в одном политкружке. Затем он приводит текст отношения в Главнауку об утверждении Вьюнова научным сотрудником, которое было послано спустя 7 месяцев после его назначения на эту работу, а теперь тов. Хозеров выступает, – как это, товарищи, мы увольняли.

А что было сделано по театральному делу, раньше – задает вопрос Зайцев, – начали что-то делать и говорить о нем, когда уже на «холку нажали».

Дальше, говорит тов. Зайцев, какая у Вьюнова была типография? Мы слышали здесь, что он красивые фразы выбрасывал, почему он не ответил, сколько было наемного труда. Видите ли, он все на мамочку – это, мол, мамашино было, а он не причем. То же самое и в отношении антикварного магазина – все мамашино. А что сделано Вьюновым по части общественной нагрузки – ни одного задания Вьюновым не было выполнено.

В заключение тов. Зайцев говорит, что лжеспециалисты нам не нужны.

Тов. ВЕРЖБИЦКИЙ отмечает низкий уровень политической грамоты тов. Вьюнова, его непонимания значения чистки и возмущение критикой молодых сотрудников, которых он считает не доросшими до того, чтобы критиковать старых спецов, в том числе и его Вьюнова. Как на факт тов. Вержбицкий указывает на то, что в прошлый раз после чистки, тов. Вьюнов встретив его, Вержбицкого, на улице, заявлял ему претензию на его выступление, говоря: «Куда Вы лезете?». И подчеркивал, что,

якобы, он Вержбицкий, не знает его, так как он с ним почти не разговаривал. На это тов. Вержбицкий говорит, что для того, чтобы судить о политической грамотности Вьюнова, не обязательно много говорить о нем, а достаточно выслушать его доклад, его ответы на вопросы и т. д.

Говоря о шкафах, которые тов. Вьюнов навязывал музею, тов. Вержбицкий подтверждает, что шкафы действительно для музея были негодны, и, по его мнению, желание сорвать за них 200 рублей надо рассматривать как рвачество, а если принять во внимание, что Вьюнов в это время был зам. директором и настаивал на выплате определенной им суммы за шкафы, то это пахнет уже преступлением по должности. Дальше тов. Вержбицкий задает тов. Вьюнову вопрос, зарегистрировал ли он свои нумизматические и археологические коллекции, как научный сотрудник, согласно распоряжению Главнауки, так как по имеющимся у тов. Вержбицкого сведениям тов. Вьюнов после закрытия своей антикварной лавки, имущество перевез на квартиру, которая, таким образом, обратилась в антикварную лавку, на которой он разбазаривал эти коллекции.

Тов. МЕЛАНДЕР, останавливаясь на музейной работе, указывает, что за последнее время работа шла неудовлетворительно; это подтверждается мероприятиями тов. Хозерова в отношении организации театрального отдела музея и замечаниями представителя Главнауки тов. Левинсона. В отношении реорганизации музея, тов. Меландер говорит, что трудность ее заключается, прежде всего, в том, что этот вопрос не прорабатывался, а также еще объясняется и чисто внешними причинами и прежде всего холодом.

Тов. Вьюнов, говорит Меландер, был ученым секретарем правления музея значительное время, эта обязанность была возложена на него, потому что больше возложить было не на кого, но с этой работой

он совершенно не справился, так как мне все написанные им протоколы приходится заново перерабатывать.

О работе Тенишевского музея и его работников, говорит Меландер, я говорить не буду, так как достаточно уже отмечалось предыдущими выступавшими товарищами, о Вьюнове же надо сказать, что в работе Тенишевского музея он мало себя проявил. Когда же организовался антирелигиозный музей, то хотя он и находился в ведении тенишевского музея, Вьюнов в организации его участия не принимал.

В заключение тов. Меландер говорит, что хотя Вьюнов и имеет знания, но приложить их в работе он не умел.

Тов. АМОСЕНКО, характеризуя Вьюнова, отмечает его политическую неподготовленность. Амосенко говорит, что беседовал с Вьюновым о диалектическом материализме и убедился, что он воспитан на старых философах и знаком только с ними. Лишь недели две тому назад Вьюнов взял у него книжку «Основы диалектического материализма». Вьюнов, – говорит Амосенко, – идеалист, идеализмом пропитаны его стихи. Я, – говорит Амосенко, – знакомился с его научными работами и они не представляют никакой ценности.

О библиотеке музея Амосенко говорит, что она Вьюновым разбирается уже давно и он познакомившись с ее состоянием, нашел, что она и в данное время находится в полнейшем беспорядке. Несмотря на то, что спрос на книги был, пользоваться библиотекой никто не мог – это преступление, – говорит Амосенко. По мнению Амосенко, Вьюнов к музейной работе не подходит, хотя знания у него есть.

Тов. ХОЗЕРОВ о назначении научным сотрудником Вьюнова говорит, что мы ему сначала доверились, как человеку, окончившему Археологический институт, но потом он дважды был уволен и за это коллектив музейных работников обвинил меня в беспричинном увольнении Вьюнова. О

предложенных Вьюновым музею шкафах Хозеров говорит, что шкафы оценивались комиссией около 100 рублей.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ВЬУНОВА.

Прежде чем заключать, тов. Вьюнов обращается к председателю Комиссии по чистке тов. Шпаковой с претензией о том, что каждый говорил много, а ему тов. Шпакова дает только 5 минут, он заявляет, что тов. Шпакова не дает ему говорить.

О работе музея, об увязке этой работы с современностью, Вьюнов говорит, что по этому поводу он не раз говорил с директором и указал пути этой увязки. По этому на пробу у него есть даже проекты. Но весь вопрос в том, что не за что было приобретать экспонаты. Связь была с хлудовской мануфактурой (Ярцевская фабрика), Брянским заводом, с Москвой, с кустарными промыслами. Выставлялись в музее также современные плакаты, лозунги. Правда, в отношении связи с кустарями, то здесь особенно подчеркивается индивидуальность.

Затем т. Вьюнов, останавливаясь на том, что его обвиняли в политической неграмотности, говорит, ему странно, даже кажется курьезом, слышать такие обвинения от лиц гораздо более низкой квалификации, чем он, и их упреки в отсталости неосновательны и носят характер предвзятости. Раньше, говорит Вьюнов, я стоял на уровне современности и все те политические вопросы, в незнании которых меня обвиняют, мне приходилось переживать.

Отвечая Ланину на его обвинения в связи с зачитанной им, Вьюновым, выдержки из «Литературной Газеты», т. Вьюнов говорит, что в этой заметке речь идет об упреках в расхождениях, но это не мешает им работать вместе. Приходится быть в курсе дела более глубоко, но для поверхностных ценителей это непонятно.

О сбориани материалов для театральной библиотеки п/о Вьюнов говорит, что его проект был признан весьма удовлетворительным и подчеркивает свой опыт в этом деле.

Говоря о библиотеке, Вьюнов отмечает, что недоработка в ней объяснялась отсутствием теплого помещения, а также мешала работе в библиотеке и большая текущая работа в музее. Хаотическое состояние библиотеки создают разрозненные книги, остальные книги разобраны: русские переписаны, а иностранные разобраны по языкам.

В отношении Тенишевского театра Вьюнов говорит, что экспонаты находятся не в музее.

О времени работы в музее он говорит, что он фактически в последнее время работает руководителем музея в виду болезни Барщевского, а потому работать приходится много и даже в выходные дни.

Что же касается ученого секретарства, то т. Вьюнов говорит, что он исполнял свои обязанности аккуратно и на другой же день представлял протоколы. Если же их приходилось директору перерабатывать, то это было неизбежно в порядке внесения корректив.

О подходе при проведении экскурсий, упрек в однообразии Вьюнов считает незаслуженным и считает предвзятым мнением. О времени написания им стихов он говорит, что они написаны 23 года назад, когда он был таким же мальчиком, как многие здесь высказывавшиеся. О практикантке т. Вьюнов говорит: неверно мнение о том, что мы боимся, чтобы она нас не вытеснила, ведь смешно ставить даже вопрос о том, чтобы человек без определенного багажа знаний мог заменить нас; я не мог быть заинтересован в отводе ее. Я считаю, что это дикий подход, дикое обвинение.

О мебели Вьюнов говорит, что это было сделано с веденя дирекции, т. к. он обращался в канцелярию о том, чтобы для

библиотеки изготовлены шкафы и мне было предложено директором подыскать соответствующие шкафы; я их нашел, они продавались моей родственницей, и предложил их приобрести для музея, но не навязывал эту покупку. В том виде, в каком они были, конечно, использовать шкафы было нельзя, а при небольшой затрате средств на ремонт они вполне бы подошли.

Говоря о своих научных трудах, Вьюнов указывает, что, не зная их, нельзя давать им ту или иную оценку, причем, говорит, что на основании 10 научных трудов, представленных им в университет, он был зачислен в научные работники.

Зачем, говорит Вьюнов, здесь говорилось о коллекции вещей музейного значения, таких у меня нет. Неверна справка Хозерова о моих увольнениях.

Справка Ланина: О подходе к экскурсиям экспонат нужно объяснять одинаково с социологической стороны, но по возрасту подход должен быть разный.

Справка Хозерова: Современная технология красок гораздо превосходит прежнюю.

ПРОХОДИТ ЧИСТКУ Т. РЫЖКИН.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«РЫЖКИН Георгий Герасимович, беспартийный, из крестьян, сторож, работает в музее с 1929 года, образование – низшее».

Вопросы Рыжкину и его ответы:

– Какую работу несете в музее?

– Ночной сторож.

– Как долго Вы работаете?

– Девять месяцев.

– Есть ли у Вас хозяйство?

– Ничего нет.

– Сколько получаете?

– 30 рублей.

– Где работали раньше?

– До поступления в музей работал в Красном Кресте, а до революции у Тенишевой. В музей принят по рекомендации Барщевского.

– *Как Вы относитесь к своим обязанностям?*

– Нигде не имел никаких замечаний, ни в прошлом, ни в настоящее время.

– *Посещаете ли профсобрания?*

– Теперь бываю, а раньше не бывал.

ПРОХОДИТ ЧИСТКУ ТОВ. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Григорий Никодимович, беспартийный, из крестьян, сторож, работает в музее с 1924 года, образование – низшее».

– *За что Вас уволили?*

– За что уволили, не знаю, мне сказали, что по рационализации. Спрашивал у Меландера, но он тоже не знает.

– *Сколько лет Вы работали в музее?*

– С апреля 1924 года.

– *Как Вы работали с Меландером?*

– Помогал ему, как мог, производил дезинфекции чучел, пробовал снимать шкурки и набивать чучела. В музее было чисто, тепло. Меня хотели уволить два раза: первый раз, когда Хозеров был директором, а я служил сторожем и исполнял обязанности дворника и вот Хозеров нашел причину и придрался за то, что на дворе напачкала собака, и за это хотел уволить, но Меландер меня тогда отстоял.

– *В личных интересах Вас не использовали?*

– Нет, только по служебным делам. В отношении квартиры, меня несколько раз переселяли из квартиры на квартиру. В последнюю квартиру при Картинной Галл. я переселен в пятый раз. Когда Естественно-Историч. музей выселяли первый раз, т. Любимов сделал предписание о выселе-

нии меня на чердак, но я ему предложил самому там поселиться. Жил 3 месяца в коридоре. Благодаря Хозерову мне дали комнату в квартире Барщевского при Тенишевском Музее.

– *Вы грамотны?*

– Малограмотен.

– *Состояли ли Вы в каких-нибудь кружках?*

– Нет, но работал при МК.

– *Как Вы считаете: правильно или неправильно Вы уволены?*

– Я считаю, что неправильно и поэтому я обжаловал в РКК.

– *Кто и за что считает Вас склочником?*

– Склочником считает меня Иван Макарович (Хозеров) за то, что я сообщил ему о том, что видел, как со двора от Барщевского вывозили вечером неизвестные лица какие-то вещи (сундук). О вывозе этого сундука я заявил Хозерову на другой же день, но он вызвав меня в коридор сказал, чтобы я о таких вещах вслух не говорил. А еще за то считают склочником, что ко мне приходил Залевский и рассказывал, что он палил в подвале музея свиней. Я этот разговор передал Меландеру, и они производили по этому поводу расследование, но якобы ничего не нашли.

– *Что по этому поводу сказал Вам Амосенко?*

– Амос Иванович сказал: если ты не видишь своими глазами и будешь передавать мне такие слухи, то я буду дуть и гнать.

– *(Хозеров) Довольны ли Вы, что я устроил Вас на квартиру к Барщевскому?*

– Доволен.

ПРЕНИЯ О ЗАЙОНЧКОВСКОМ.

Т. Меландер характеризует т. Зайончковского как хорошего работника, который все поручаемые ему работы выполнял аккуратно и старательно, правда, он не настолько способен, как другие, как, например, Фролович (Ткачев), но это не

его вина, – одним дано больше, другим – меньше.

Что же касается склочничества, то т. Меландер говорит: Когда перевозили Естественно-Истор. музей, то для некоторых вещей не было помещения, и Зайончковский сообщил, что в Тенишевском музее есть пустой сарай. Когда же туда были отправлены вещи, то оказалось, что сарай был занят какими-то вещами, но немного места все-таки было.

Зайончковский дает справку, что вещи были Глембовецкого и они в сарае были сложены после вселения его в комнату в квартире Барщевского, в которой они до того находились. Что это вещи Глембовецкого, сказала сама жена Барщевского, когда он посоветовал продать их.

Т. Ланин говорит, что вопрос об увольнении Зайончковского является правильной рационализаторской мерой, потому что с переселением Ест.-Ист. отдела в Картинную Галлерею, нецелесообразно было держать в одном помещении двух сторожей, надо было уволить Ковалеву или Зайончковского. А так как Ковалева вдова и имеет ребенка, то, конечно, лучше было уволить Зайончковского. Таким образом, по мнению т. Ланина, считать эту меру неправильной нельзя. О работе Зайончковского т. Ланин говорит, что в Антирелигиозном музее он себя хорошим работником не проявил, и он не дал бы ему хорошей аттестации.

Т. Вержбицкий говорит, что судить о работе того или иного сотрудника можно только в пределах круга его обязанностей. Если свои обязанности он выполняет аккуратно и добросовестно, значит, большего от него и требовать нельзя. Если, например, Доморацкий, будучи сторожем, выполняет обязанности высшей квалификации, то нельзя возводить это в правило и требовать того же от Зайончковского и от других сотрудников.

Т. Амосенко, говоря об увольнении Зайончковского, подчеркивает, что о его ра-

боте может судить только завед. отделом, в котором он работал. Зайончковский уволен не как плохой работник, а вопрос об увольнении его встал связи с закрытием музея. Я считал, говорит Амосенко, невозможным уволить Ковалеву, многосемейную вдову, а поскольку один работник оказался лишним, я счел лучшим уволить Зайончковского. Дальше Амосенко указывает на то, что Зайончковский берет слишком много смелости говорить о фактах, которые мною проверялись и не нашли подтверждения. Этими склоками мы очень ударили И.Ф. Барщевского.

Справка Зайончковского: Это опаливание свиней делалось в 3-4 часа ночи, этот факт подтвердил т. Доморацкому столяр Незабитовский, который ночевал в это время там, в подвале, т. к. у него не было квартиры и он был этому свидетель. Если же т. Амосенко при обследовании подвала не нашел там никаких следов, то это неудивительно, т. к. они после этого все вычистили и вымели.

Справка Рыжкина: Факт опаливания свиней в подвале неверен, т. к. я ночной сторож и ничего этого не видел. Что же касается вещей Глембовецкого, то он признается, что выносил стол в подвал. Т. Шпакова зачитывает письменную справку Барщевского о том, что вещи, о которых шла речь, принадлежали Глембовецкому.

Дальше т. Шпакова обращает внимание присутствующих на то, что нельзя так относиться к выступлениям т.т. критикующих работу музея, как т. Выюнов, который называет это бессмыслицей, и подчеркивает, что комиссия будет внимательно прислушиваться к каждому факту.

Закрывая заседание, т. Шпакова объявляет, что 24 апреля чистку будет проходить Историко-Революционный музей.

Председатель комиссии ШПАКОВА
Секретарь ВЕРЖБИЦКИЙ

После протокола в Деле подшит небольшой лист бумаги, на котором карандашом в два столбца написаны фамилии присутствовавших на заседании комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и Областного архивного бюро 22 апреля 1930 года:

22/IV Список сотрудников Госмузея и Облархивбюро, присутствующих на чистке

1. Дронэ.
2. Амосенков.
3. Хозеров.
4. Ланин.
5. Алексеев.
6. Доморацкий.
7. Морозов.
8. Гончарова.
9. Рачицкий.
10. Зайцев.
11. Елагина.
12. Жариков.
13. Вержбицкий.
14. Мишонов.
15. Меландер.
16. Гудков.
17. Вьюнов.
18. Ковалева.
19. Лукшина.
20. Палашенков.
21. Миркин.
22. Луцкевич.
23. Эйнер-Бинер.
24. Остроумов.
25. Грачев.
26. Полуденцев.

Л. 24, 25–26 об., 27–34. Машинопись. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рабочий путь. 1930. 19 января. № 16.
- ² Рабочий путь. 1930. 9 января. № 7.
- ³ Рабочий путь. 1930. 25 января. № 20.

«Квартирный вопрос» испортил не только москвичей. Не меньше пострадали от него и жители провинциального Смоленска. Протоколы комиссии по чистке так и пестрят сетованиями на нехватку помещений и частые переезды из одного здания в другое, жалобами на отсутствие жилья для музейных работников и требованиями выселения жильцов, незаконно вселившихся в музейные помещения.

Еще в 1927 году в хлесткой заметке **«По добровольному соглашению»**, подписанной «Садык Азиат», газета «Рабочий путь» пишет:

« – Квартир нет, – ехидно посмеиваются сумрачные горжилотделовские корридоры. Нигде, кроме жилотдела, не умеют так великолепно – полупрезрительно, полуснисходительно бросить: «Станьте в очередь!»

...Плодятся в потемках бесквартирья разные агенты по подысканию жилья, нагледят квартирные домохозяева, наживаясь на жилищном кризисе, спешно ремонтируются и приспособливаются под жилье всевозможные сарайчики и курятники, скачут вверх квартирные цены»¹.

В этом же номере печатается фотоснимок барака с подписью: **«Переоборудованное горсоветом под квартиры помещение осло телятника»**.

Казалось бы, решение столь сложной проблемы очевидно – необходимо наращивать жилищное строительство. Но у власти на сей счет свои соображения. Все та же областная партийная газета «Рабочий путь» публикует «программную статью» с заголовком и сразу тремя подстрочниками:

НА ЛОМКУ СТАРОГО БЫТА

**Семьи трудящихся не могут освободиться от тины домашних забот
В новых домах нет ничего нового**

Необходимо организовать коллективные кухни-столовые, механические прачечные, детские комнаты, начать доставлять продукты на дом

В статье сообщается, что «старая революционная эпоха оставила нам тяжелое наследство – старый, прогнивший быт», и далее следует:

«Мы должны всерьез поставить вопрос о том, как избавить семьи рабочих и служащих от всех «прелестей семейного быта». В эту рубрику с успехом можно внести **кухню, пеленки, очереди**. Это три наболевших вопроса, которые ежедневно отнимают у каждой семьи по несколько часов. Не надо быть математиком, чтобы высчитать, сколько часов тратит семья рабочего и служащего в месяц и в год на этот бесполезный труд.

Рабочий и служащий, придя домой после работы, не может рассчитывать на культурный отдых, который ему так необходим. А ведь не секрет для каждого, что человек, лучше отдыхая, сможет на другой день работать с большей производительностью».

Как же собирается власть рабочих и крестьян избавить их от «всех «прелестей семейного быта» и повысить тем самым производительность труда?

Первое, что предлагается – это организовать в домах, «будь то дом ЖАКТа или горкомхоза», как на предприятиях, так и в учреждениях, **«места для культурного отдыха»**, то есть клубы или красные уголки.

«Правда в некоторых ЖАКТах есть слабая пародия на красные уголки, но они свою работу или не ведут вовсе или, в лучшем случае, ведут так безобразно, что туда и калачом не заманишь для «культурного отдыха», – замечает газета.

«Следующий, не менее важный вопрос – воспитание детей дошкольного возраста. Только единицы на тысячи детей охвачены детскими площадками, комнатами в

наших ЖАКТах. А разве не пора поставить вопрос об организации **коллективного воспитания дошкольника**? Именно в детском саду, в детской мастерской ребенок с первых лет своей жизни начнет правильную жизнь, получит возможность воспитываться в коллективе. С другой стороны, организовав все это, мы **освободим мать от личных забот и хлопот о детях**».

Далее следуют – «плита и примус». «Эти ископанные враги домашних хозяек должны быть заменены коллективной столовой.

Регулярно, раз или два в месяц, домохозяйки тонут в облаках пара и в волнах мыльной пены. Идет очередная стирка белья. А почему нельзя организовать **механических прачечных**?

Наконец, едва ли не каждый день, а то и два раза в день, те же домохозяйки часами простаивают в очередях за хлебом, мясом и другими продуктами. Разве не проще было бы, если ЦРК выполнил свое обещание и организовал долгожданную **доставку продуктов на дом**? Пока в этом отношении ничего не делается», – констатирует газета.

И далее задается вопросом: «За последние два-три года в одном только Смоленске построено порядочно новых домов (сколько, в статье не указывается – прим. автора). Но вся беда в том, что в этих домах абсолютно ничего нового нет. Те же 2-3 комнаты с отдельной кухней. Мы вправе спросить – почему с отдельной, а не общей кухней? Почему в этих домах нет коллективной столовой, прачечной, красного уголка, детской комнаты?

Получается, что все это строительство велось не только без учета перспектив, но даже **без всякого учета потребностей сегодняшнего дня**».

Из этого следует вывод: «Нам думается, что если в том или ином новом доме вместо 10-15 отдельных кухонь сделать одну общую, то **кроме экономии полезной**

жилой площади ничего не получится. Улучшение других сторон домашнего быта тоже требует не таких уж больших затрат, как это кажется на первый взгляд».

В заключение в статье говорится: «Профсоюзы, жилкооперация, ЦРК, горкомхоз, гороно, горздрав еще сделали крайне мало (а некоторые из этих учреждений и организаций ничего не сделали) для широкого внедрения быта в семьи трудящихся.

Ставя вопрос о новом быте в повестку дня ближайшей работы вышеперечисленных организаций и учреждений, мы выражаем уверенность, что уже нынче, в 1930 году, в этом отношении будет достигнут первый сдвиг»².

«Сдвиг» этот не заставил себя ожидать. 12 января газета «Рабочий путь» сообщила:

ДОМ-КОММУНА В СМОЛЕНСКЕ

**Постройка начинается весной 1930 Г.
(Беседа с пред. Смолгорсовета тов.
Тхоржевским)**

Вопрос о постройке в Смоленске большого дома-коммуны уже несколько месяцев занимает внимание трудящихся, общественных и советских организаций города.

В настоящее время вопрос уже можно считать решенным. Облкомхоз и горсовет на днях рассмотрели наметку проекта и определили в общих чертах характер этой базы нового быта. Дом-коммуна будет построен с расчетом на 200 квартир, снабженных всеми удобствами. При коммуне будет устроен специальный детский комбинат на 150 детей, в который войдут детский клуб, ясли, детская кухня и т. п. Кроме того, организуется и большая общая столовая, которая сможет обслужить все население дома. В каждом этаже будут оборудованы по две ванных комнаты.

Если принять во внимание, что при коммуне будут созданы большой клуб, общественная прачечная и другие условия нового быта, значение этого мероприятия станет ясным. По проекту этот дом, окруженный большим садом, будет одним из красивейших зданий Смоленска.

Строительные работы рассчитаны на 2 сезона и начнутся в апреле этого года с тем, чтобы к августу 31-го года дом мог быть уже заселен. Местом постройки намечается часть Молоховской площади. Смета составлена в миллион рублей. Более детальная разработка этого проекта передается «Гражданстрою» при НКВД³.

Последнее означает, что строительство «одного из красивейших зданий Смоленска» будут вести заключенные – бесплатная ударная рабочая сила всех сталинских пятилеток. Хотя, казалось бы, какая разница, кто будет строить, лишь бы на пользу обществу и на радость людям.

Но уже 6 апреля в «Рабочем пути» появляется новая статья:

«Башня-коммуна»

«В предстоящий строительный сезон областной союз жилищной кооперации предполагает построить в Смоленске на участке РЖСКТ «Труд» (бывш. Вознесенский монастырь) опытно-показательный дом «Башня-коммуна» по планам и проектам московского архитектора Вутке.

...В проекте арх. Вутке весь дом «Башни-коммуны» при длине и ширине по 16 только метров, будет иметь высоту в 25 метров, разделенных на 8 этажей, с общей кубатурой всего здания несколько более 6.000 метров.

Каждый этаж является как бы отдельным домом, по 6 квартир в каждом с двумя комнатами размером 21 кв. метр (включая маленькую переднюю). В каждой квартире размещается семья в 3-4

человека. Все эти квартиры группируются вокруг «коммунальной комнаты» – она служит для общего пользования всех жильцов данного этажа».

Предполагалось также оборудование каждой квартиры уборной с унитазом, душевой, шкафом-термосом для хранения пищи и воды и электрическим подогревателем.

В заключение в статье говорится:

«Проект такой же стройки «Башни-коммуны» принят уже к исполнению военным строительно-кооперативным товариществом «Красный воин» и будет им выстроен этим же летом на Потемкинской ул. (Слобода Коминтерна)⁴.

Как мы видим, первоначальная концепция «Дома-коммуны» в проекте «Башни-коммуны» архитектора О.А. Вутке существенно изменилась. При «сохранении элементов обобществления, даваемых конструкциями домов-коммун (общая кухня, столовые, детский сад, ясли и т. п.), в новом проекте решили «избежать гостиничного трафарета таких домов с системой больших и длинных коридоров, в которых всегда бывает скопление, шум, толкотня и т. п.» При этом существенно сократилось количество квартир – вместо предполагавшихся ранее 200, проект Вутке предусматривал только 48. Соответственно изменилась и сметная стоимость строительства с 1.000.000 до 165.000 рублей, то есть уменьшилась в 6 раз. Изменилось и намечаемое ранее место постройки здания – вместо «части Молоховской площади» (бывшая площадь Смирнова, а ныне площадь Победы – прим. автора), дом решили построить на территории закрытого в 20-е годы Вознесенского монастыря. О строительстве на ул. Потемкинской, слава богу, забыли.

Может быть, именно потому, что здание поставили на человеческих костях – прямо на Вознесенском кладбище, «башня-коммуна» стала подлинным жизненным испы-

танием для ее жителей. Жильцы «опытно-показательного дома», который должен был символизировать наступление эры нового быта, оказались лишенными на верхних этажах каких-либо коммунальных удобств: и водопровода, и канализации. Не хватало городских мощностей для подъема воды. После освобождения Смоленска в 1943 году выгоревшее внутри здание «Дома-коммуны» восстановили, но уже без коммунальных удобств. Каково было жить в первой городской «высотке» с удобствами во дворе, представить сейчас уже почти невозможно. Хотя, возможно, кто-то и оспорит это утверждение. Ведь еще памятли «коммуналки», в которые выродилась идея коммунистического общежития, те, о которых пел Владимир Высоцкий: «Все жили вровень, скромно так, – система коридорная – на 38 комнаток всего одна уборная».

Пока же здание «Дома-коммуны», постройки 1931–1933 гг., по адресу: ул. Коненкова, 9а, числится памятником архитектуры и состоит на учете как объект, подлежащий охране. Кое-как расселенная «башня», зияя жуткими черными провалами окон всех своих семи этажей, уже долгое время возвышается на пустыре за монастырским собором как материальное свидетельство того, что, надругавшись над прошлым, над памятью, светлого будущего не построишь.

Протокол № 4 открытого заседания комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и Облархивбюро от 24-го Апреля 1930 г.

Присутствуют члены комиссии т. Шапова, Дронэ и Карпекин, сотрудники Смолгосмузея и Облархивбюро в количестве 27 человек (список присутствующих при сем прилагается) и посторонние граждане в количестве 29 человек.

Председательствует Тов. Шапова при секретарях гг. Вержбицком и Доморацком.

Слушали: отчетный доклад бывшего заведывающего Историко-Культурным отделом Смолгосмузея г. ПАЛАШЕНКОВА, который говорит, что вопрос об организации Историко-Культурного музея, в настоящее время свернутого, относится к концу 1921 г.

Существовавший в Смоленске с 1888 г. городской Историко-Археологический музей в начале империалистической войны /1915 г./ вынужден был свернуться вследствие грозившей городу эвакуации. Имущество его было перевезено в Молоховскую башню и сгружено как попало, отчего, как потом обнаружилось впоследствии, часть инвентаря и коллекции значительно пострадали. Шесть лет находился музей в свернутом виде, никем не охраняемый.

Наконец, в 1919–20 гг. среди местных краеведов стали высказываться пожелания о необходимости создания краеведческого музея с использованием наиболее ценных материалов бывшего городского музея, но жилищный кризис не позволял провести в жизнь это намерение. Не придавая особенной ценности собраниям быв. городского музея и не надеясь на благоприятное разрешение вопроса о помещении, 17-го Октября 1921 года коллегия Смолгуб. музея постановила ликвидировать городской музей, а коллекции его распределить между историко-этнографическим и естественно-историческим музеями. Но в этот же момент жилотделом Коммунального Управления предоставляется под музей верхний этаж здания бывшей духовной консистории. Это обстоятельство выдвинуло вопрос об образовании в городе нового музея.

Состояние принятого помещения имело удручающий вид – оконные стекла были выбиты, стены грязны, печные дверки вырваны, вьюшки сняты, завесы дверные от-

внечены, замки вынуты и т. д. ГубОНО было отпущено мизерное количество средств – только на побелку стен, остекление окон и приобретение замков. Ремонт печей откладывался на неопределенное время. Впрочем, с ремонтом их некуда было торопиться, так как ни дров, ни средств на их приобретение не было. Мытье полов после ремонта было произведено самим т. Палашенковым и его женой.

С получением помещения для музея началось накопление материала, а также было приступлено к перевозке находившихся в Молоховской башне коллекций, библиотеки и обстановочного инвентаря бывшего городского музея. Но разборка музейного имущества в связи с наступлением холодов была осложнена до более теплого времени. В марте месяце 1922 года приступили к проверке библиотеки и разборке музейных коллекций, которые в значительной части пострадали от перевозки, недостаточно тщательной упаковки, и от сырости. Часть экспонатов потеряла научную ценность вследствие утери этикеток, определявших место происхождения предметов.

8 мая 1922 года на заседании Губкомитета по делам музеев было решено организовать этот музей под названием «музей старого Смоленска» с отделами:

- 1/ Каменный век и курганный период / Смоленск и Гнездово/
- 2/ Отдел архитектурных памятников
- 3/ Смоленская стена и военная старина
- 4/ Отдел церковной старины
- 5/ Отдел домашнего быта

Хранителем музея был назначен тов. Палашенков; его помощником – тов. Рогов и библиотекарем А.М. Палашенкова.

Приступили к накоплению материала. Были возбуждены соответствующие ходатайства перед учреждениями, кооперативными организациями и частными лицами о передаче в музей предметов, имевших музейное значение. Эти предметы начали

поступать из разных источников и в большинстве случаев бесплатно, а некоторые предметы покупались. Одновременно эти материалы обрабатывались и экспонировались в залах музея. Но в августе месяце состоялось постановление о переводе его из занимаемого помещения, предоставленного под картинную галерею, в примыкающие к бывшей консистории здания митрополичьих палат и бывшей Предтеченской церкви. Вместе с тем было постановлено слить музей «Старого Смоленска» с картинной галереей под именем Смолгосмузея Искусств и древностей.

Опять начался ремонт помещений, на который ушло пять месяцев, затем переноска музейного имущества и библиотеки. Наконец сюда были перевезены разбросанные в разных местах города надгробные плиты 17 и 18-го века, а также переданы археологические коллекции Тенишевского музея. К развертыванию музея намечалось приступить весной. Но к этому времени Губ. коммунистическим управлением было предложено музею искусств и древностей здание быв. архиерейского дома. Предложение было принято. Опять начался ремонт и приспособление этого помещения под музей, а затем переноска имущества, и, наконец, экспозиция коллекции.

14 Октября 1923 года состоялось, наконец, открытие музея древностей с залами: палеонтологическим, археологическим, нумизматическим, письменности и старого Смоленска. Но еще за несколько дней до открытия музея были получены сведения о предстоящем закрытии его вследствие постановления Губисполкома об предоставлении занимаемого музеем быв. архиерейского дома Губвоенкомату. И, действительно, 15-го Октября было получено от Губкоммунистического управления предписание немедленно освободить помещение. Так как быв. духовная консистория была уже занята Губархивным бюро, а предоставляемый

музею бывший Богоявленский собор требовал капитального ремонта, на который средств музеем не отпускалось, пришлось все имущество музея перенести обратно в картинную галерею, занявшую после музея бывшую Предтеченскую церковь и митрополичьи палаты. В связи с этим свернулась и картинная галерея, которая затем была совсем ликвидирована, так как на защиту музея древности выступил «Рабочий Путь». Была созвана специальная комиссия из авторитетных лиц для обследования музея древности и картинной галереи, которая пришла к заключению о необходимости отпуска средств на ремонт быв. Богоявленского собора, чтобы сохранить музей искусств и древностей в целом. Деньги были отпущены. С весны до Октября месяца продолжался ремонт. Не ожидая окончания ремонта собора для картинной галереи, отдел древностей, которому вновь предоставлялись быв. Предтеченская церковь и митрополичьи палаты, приступил к развеске своих экспонатов в залах, свободных от экспонатов картинной галереи. В октябре месяце картинная галерея перешла в отремонтированный собор, а Предтеченская церковь и свободная от архивбюро половина митрополичьих палат была занята музеем древностей. Сейчас это помещение закреплено за музеем Малым Совнаркомом.

В Октябре месяце 1924 года все Смоленские музеи были объединены в один Обл. Госмузей, в который музей древностей вошел под названием Отдела древностей Смол. Гособлмузея.

25/1–1925 г. состоялось открытие отдела древности с подотделами: палеонтологии, археологии, Старого Смоленска, письменности и нумизматики. С 10/VII по 15/XI по случаю ремонта здания музей был закрыт и открылся снова для обозрения публики 15/1. Вместо палеонтологического п/отдела, переданного в естественно-исторический отдел, открыты были новые п/отделы –

доспехов, оружия и, наконец, революции. Так как прежде наименование отдела не охватывало всего его содержания, он был переименован в Историко-Археологический, а после реорганизации его в 1928 г., положено начало отделением «Смоленская деревня» и открыт зал композитора М.И. Глинки. Археологический музей переименовывается уже в Историко-Культурный, причем отделение Революции переносится в Воскресенскую башню, где в Феврале 1929 г. оно и было открыто для обозрения посетителей.

К моменту свертывания Историко-Культурного музея в нем насчитывалось до 20 000 отдельных предметов, среди которых имеются и уникальные.

Научно-исследовательская работа заключалась в изучении и обработке музейных материалов и в обследовании отдельных территорий Смол. Губ. в Историко-археологическом и этнографическом отношениях. С этой целью совершены экспедиции: в район водораздела рек Осьмы /приток Днепра/ и Угры /приток Оки/. Затем на территорию, через которую пролегал древний торговый путь из Смоленска на Восток, дальше в Самцовскую волость Вяземского округа в целях обследования охотничьих и рыболовных промыслов – в Холм-Жирковскую волость быв. Бельского уезда, где обследованы деревенские постройки и собран песенный материал, в Шумячский район (быв. Рославльского уезда), где изучался гончарный промысел и быт; по р. Каспле, где изучались исторические и археологические памятники и современная материальная культура деревни. Кроме того было сделано много отдельных выездов сотрудниками музея с научно-исследовательской целью.

Просветительная работа музея выражалась в проведении бесед с экскурсиями с отдельными посетителями на заданные или плановые темы и по ознакомлению с коллекциями музея. Затем, им, Палашен-

ковым, проводилась в год до 40 экскурсий по городу и его окрестностям.

Посещаемость музея с 25/1 по 1/Х 1929 г. выразилась в 20742 чел.; из них одиночных посетителей – 14003, а остальные – экскурсанты, из коих 15 чел. крестьян, 454 рабочих, 437 служащих, 3902 – учащихся, 1318 – красноармейцев и 365 – прочих.

Для изучения культуры края в музей приезжали и сторонние научные работники: из Академии истории материальной культуры, института искусств, ленинградского русского музея, московского Исторического музея, Белорусской Академии Наук, Запоблплана и ряда других учреждений и отдельные лица.

В последнее время музеем было организовано несколько выставок: «Внешний облик Смоленской деревни по зарисовкам», «К общему труду на общей земле» и др.

В заключение, – говорит тов. Палашенков, – надо отметить, что музеем на будущее время, помимо заполнения имеющихся вполне понятных для нового музея провалов, уточнения экспозиции до необходимой четкости, диктуемой условиями современного музейного строительства, намечался ряд работ по расширению самого музея и круга его задач.

Очередной своей задачей музей считал не только более глубокое выявление отдельных моментов истории прошлого нашего края, но доведение этой работы по выявлению и изучению истории, а равно и культуры края до настоящих дней, а именно: 1) Доведение истории г. Смоленска и Смоленской деревни до наших дней; 2) Развертывание отделения «Смоленская деревня» за пределы старых границ до пределов области; 3) Организация нового отделения жизни и быта рабочих Зап. Области; 4) Организация отделения быта классов и сословий, снесенных революцией с исторической арены (дворянства, купечества, духовенства и др.); 5) Организа-

ция отделения деятелей науки и искусства Западной Области.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»: **«ПАЛАШЕНКОВ Андрей Федорович, беспартийный, из крестьян, научный сотрудник, работает в музее с 1921 года, образование – высшее».**

Содоклад зав. Историко-Революционным отделом тов. ЕЛАГИНОЙ, которая говорит, что со слов т. Палашенкова она узнала, что выставка 1905 г. существовала с 1925 г. Но когда я пришла в ноябре месяце прошлого года работать в музей Революции, как такового, я не нашла. Я бы сказала, что музея Революции совсем не было. По 1905 год так же ничего не было. Таким образом, этот музей числится только для отчета. Музей был загнан в помойную яму, в башню, и поставлен в невозможные условия, низ этой башни никуда не годен, и верх и того хуже – не было в нем ни шкафа, ни стола, ни даже стула. В таком виде я застала музей Революции в 1929 г. Отношение к нему было самое плохое. Средств на музей Революции не отпускалось. До февраля месяца 1930 г. на него не отпущено ни копейки, хоть по отчету встречается сумма 250 руб., якобы отпущенная на музей Революции, но эта сумма пошла не на музей, а на ремонт квартир. Одним словом до Ноября месяца никакого внимания на музей Революции не обращалось. Музейные средства были израсходованы на другие отделы, а о разрывании Музея Революции ничего было и думать, так как на это не было никаких средств. Меня, – говорит тов. Елагина, – кормили только обещаниями, что вот, мол, после утверждения сметы будут деньги, а когда смету утвердили, то оказалось, что получать уже нечего. Я забила тревогу и добилась, прежде всего, предоставления помещения. Для этого был свернут Историко-Культурный Отдел и в его помещения переброшен Музей

Революции, который теперь рождается в страшных тяжелых муках при недостатке средств и материалов. Предоставленное теперь музею помещение в современных условиях можно считать приличным, но вся беда теперь в том, что нет материалов и мы, работники музея Революции, работаем до бесчувствия, ломаем себе головы, как обставить музей, заполнить его стены и каждый день уходим из музея не чувствуя ни ног, ни головы, потому что надо придать музею приличный вид, надо расположить материал по эпохам и т. д. Каждый отдел экспонатов приходится по несколько раз перевешивать. Теперь кое какие экспонаты приобретены, а раньше к выставке, например, Октябрьской Революции, приходилось пользоваться материалами политкаторжан. Материал общего характера на 24 щита заказан в Москве и должен скоро поступить. Краеведческого материала же нет, и никак его не найдешь. По этому поводу писали и в местную прессу, но до сих пор никаких результатов нет. В январе месяце мы писали еще в газету, но наша заметка до сих пор еще не помещена. Публика ищет краеведческий материал, а его нет.

Касаясь вопроса о посещаемости Историко-Революционного музея, тов. Елагина говорит, что за время существования музея в башне прошло 11998 человек индивидуальных посетителей и 95 экскурсантов. Эти цифры присвоил себе тов. Палашенков в своем отчете, потому что музей Революции числился при Историко-Культурном музее и Палашенков включил в свой отчет посетителей и музей Революции.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«ЕЛАГИНА Агафья Александровна, член ВКП(б), из рабочих, заведывающая Историко-революционным отделом, работает в музее с 1929 года, образование – низшее».

ВОПРОСЫ К ТОВ. ПАЛАШЕНКОВУ
И ТОВ. ЕЛАГИНОЙ И ИХ ОТВЕТЫ:

/Тов. Хозеров к Палашенкову/ – Скажите как быв. зав. музеем революции, сколько у Вас было экспонатов в башне, в которой помещался музей?

– Я передал Агафье Александровне /Елагиной/ 598 экспонатов, при чем, надо сказать, что был, главным образом, местный материал /подлинный/, которому уделялось главное внимание.

– Сколько было затрачено средств на музей Революции?

– Когда ремонтировалась башня, Губмузеем было отпущено рублей 200, потом нынче осенью /в 1929 году/ еще отпущено рублей 200, но последние израсходованы не по назначению, а на ремонт частных квартир.

– Почему в марте месяце 1926 года выставка музея Революции была свернута и для какой надобности?

– В связи с общей реорганизацией музея.

– Почему когда были получены три комнаты для Революционного и Антирелигиозного музея, отнятые у Архивбюро, они были использованы не по назначению и Антирелигиозный музей не был организован?

– Потому что по документальным данным мною было установлено, что духовная тюрьма помещалась не в этих комнатах, а в подвальном помещении; для оборудования же и приспособления этого помещения под выставку и для открытия духовной тюрьмы не было отпущено необходимых средств. Этот вопрос обсуждался на заседании Правления, на котором присутствовал тов. Хозеров.

/Дмитриев/ – Какая научно-исследовательская работа проделана Историко-Культурным отделом?

– Совершено несколько экспедиций: по реке Каспле в Демидовский уезд, по реке Сож в Краснинский уезд, а также сделано

целый ряд отдельных выездов с научной целью в разные места. В результате этих экспедиций собрано много краеведческих материалов и сделана масса фотоснимков и зарисовок.

– Сколько было вообще ассигновано на научно-исследовательские работы?

– 200 руб. ассигновано Главнаукой и 100 руб. Губмузеем.

– Какие материалы были выставлены на выставке 1905 года и движения декабристов?

– Главным образом собраны мною материалы по движению декабристов, выставлены были подлинный материал и портреты.

/К тов. Елагиной/ – Правильно ли у Вас использовались научные сотрудники?

– Мне казалось, что правильно.

– Намечается ли какая-нибудь научно-исследовательская работа по Истории Революционного движения в Западной Области?

– Исследование революционного движения Западной Области неизбежно, и мы думаем в недалеком будущем исследовать Западную Область в этом отношении.

– Намечается ли какая-либо работа в Музее Революции в текущем году?

– Музей Революции организуется заново.

– Составлялся ли план работы?

– У меня лично план есть, но он не обсуждался и не представлялся на утверждение.

/Тов. Ланин/ – Есть ли план размещения отделов музея Революции?

– Нет.

– Как же идет размещение экспонатов, и можно ли размещать отделы не имея планы?

– План есть, но он только не ставился на обсуждение общего собрания.

– Как же работают технические и научные сотрудники, если план на собрании не обсуждается, если они не знают, что они должны делать?

– Они работают под моим руководством. Если сначала план не обсуждается, то в процессе работы мы разбираемся и обсуждаем его коллективно.

– Как привлекаются политкаторжане к Вашей работе?

– Они помогают нам средствами и материалами, а также помогают нам окантовывать экспонаты.

– Не поручалось ли политкаторжанам размещение какого-либо отдела, и считается ли Вы это целесообразным?

– Они размещают только каторгу и ссылки, так как это их материалы.

– Когда предполагаете открыть музей?

– К 1-му Мая, если поступят материалы.

– А если материалы не поступят, тогда когда будет открыт музей?

– Думаю, что к концу июня месяца мы его откроем.

/К тов. Палашенкову/ – За какое время отчитывается музей?

– За последний год.

– С какого времени работают музейные работники, и было ли у Вас обследование и инструктаж?

– Было обследование со стороны Главнауки и инспектора по делам музеев.

– Чем вызвано закрытие Историко-Культурного музея?

– Я думаю, что отсутствием помещения для музея Революции.

– Не намечается ли использование коллекций Историко-Культурного музея в других музеях?

– Насколько мне известно, проектируется организация Краевого музея.

– Имеет ли музей на учете у себя рядовых работников на местах, которые помогают собирать материал для музея?

– При Историко-Культурном отделе были друзья музея.

/Меландер/ – Принимались ли меры для получения лучшего помещения под музей Революции?

– Мне кажется, что принимались все меры, но без положительных материалов.

/Дмитриев/ – Были ли попытки популяризации музея на производствах /на фабриках и заводах/ с целью привлечения к нему массы?

– В отношении популяризации принимались следующие меры: выставлялись доски-объявления, оповещалось в газетах и т. д. Специальных же докладов на фабриках и заводах не делалось.

/Хозеров/ – Не по Вашему ли ходатайству была предоставлена башня для музея Революции?

– Это обсуждалось на заседании ученого совета при Вашем же участии.

– Известно ли Вам, что Губмузей и ГубОНО хлопотали о предоставлении помещения для музея Революции?

– Известно.

/Ланин/ – Какое прямое отношение имела комната 1812 года к историко-революционному отделу?

– Эта комната имела отношение не к историко-революционному, а к историко-культурному отделу. Собранный в ней материал отражал историю г. Смоленска.

– Не считаете ли Вы, что у Вас было два музея – музей Старого Смоленска и историко-культурный?

– Нет, историко-культурный музей – это общее название отдела, отдел города Смоленска являлся частью историко-культурного музея.

/К тов. Елагиной/ – Считает ли зав. Историко-революционным отделом своих сотрудников подходящими и соответствующими своему назначению?

– Все сотрудники историко-революционного отдела новые, и, говоря о том, насколько они подходящи, приходится задумываться. Не могу сказать, что все подходящи. Доморацкий выполняет свои обязанности и ведет научную ра-

боту. Вержбицкий – тоже хорошо знает историю революционного движения и может работать.

– *Научные работники у Вас выполняют только научную работу и технические только техническую?*

– Нет, они выполняют все работы и научный сотрудник, например тов. Вержбицкий, не гнушается и технической работой и делает все, что необходимо.

– *Почему тов. Елагина, сделавшись заведывающим музеем, нашла помещение для музея Революции, а Вы, тов. Палашенков, не могли сделать это?*

– Я считал, что историко-культурный отдел организован раньше, и свертывать его нецелесообразно. С другой стороны, по-моему, это помещение больше соответствует историко-культурному отделу, чем музею Революции. О предоставлении же помещения для музея Революции мы ходатайствовали, но наше ходатайство не было поддержано соответствующими организациями. И хоть историко-культурный отдел пришлось свернуть в связи с отсутствием помещения для музея Революции, однако, по мнению тов. Палашенкова, это не было выходом из положения.

/Тов. Шпакова – к Палашенкову/ – Где Вы получили санкцию на свертывание историко-культурного музея?

– Было постановление собрания научных работников с представителями от Обкома под председательством тов. Амосенко, хотя, по моему мнению, постановление было несколько иное, чем последовавшее затем распоряжение директора о свертывании музея.

/Тов. Ковалева к Палашенкову/ – Почему не уплачено мне за переноску архивных книг?

– Потому что это происходило в урочное время, и я сам принимал участие в переноске.

– *Почему не давали мне отпуск, когда в музее не было никакой работы?*

– Это нужно спросить у Меландера, он был директором.

– *Помните, как Вы стучали себя в грудь, называя себя администратором, и запрещали мне брать дрова, которые я брала из общего сарая?*

– Мне, как администратору, приходилось заботиться об экономной топке, потому-то и приходилось стучать в грудь, но стучать в свою, моей груди было больно.

– *Помните ли Вы, как Вы заставляли меня обслуживать ваших своячениц, когда Вы ездили в Ялту, я готовила им, носила воду, охраняла квартиру, а Вы в благодарность за это привезли мне ветку винограда?*

– Этого не помню. Я не знаю такого случая. И как заведывающий отделом, я не мог просить Вас об этом.

/Ланин к Елагиной/ – Считает ли Агафья Александровна целесообразным свертывание Историко-культурного отдела и помещение туда Историко-революционного?

– Я считаю вполне целесообразным, потому, что музей Революции должен быть благоустроен в первую очередь.

– */Шпакова к Палашенкову/ – Расскажите Вашу автобиографию.*

– Я сын крестьянина села Надвы, Смоленского Округа. Учился сначала в сельской одноклассной, а затем в двухклассной школе. По окончании последней был отдан к садовнику в имение Вонярово, но вскоре перешел на почту, где нес обязанности почтальона, числясь на правах ученика. В 1902 году поступил в Алферовскую учительскую семинарию и окончил ее в 1907 году, получив звание народного учителя, и учительствовал в земских школах Смоленской губернии, в министерских и городских школах Киевской губернии, а потом и в самом городе Смоленске. Здесь я работал в младших классах гимназии помощником классного наставника и преподавателем. С момента организации со-

ветских школ до 1925 года работал школьным работником в Смоленских школах 1-й и 2-й ступени. Не отрываясь от педагогической работы, выдержал экзамен на звание учителя русского языка; затем оканчиваю археографический и археологический факультеты Археологического Института и получаю звание ученого археолога. Прослушал курс ИНО. В 1921 году читал лекции в Археологическом Институте по этнографии и исторической географии. В этом же году был приглашен Смолгубмузуправлением по организации Исторического музея. С этого времени работаю в музее непрерывно. Занимал должности хранителя музея Старого Смоленска, Зав. музеем древностей, Историко-археологическим и, наконец, Историко-Культурным и музеем Революции. Неоднократно исполнял обязанности Заведывающего Губ. Музуправлением и директора музея искусств и древностей. В 1927 году по распоряжению Главнауки НКП был назначен директором Смолгособлмузеем, от каковой должности был освобожден в 1928 году согласно личного заявления вследствие расстроенного здоровья.

Помимо организации местного Историко-культурного музея в 1925 году, по моей инициативе был организован /на правах отделения/ музей Революции, больше половины экспонатов которого были переданы мною из личных собраний. Мною же было положено начало организации отделения «Смоленская деревня» и открыта комната композитора Глинки.

В 1923 году выставочным комитетом был командирован по изучению кустарных промыслов Смоленской губернии, а затем в Москву на Всесоюзную выставку для участия в организации кустарного отдела и отдела быта.

Летом 1927–1929 гг. был начальником организованных Смолгосмузеем экспедиций: этнографической и палеонтологической. Местной этнографией занимаюсь с

1907 года. Сначала работал под руководством известного этнографа В.Н. Добровольского, а после его смерти самостоятельно. В результате мною собрано много материалов по духовной и материальной культуре. Последние 15 лет работал по изучению местной истории.

/тов. Шпакова/ – Что вас заставило пойти работать в музей?

– Я с детства увлекался бытом и очень люблю это дело.

– *Бывали ли обследования музея по линии ГубОНО, и сколько было обследований с целью дать директивы?*

– Глубоких обследований по линии ГубОНО не было, были сделаны обследования тт. Егоровым и Тыкоцким, но это обследование было вызвано тем, что у нас хотели отнять помещение.

– *За время своей работы в музее Вы были где-нибудь на курсах музейных работников?*

– На курсах не был, но бывал на конференциях.

– *Привлекались ли Вами школьные работники и прочие городские просвещенцы к работе в музее?*

– К непосредственной работе не привлекались, но с ними проводились мною соответствующие беседы.

/Ланин/ – Есть ли у Вас научные труды?

– Есть, научных трудов у меня много, но печатных мало: объясняется это отсутствием средств. Из моих научных работ могу назвать следующие: 1/ «Внешний облик Смоленской деревни», 2/ «Земельные знаки и меты, употребляемые населением Смоленской губернии», 3/ «Народные лечебные средства Смоленского края», 4/ «Пища крестьян Смоленского края», 5/ «Что и как едят крестьянские дети» /печатается/, 6/ «Что поет современная Смоленщина», 7/ «Судьба русской народной песни во второй половине 19-го века», 8/ «Демидовский кукольный театр», 9/ «Свадьба в Смоленском крае», 10/

«Сказочник Артем Гапеев и его сказки», 11/ «Дударь Крючков и его песни», 12/ «Построй в Смоленском крае», 13/ «Баня и ее значение в жизни крестьянина смолянина», 14/ «Отчего Смоленск получил свое название», 15/ «Словарь уроженцев и деятелей Смоленского края», 16/ «Древняя Смоленская письменность». Особенно много материалов собрано мною по фольклору.

/Шпакова/ – Ваш музей городского или Областного подчинения?

– Раньше в нем были материалы, собранные в границах губернии, а теперь собирается в границах Области.

– Знаете ли Вы, что делается в других музеях на местах, и какая связь существует у Вас с районными музеями?

– Регулярной связи не было, существовала только случайная связь, и потому мне мало известно, что делается на местах. Для этого у нас есть инспектор по делам музеев.

– Кто у Вас был директором, когда Вы были заведывающим?

– До 1927 года был Хозеров, до Хозерова – Ширяев, а затем, после Хозерова, Главнаука назначила меня.

– Каковы у Вас взаимоотношения с Хозеровым?

– Не могу сказать, чтобы они были хорошие.

– Чем это объясняется?

– Тем, что Хозеров человек мелочный, честолюбивый, преследующий, главным образом, личные интересы и не останавливающийся ни перед чем для достижения своих целей.

– Как Вы считаете Хозерова как работника?

– Он человек знающий.

/Елагина/ – Какое состояние имеется у Ваших родных?

– Отец – крестьянин. 86 лет, имеет 8 десятин пашни и 6 десятин луга.

– Сколько он платит налога?

– Налог в этом году он платит большой, 104 рубля, обложен индивидуально.

– Вы поддерживаете связь с отцом или порвали ее?

– Да, иногда помогаю отцу.

– Не был ли Ваш отец церковным старостой?

– Был.

/Шпакова/ – Какую несете общественную работу?

– Состою членом Правления общества краеведения, член бюро туристов при Обкоме комсомола. В последнее время в течении более месяца работал по ликвидации неграмотности, и по проведению посевной кампании в деревнях Гриневского РИКа.

– В каких политкружках состоите?

– В кружке диалектического материализма при секции научных работников.

ПРЕНИЯ ПО ОТЧЕТУ

ТОВ. ПАЛАШЕНКОВА И ТОВ. ЕЛАГИНОЙ.

Тов. ХОЗЕРОВ прежде всего обращает внимание комиссии на то, что тов. Палашенков не зачитал всего отзыва тов. Левинсона.

Дальше тов. Хозеров говорит, что в работе Историко-Культурного музея он хочет обратить внимание Комиссии на некоторые моменты. Во-первых, в Марте месяце 1926 года, по словам тов. Хозерова, тов. Палашенковым была свернута одна из 2-х комнат организованного в 1925 году музея Революции, каковая была использована для рабочей комнаты. Все это было сделано с согласия Палашенкова, при поддержке других сотрудников, из коих Лявданский играл в этом одну из важных ролей, так как вместо материалов музея Революции им были размещены там археологические материалы.

На заявление тов. Палашенкова о том, что выставка музея Революции была свернута в связи с общей реорганизацией

музея, тов. Хозеров подчеркивает, что это было в Марте 1926 года, а музей начал реорганизовываться в Январе 1927 года.

Дальше тов. Хозеров говорит, что под знаком организации Антирелигиозного музея были отняты у архивбюро три комнаты. Тов. Палашенков дал информацию Госмузея, что во второй половине 18 столетия в одной из этих комнат помещалась духовная тюрьма. Госмузеем и ГубОНО при поддержке Губкома, были приняты все меры к изъятию указанных комнат и передаче их музею. Когда же комнаты были освобождены, тов. Палашенков заявил, что он нарочно выдумал версию о духовной тюрьме, чтобы легче было получить эти комнаты, но, – добавил он, – тюрьма была, но только на первом этаже. Госмузей намерен был использовать эти комнаты под антирелигиозный музей, но тов. Палашенков заявил буквально следующее: «Нам агитка не надо», и вместо антирелигиозного музея была расширена выставка коллекции Историко-культурного музея. В этот же момент, в связи с начавшейся компанией травли против меня, я вынужден был подать заявление об уходе из музея, директором был назначен тов. Палашенков, и таким образом антирелигиозный музей не был организован.

Касаясь экспедиции, о которой говорил тов. Палашенков, тов. Хозеров заявляет, что это просто жест. Что же касается записей тов. Левинсона в так называемой «золотой книге», то они относятся к почетным записям, а официальные документы говорят обратное. Завтра, – говорит тов. Хозеров, – я представлю официальные документы на сей счет.

Тов. ДМИТРИЕВ говорит, что выслушав доклад тов. Елагиной, он вынес впечатление, что работа проводилась беспланово. Особенно чувствуется отсутствие плана работы в Историко-революционном отделе, который, казалось бы, первый должен иметь таковой. Работать без плана, – го-

ворит тов. Дмитриев, – это все равно, что черпать воду решетом. Поэтому, в первую очередь, необходимо всем коллективом музея выработать план работы и обсудить его сначала внутри музея, а затем и на широком собрании партийных и научно-общественных организаций.

Только при такой постановке дела, когда каждый сотрудник будет знать, что он должен делать и как он должен делать, когда он не будет бродить в потемках при развеске экспонатов, как это делается теперь в Историко-революционном музее, можно будет правильно организовать музей.

По мнению тов. Дмитриева, именно то обстоятельство, что планы работы не только не ставились на обсуждение широких масс, но не обсуждались и внутри музея, является причиной тому, что музеи не избежали дефектов в своей работе и имеют много пробелов.

Дальше тов. Дмитриев указывает на необходимость Историко-революционному музею развить научно-исследовательскую работу по изучению революционного движения в Западной области и, в первую очередь, наладить работу по собиранию соответствующих материалов, которые при правильной постановке дела можно добыть в архивных хранилищах.

Эта работа, – говорит тов. Дмитриев, – даст возможность ликвидировать имеющиеся теперь пробелы в выставленном материале и пополнить музей местным историко-революционным материалом. Для этой-то работы и необходимо использовать научный персонал, который теперь используется нерационально на технической работе, тогда как перед научными работниками стоит целый ряд весьма важных научно-исследовательских вопросов.

Тов. ЛАНИН говорит, что он не знает историко-культурного музея и не знаком с его работой, так как, приехав в Смоленск, он застал этот музей в стадии свертывания или, вернее, почти свернутым. Однако,

судя по тем отзывам, которые ему, Ланину приходилось слышать об Историко-Культурном музее, тов. Ланин говорит, что этот музей, по-видимому, заслуживал большего внимания, ибо он весьма популярен среди широких масс, которые ищут и спрашивают его. Так как об Историко-Культурном музее приходится слышать только самые хорошие отзывы, то, по-видимому, – говорит тов. Ланин, – он свернут несколько недостаточно глубоко продуманно, хоть, быть может, это диктовалось необходимостью подготовить помещение под музей Революции.

Дальше тов. Ланин останавливается на вопросе о снятии с работы тов. Погодина (см. Приложение 5). О Погодине, – говорит тов. Ланин, – я слышал самое лестное, самые хорошие отзывы и как о работнике, и как о человеке. Считая тов. Погодина крупнейшим специалистом, знатоком местного края, и ценнейшим музейным работником, тов. Ланин выражает глубокое удивление по поводу его увольнения. Ссылки на то, что якобы у тов. Погодина не было научных трудов, что он, якобы, не соответствовал своему назначению, тов. Ланин считает не только не убедительными, но и не выдерживающими никакой критики.

Следовательно, – говорит тов. Ланин, – если для увольнения тов. Погодина не было других, более глубоких, каких-либо политических мотивов, о которых мы не можем говорить, то увольнение его надо рассматривать как грубейшую ошибку администрации, которую комиссия по чистке должна исправить.

Касаясь музея Революции, тов. Ланин говорит, что музей Революции есть за что лягнуть и лягнуть как следует.

Прежде всего, тов. Ланин отмечает полное отсутствие плана работ. Даже сами научные работники этого музея /по собственному их признанию/ не знают, что и как они должны делать, – говорит тов.

Ланин. – В музее Революции отсутствует даже план развертывания отделов. Такая постановка дела, конечно, никуда не годится. Дальше, отрицательная сторона этого музея, что в нем совершенно отсутствует краевой материал по местному Революционному движению и сбора этого материала не производится.

Наряду с отмеченными недостатками надо отметить и много положительного, и, прежде всего, такое хорошее дело, как привлечение к работе музея политкаторжан, которое остается только приветствовать.

Касаясь самой работы музея Революции, – говорит тов. Ланин, – приходится отметить, что несмотря на то, что работа музея производится без плана, что развертывание его идет гораздо медленнее, чем разворачивается антирелигиозный музей, но зато, все, что уже сделано, безусловно хорошо, сделано, что называется «на ять», чувствуется, что экспозиция глубоко продумывается, что люди работают с любовью.

О сотрудниках музея Революции, тов. Ланин говорит, что он не согласен с оценкой, даваемой им тов. Елагиной. По мнению тов. Ланина в музее Революции нет плохих и хороших работников, так как все они, по его выражению «работают на ять». Я не буду останавливаться на самой тов. Елагиной, – говорит тов. Ланин, – так как о ней я могу дать самый хороший отзыв, а остановлюсь, прежде всего, на тов. Доморацком, который числится техническим сотрудником, выполняет и научную работу. Его работа стоит работы многих научных работников /вроде Вьюнова/, которых он заткнет за пояс. По мнению тов. Ланина, в порядке выдвижения тов. Доморацкого надо выдвинуть на работу высшей квалификации.

Тов. Вержбицкий так же работает, что называется «на ять», – говорит тов. Ланин. – Я хорошо знаю его по работе в Антирелигиозном музее, где он проявил себя не толь-

ко человеком, знанием музейное дело, но и хорошим организатором и особенно человеком чрезвычайно трудолюбивым, целиком отдающимся делу, за которое он берется.

Здесь тов. Дмитриев затронул вопрос о неправильном использовании научных работников в музее Революции. Приходится сознаться, что это правда, но надо сказать, что это объясняется объективными причинами и, в первую очередь, недостатком средств, что заставляет нерационально использовать научных работников.

О тов. Палашенкове, – говорит тов. Ланин, – я слышал очень хорошие отзывы, но непосредственно сталкиваться с ним особенно близко мне не приходилось.

Тов. МЕЛАНДЕР говорит, что уже несколько охарактеризовали работу историко-культурного музея, обладавшего чрезвычайно ценными материалами музейного значения. Заслуги историко-культурного музея в этой области принадлежат тов. Палашенкову, энтузиасту своего дела, и остается только пожалеть, что этот музей сейчас свернут. Реорганизация Историко-культурного музея производилась год тому назад и в результате ее состояние музея улучшилось. Иван Макарович /Хозеров/ говорит, что приезжавший в прошлом году ученый специалист тов. Левинсон в одинаковой степени отмечал достижения и указывал на недостатки и в других музеях. Историко-культурный музей тоже не лишен был этих достижений и недостатков, которые и были отмечены тов. Левинсоном. Причем, насколько мне известно, – говорит тов. Меландер, – в Историко-культурном музее был составлен план, проведение в жизнь которого, восполнило бы имевшиеся в нем проблемы и прорывы.

Говоря о музее Революции, тов. Меландер указывает на то, что последний образовался путем почкования от Историко-культурного музея. Правда, музей Революции находился в неблагоприятных

условиях, но это не по вине работников музея. Мы, – говорит тов. Меландер, – не раз поднимали вопрос о реорганизации и расширении Историко-культурного музея, и просили предоставить соответствующее помещение, но не встретили ни от кого должной поддержки. Когда в прошлом году готовились к первомайскому культурному пятидневнику, мы обращались в ППО Губкома, который обещал помочь нам. Тов. Рабинович приходил даже в музей осматривать его и ставил перед жилотделом вопрос о предоставлении помещения, но в силу жилищного кризиса такого не было предоставлено. И даже живущих в музейном помещении посторонних жильцов, незаконно вселившихся в башню, в которой тогда помещался музей Революции, не удалось выселить, несмотря на то, что по этому мы обращались и в прокуратуру, указывая на то, что занимаемое ими помещение нам необходимо для организации первомайской выставки.

Тов. ДМИТРИЕВ отмечает, прежде всего, недостаточную популяризацию музея среди широких масс, что он считает основным недостатком в его работе.

Говоря о сотрудниках историко-культурного музея, тов. Дмитриев указывает на то, что он близко соприкасался с работой данного музея и его работниками, которых он знает довольно хорошо. О тов. Палашенкове тов. Дмитриев отзывается, как о довольно крупном специалисте в области этнографии и как о большом знатоке местного края. Отнять у него заслуги в этой области нельзя, – говорит тов. Дмитриев. – Тов. Палашенков является организатором и хранителем местного историко-культурного музея, который можно считать его детищем. Тов. Палашенков несколько раз перетаскивал его с места на место. Ему же в значительной степени принадлежит и заслуга собирателя всех материалов, которые он имеет.

Дальше тов. Дмитриев останавливается на вопросе об увольнении со службы тов.

специалиста, который является крупнейшим легендарным в области материальной культуры и большим знатоком музейного дела. Выражая крайнее удивление по поводу его увольнения тов. Дмитриев говорит, что причины к этому неизвестны ни самому Погодину, ни другим сотрудникам.

О тов. Доморацком тов. Дмитриев говорит, что он освоился с техникой музейного дела, и имеет большую любовь к нему и игнорировать это нельзя. О сотрудниках Историко-Революционного музея тов. Дмитриев будет говорить, когда они будут проходить чистку.

Тов. ЛАНИН по поводу увольнения со службы тов. Погодина дает справку о том, что тов. Хозеров говорил ему так, что Погодина нельзя было не уволить, потому что он помещик и за его подписью посылались какие-то бумажки временному правительству. Но, насколько мне известно, – говорит тов. Ланин, – Погодин внук известного историка академика Погодина. Он уволен, как не соответствующий своему назначению, но на самом деле тов. Погодин крупнейший специалист. Как этнографа, как знатока местного края такого специалиста трудно найти. По мнению тов. Ланина, увольнение тов. Погодина было крупной ошибкой, которую он рассматривает, как сознательный маневр Ивана Макаровича Хозерова, видевшего в этом средство спасения своей собственной шкуры.

Тов. ЗОРИНА говорит от имени общества Политкаторжан, указывая, что политкаторжане помогали музею Революции, тем, что они ходатайствовали о предоставлении ему помещения. Соединение Историко-Революционного музея с музеем Общества политкаторжан, для которого они получают при музее Революции 3 комнаты, тов. Зорина считает вполне целесообразным. Что же касается нападок на тов. Елагину, то, по мнению тов. Зориной, они напрасны.

Тов. ВЬЮНОВ задает вопрос, как обстоит дело с Историко-Революционным отделом, ликвидирован ли он совершенно или свернут временно по случаю реорганизации и будет ли он восстановлен.

Тов. ПАЛАШЕНКОВ отвечает, что насколько ему известно, музей свернут временно. Теперь мыслится организация областного краеведческого музея, который должен будет заняться изучением Западной Области. В соответствии с этим, Историко-культурный музей будет построен несколько иначе.

Справка тов. Хозерова: Тов. Председатель комиссии задал интересный вопрос о взаимоотношении тов. Палашенкова со мной. Иллюстрацией к ответу на этот вопрос может служить вопрос об увольнении Погодина, который толкуется курьезно, что якобы я старался этим реабилитировать себя. Погодин уволен по согласованию с РКИ.

Дронз /Хозерову/: Мне сообщено об этом губОНО по согласованию с комиссией содействия.

Тов. Шпакова /к Елагиной/ – Расскажи-те Вашу автобиографию.

– Я родилась в 1886 г. Дочь рабочего. По профессии – портниха. Член партии с 1905 г. На работу в музей Революции командирована Обкомом. По линии музея работаю с 1926 г. 3 года работала в музее Революции в Башкирской Республике.

ПРЕНИЯ ПО ОТЧЕТУ ЕЛАГИНОЙ

Тов. АМОСЕНКО говорит прежде всего о работе Историко-культурного отдела, который по его словам, не оправдывал своего назначения. Там были огромные прорывы и не было связи между производственно-экономическими процессами и культурными, и, вообще, своей работой он себя не оправдывал. О тов. Палашенкове тов. Амосенко говорит, что он действительно крупный специалист, но этот специалист

не смог взять упор на современность. У Палашенкова есть хорошие черты. Он – энтузиаст музейного дела. У него есть вещи прямо трогательные. Он, например, на своих плечах тащил в музей за несколько верст с кладбища надмогильную статую в 1 ½ – 2 пуда весом и т. д. Но, в то же время тов. Палашенков по некоторым, неизвестным нам причинам аполитичен. По мнению тов. Амосенко, как руководитель учреждения, тов. Палашенков не может быть использован, но, как музейный работник, он может быть ценен и его необходимо использовать.

Об Историко-Революционном музее тов. Амосенко говорит, что он находился в плачевном состоянии. Тов. Елагиной пришлось работать в чрезвычайных условиях, без всяких средств. Упрекать ее в отсутствии плана не приходится, потому что план вырабатывается в процессе работы. Деталей же плана предусмотреть невозможно, но памятка плана на ближайший год есть.

Медленный темп развертывания музея и затяжка с открытием его обуславливаются отсутствием материалов.

Тов. ДОМОРАЦКИЙ говорит, что он работает в музее давно, и потому хорошо знает его историю и условия работы в нем. Частые переходы из одного помещения в другое, так тормозили работу и не позволяли своевременно заполнить пробелы и прорывы, чтобы связать его с современностью. Причем прорывов этих было гораздо больше, чем здесь говорилось о них, и они замечались и чувствовались самими научными работниками, которые принимали соответствующие меры к постепенному изжитию их. Так, например, были изготовлены карты, подобран материал для диаграмм и т. д. Работать приходилось в страшном холоде, так как вторых рам в окнах не было, да и отапливаться было нечем. Иногда руки примерзали к стеклам экспонатов. В таких условиях раз-

вертывалась работа Историко-культурного музея. И, несмотря на это, он шел впереди и работал больше, чем другие музеи.

Тов. Лявданский, по словам тов. Доморацкого, был фанатиком археологии и вел работу, главным образом, в этой области. Палашенков же работал во всех областях, согласно требованиям масс и, в частности, школ. Это объяснялось отчасти тем, что Палашенков является Смоленским патриотом.

Что же касается отделения «Смоленская деревня», то его пока еще надо рассматривать не иначе, как выставку результатов одной из экспедиций, так как это отделение только начало разворачиваться. Материалы для него собирались, но пока их было недостаточно. Конечно, Историко-культурный музей требовал большой доорганизации, но, тем не менее, он был весьма ценен. Об этом можно судить по цифрам посещаемости его, несмотря ни на что, за 7 месяцев его работы Историко-культурный музей посетило больше 800 человек. Эта цифра превышает годовую цифру посещаемости некоторых музеев.

О Погодине тов. Доморацкий говорит, что он большой специалист, что он имел вполне определенную, четкую и правильную установку в работе музея. Что он делился своими знаниями и опытом с другими сотрудниками, и ему лично /Доморацкому/ он много помог.

Касаясь Историко-Революционного музея, тов. Доморацкий говорит, что работать в нем при наличии такого малого количества материалов довольно трудно, приходится по десять раз перевешивать экспонаты, не имея гарантии за то, что завтра поступит еще что-нибудь и придется начинать все сначала. Вот почему, – говорит тов. Доморацкий, – не приходится обвинять, кого бы то ни было в медлительности развертывания музея. Что же касается плана работы, то составить его очень

трудно, так как мы не знаем, какими материалами мы располагаем.

Тов. БАРСТОК говорит, что в Историко-культурном музее все внимание ушло вглубь веков, далеко от современности. Там занимались археологией, а изучением современности не занимались. Видя старую деревню, напрашивается вопрос, а что представляет сейчас новая современная деревня? Насколько она выросла и т. д., а вот этого-то в музее не найдешь.

В заключение тов. Барсток говорит, что музеи должны участвовать в современной жизни и соцстроительстве.

Тов. ЕЛАГИНА говорит, что, по словам Палашенкова, он передал ей больше 500 экспонатов, но когда она приступила к разборке их, оказалось, что выставить эти экспонаты нельзя.

Отвечая выступавшим товарищам, которые указывали на отсутствие в музее Революции плана работы, тов. Елагина говорит, что план таков, что материалы делятся по эпохам, и, в соответствии с этим, они распределяются на выставочной площади. Вся беда в недостатке материалов, что тормозит все дело.

В архиве, – говорит тов. Елагина, – мне сказали, что материалы имеются, а когда я забралась в них, то мне попало за это.

Дальше тов. Елагина указывает на отсутствие в музее Революции средств, в которых до последнего времени ей отказывали.

Получив отказ в средствах, она вынуждена была насесть на Госмузей, и в результате теперь кое-что получила и сумела съездить в Москву и заказать кое какие материалы по 1905 году и для комнаты Ленина. Для последней закуплен материал в счет общества политкаторжан.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ПАЛАШЕНКОВА

Отвечая на заявление тов. Елагиной о том, что музея Революции, как такового,

она не нашла, что якобы, его не было, тов. Палашенков говорит, что согласиться с этим заявлением нельзя, так как музей был, хоть и небольшой, он существовал, как отделение Историко-Культурного музея. Средств на него не отпускалось, точно так же, как не предоставлялось для него и помещение, несмотря на все хлопоты об этом. Что из себя представлял музей Революции? Лучше всего сказать об этом словами официального отчета ревизора Главнауки ученого-специалиста тов. Левинсона: «Историко-Революционный отдел помещается в одной из крепостных башен на берегу Днепра, некогда превращенной в церковь; помещение весьма неудобное и тесное, и рассматривается как временное, экспозиция музея не закончена, хотя публика допускается в уже готовые разделы. Нельзя не отметить, что подготовка отдела ведется при очень слабом содействии партийных и общественных организаций и сложена почти только силами сотрудников Историко-Археологического отдела. Выставленный материал невелик по объему, но интересен методически в смысле построения по краеведческому принципу. На общем фоне развития революционного движения особенно подчеркнуты те моменты, которые имели в той или иной степени соотношения к Смоленскому Краю».

Дальше тов. Елагина указывает на то, что хотя ей и передано более 500 экспонатов, но их нельзя выставить. Я считаю, – говорит тов. Палашенков, – что собранный материал ценен, поскольку он подлинный и, главным образом, местный /возвращения, прокламации, листовки и др. документы, характеризующие историю революционного движения и борьбу партии/.

Правда, есть некоторая часть материалов, которую, может быть, и не следует выставлять, но дело в том, что музей Революции должен собирать не только то, что выставляется. В своем архиве он должен

хранить все, что связано, как с Революционным движением, так и с контрреволюционным. Разве не представляют интереса местные анархические воззвания и газеты, кадетские документы, Союза русского народа и т. п.

Относительно посещаемости, тов. Палашенков говорит, что напрасно думает тов. Елагина, что говоря о посещаемости историко-культурного музея и называя цифру посетителей, докладчик вводит кого-то в заблуждение. Так как он, Палашенков, дает отчет по историко-культурному отделу, а музей Революции является отделением последнего, то число посетителей его и включено в общее количество.

В заключение тов. Палашенков говорит, что сделано буквально все, что можно было, для того, чтобы в Смоленске был музей Революции. Но, по словам тов. Палашенкова, до последнего времени он был одинок и поэтому, естественно, музей не мог вырасти до желаемых размеров. Большинство материалов музея Революции – это лично мои материалы, которые я передал в музей.

Отвечая тов. Дмитриеву, тов. Палашенков говорит, что работа в Историко-Культурном музее всегда проходила по предварительно разработанным, и, в некоторых случаях рассмотренным Главнаукой планам. То же можно сказать и о музее Революции, пока он находился в ведении Историко-Культурного отдела /до 1-го октября 1929 года/.

Отвечая тов. Барстоку, тов. Палашенков говорит, что действительно новая деревня не была выявлена в музее. Но, не потому что музей не считал это нужным, а потому что при недостатках средств, сразу всего не сделаешь. Музей находился в стадии организации; к выявлению современности музеем заготавливался материал, и в ближайшее время провалы были бы восполнены.

Отвечая тов. Хозеру относительно закрытия в 1926 году одной из комнат му-

зея, где были выставлена выставка 1905 года, тов. Палашенков говорит, что это было вызвано необходимостью. С другой стороны, выставка 1905 года и декабристов были организованы по инициативе тов. Палашенкова, которым были переданы для этого соответствующие материалы. Таким образом, – говорит тов. Палашенков, – я заботился о музее Революции больше, чем кто бы то ни было.

Относительно переданных Историко-Культурному отделу трех комнат, отнятых у Губархивбюро, тов. Палашенков дает справку, что антирелигиозный музей там не намечался, а намечалось только открытие духовной тюрьмы, но когда по документальным данным удалось установить, что духовная тюрьма была не наверху, а под алтарем церкви, внизу, то эти комнаты были использованы под другую выставку. Организация духовной тюрьмы намечалась на ближайшее время, но благодаря недостатку средств она не была открыта.

Дальше тов. Хозеров указывает на недочеты в музейной работе. Действительно, – говорит тов. Палашенков, – недочеты имеются, но они не бывают у того, кто не работает, в частности у Ивана Макаровича Хозерова недочетов не могло быть, потому что он музей не создавал⁵.

После протокола в Деле подшит лист бумаги, на котором карандашом в две колонки написаны фамилии присутствовавших на заседании комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и Областного архивного бюро 29 апреля 1930 года:

Список
сотрудников Госмузея и архивбюро
присутствовавших на чистке аппарата
Смолгосмузея Архивбюро 29/IV- 30 г.

сотр. музея

1. Ланин.
2. Хозеров
3. Амосенков.

4. Доморацкий.
5. Билевич.
6. Лебедев.
7. Зайончковский.
8. Рачицкий.
9. Елагина.
10. Меландер.
11. Мишонов.
12. Дмитриева.
13. Ковалева.
14. Ткачев.
15. Вержбицкий.
16. Вьюнов.

сотр. Архива

1. Зайцев.
2. Морозов.
3. Лицкевич.
4. Дронэ.
5. Жариков.
6. Гончарова.
7. Лепин.
8. Миркин.
9. Эйнер-Бинер.
10. Остроумов.
11. Полуденцев.
12. Дмитриев.

**Л. 35–48 об., 49. Машинопись.
Подлинник.**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабочий путь. 1927. 5 января. № 5.

² Рабочий путь. 1930. 9 января. № 7.

³ Рабочий путь. 1930. 12 января. № 10.

⁴ Рабочий путь. 1930. 6 апреля. № 79.

⁵ А.Ф. Палашенков, по-видимому, предвидя развитие событий, подготовил к заседанию комиссии по чистке отзывы о работе Историко-культурного музея, который он организовывал и возглавлял. Отпечатанная на пяти страницах подборка отзывов о работе музея обозначена ярлычком с надписью «МАТЕРИАЛЫ НА НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО МУЗЕЯ тов. ПАЛАШЕНКО». Других материалов здесь нет, хотя указано, что они размещены «на 32 стр.» (см. Приложение 3).

На рубеже 1930-х годов прошлого века культурная жизнь Смоленска была достаточно разнообразной. Газета «Рабочий путь» время от времени помещала объявления о приезде в город знаменитостей:

«Гортеатр. 6-го января состоится только один вечер песни **ИРМЫ ЯУНЗЕМ** при участии В.Н. Фролова. Предварительная продажа билетов ежедневно в кассе гортеатра».

«Дом Культуры. ПОНЕДЕЛЬНИК 13 января единственный КОНЦЕРТ исполнительницы цыганск. романсов и таборных песен **ТАМАРЫ ЦЕРТЕЛЛИ** при уч.: Сам. ФУРЕР (скрипка), М. ФУРМАНОВ (рояль). Билеты продаются ежедневно с 11 час. утра до 6 веч. в аптек. маг. «Гигиена», Ленинск. ул. против магаз. «ТЭЖЭ». Подробн. в афишах. Начало концерта ровно в 9 ч. в.»¹

Постоянно дает свои анонсы городской театр:

«Гортеатр. Драма и комедия. Отв. худ. рук. Л.И. Изольдов. В среду 8 января 1930 г. в порядке культ. обслуживания коопериров. населения УЗП совместно с ЦРК ставит спектакль «**БОЛОТО**». Билеты можно получить в правлении ЦРК у т. Меламеда. Цены местами от 1 руб. до 30 коп.»

В газете «Рабочий путь» периодически появляются рецензии на новые спектакли, написанные в основном с точки зрения классового подхода. Хотя проскакивают и вполне здравые, критические суждения, такие, например, как в рецензии на спектакль «Атлантида»: «Благодаря отмеченной уже «иллюстративности» почти всех картин, – ролей в пьесе, ярких, выпуклых ролей, собственно, – нет, да и то, что есть – в большинстве попало не в надлежащие руки».

Самым же популярным развлечением остается кинематограф. Поскольку советская фабрика музыкально-комедийных грёз еще не создана, и «Веселые ребята»

с Леонидом Утесовым и блистательной Любовью Орловой выйдут на экраны только через четыре года, кинотеатры заполняет (впрочем, как и в нынешние времена) в основном продукция американского Голливуда:

«Пролеткино. Демонстрир. кино-фильма – трагикомедия американских нравов **«ЧИКАГО»**. В главн. ролях Филлис Хэвер и Виктор Варкони. Картину иллюстрирует симфонический оркестр под управл. И.И. Николаева. Анонс! ЛУЛУ Анонс!»; «Кино-Палас. С 2-го января 1930 г. демонстрир. амер. боевик в 7 частях. **«ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ»**: Цены на дневные сеансы 20 коп. на все места. В главн. ролях Биб Даниэльс, Нейль Бамильтон. Производство Парамонт фильм. Картину иллюстрирует трио под управлением Фридмана».

О музеях и его коллекциях, как правило, скупо сообщается в рубрике «Новости вкратце»: **«От ликвидкома предснабзапа поступила в дар картинной галереи Смоленского госмузея картина неизвестного мастера итальянской школы “Иоанн Богослов” или “В Смоленскую картинную галерею” поступило из госуд. муз. фонда 23 картины известных русских художников, из которых 10 картин выставлено для обозрения. В числе выставленных – произведения В. Маковского, Крамского, Васильева, Поленова и др.»**

Но иногда областная партийная газета позволяет себе разразиться едва ли не гневным выпадом с «классовой» точки зрения:

**РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ
НЕ ПОСЕЩАЮТ МУЗЕЕВ
НУЖНО СДЕЛАТЬ ПОПУЛЯРНОЙ
РАБОТУ НАШИХ МУЗЕЕВ
НЕ ПОРА ЛИ РАСПРОСТИТЬСЯ
С ИМЕНЕМ КНЯГИНИ ТЕНИШЕВОЙ?**

Далеко не все жители Смоленска знают о том, что наш город богат большими художественными ценностями. В Смоленске

несколько музеев и картинная галерея. Но нигде не оповещается, когда они бывают открыты. Об этом можно узнать исключительно из объявления, висящего на дверях того или иного музея. И если, скажем, житель Рачевки, Садков или Донщины в свободное время пожелает посетить музей, то он рискует вернуться домой ни с чем, так как (не ровен час!) в это время музей может оказаться закрытым.

А зайдя в музей, вы можете убедиться, что взрослые рабочие «Катушки», электрички, деревообделочных заводов и других смоленских предприятий не посещают этих культурных очагов...

Выводы ясны. Практически **мы предлагаем следующее:**

– **Широко оповещать** на предприятиях и в учреждениях о том, когда какие музеи бывают открытыми. Фабкомам и месткомам, по договоренности с администрацией музеев, **нужно организовать в праздничные дни экскурсии рабочих в музеи.**

Частный вопрос, не имеющий непосредственного отношения к работе музеев.

До сих пор в Смоленске один из музеев носит имя княгини Тенишевой. Даже больше, улица, на которой расположен музей, именуется также Тенишевской. Такая честь княгине Тенишевой воздана потому, что она явилась организатором музея. Развезжая по странам Запада, подобрав себе специалистов по музейному делу, Тенишева начала собирать экспонаты для музея. В имении Тенишевой «Талашкино» (теперь там совхоз), десятки крестьянских девушек, работая от зари до зари, теряя зрение, вышивали цветастые гобелены и вязали кружева. В специальных мастерских крестьяне вырабатывали для «княгини-матушки» замысловатые балалайки, оригинальные столики и т. д.

Все это шло в музей. Путем долголетней беззастенчивой эксплуатации сотен крестьян княгиня Тенишева создавала свое

благополучие. Ради прихоти и забавы, она часть средств, нажитых путем эксплуатации, отдавала на организацию музея.

Вот, в нескольких словах, краткая история организации этого музея. И приходится удивляться, почему до сегодняшнего дня трудящиеся Смоленска не избавлены от этих осколков прошлого имени «великодушной» княгини. И без упоминания имени Тенишевой трудящиеся хорошо помнят и будут помнить княжескую эксплуатацию.

Говоря коротко – **музей и улицу надо переименовать.**

Д.Р.¹

Иногда в газете появляются небольшие заметки за подписью «И.Х.» или «ХОЗЕРОВ».

Протокол № 5 Открытого заседания комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и Облархивбюро

от 29/IV – 1930 г.

Присутствовали: Члены комиссии гг. Шпакова, Дронэ, Карпекин и Колбеев; сотрудники госмузея и архивбюро в количестве 27 чел. (список прилагается) и посторонних 21 чел.

Председатель т. Шпакова при секретарях гг. Доморацком и Морозове.

СЛУШАЛИ:

Доклад т. Хозерова о работе Картинной Галереи.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«Хозеров Иван Макарович, беспартийный, из мещан, заведующий картинной галереей, работает в музее с 1928 года, образование – высшее незаконченное».

В своем докладе т. Хозеров останавливается, прежде всего, на истории возникновения и развития Картинной Галереи, где отмечает, что вначале она имела собрания чисто случайного характера. Это

объясняется тем, что вещи вывозились, главным образом, из имений, лишь в 24 году она получила помещение б. Богоявленского собора. К этому, говорит т. Хозеров, была толчком помещенная им статья в «Р.П.», – после этого начинается более или менее нормальный рост Картинной Галереи. Все же, еще до 1926 г., она не отвечала запросам широких масс.

Далее т. Хозеров говорит, что он более подробно остановится на работе Картинной Галереи. К этому его побуждает следующее: не было обследования работы Картинной Галереи комиссией специалистов, и предвзятое мнение со стороны некоторых работников музея, не знающих ее работы.

Т. Хозеров указывает на выставку репродукций картин худ. В.В. Верещагина, говорит о ней, как о первом моменте общественного выхода Картинной Галереи.

Затем он указывает на то, что за истекший год беседы в Картинной Галерее проводились в историко-социологическом разрезе; это обстоятельство т. Хозеров отмечает как важнейший момент и говорит, что это является крупным шагом вперед.

И, наконец, он говорит о том, что при проведении экскурсий он и научный сотрудник Мишонов строго принаравливались к каждому составу той или иной экскурсии.

Давая отзыв о работниках Картинной Галереи, т. Хозеров говорит, что Мишонов является весьма ценным работником и что о нем он может сказать только как о хорошем работнике.

Ковалева является также хорошей работницей. Вахтер Лебедев поступил по рекомендации т. Мишонova и после долгих обсуждений. Правда, говорит т. Хозеров, он несколько неподвижен, но и о нем, я не могу сказать ничего плохого.

Тезисы доклада т. Хозерова прилагаются.

К протоколу от 29/IV – 1930 г.

РАБОТА

картинной галереи за истекший
с 1/X – 28 г. по 1/X – 29 г.
и текущий с 1/X – 29 г. по 1/IV – 30 г.

А). Помимо обычной культурно-просветительной работы, в галерее за указанные периоды была проделана следующая работа:

1) Произведена приемка имущества т. Хозеровым от т. Мишонова и в связи с этим подробный учет всего имущества галереи, ввиду целого ряда неточностей в инвентарных записях галереи. Приемка и проверка имущества (включая сюда и гравюрный кабинет, библиотеку и фонды) проведена в период с декабря 1928 г. и по 2-е июля 1929 г. Указанная приемка не вызвала перебоев в текущей и культурно-просветительной работе галереи, чем, собственно, отчасти и объясняется такой длительный период проверки имущества.

2) Галерея организовала в память 25-летия со дня смерти худ. В.В. Верещагина выставку репродукций с его произведений. С 9-го и по 14 апреля 29 г. шла подготовка к организации выставки. Выставка открылась с 14 апреля и по 5-е мая 1929 г. Посетило выставку 3543 человека, из них экскурсий 43, с общим числом в 1093 человека.

3) Затем, была организована галереей и вторая выставка, посвященная антимилитаристическому дню.

Подготовка к организации указанной выставки заняла время в 23-го июля и по 10 августа 1929. Антимилитаристическая выставка была открыта с 11 по 18 августа 29 г. Посетило эту выставку 233 чел., из них 6 экскурсий с 56 человеками.

4) Беседы с посетителями в галерее проводились под знаком историко-социологического освещения вопросов искусства; таким образом, указанная постановка

культурно-просветительной работы галереи является, бесспорно, большим достижением галереи по сравнению с работой галереи за предыдущие годы.

5) Картинная галерея выполняла различные художественные и живописные работы не только для себя, но для других отделов госмузея (например, изготовление лозунгов к 1-му мая, плакатов к съезду советов, к Октябрьским торжествам. Кроме того, т. Мишоновым изготовлено 2 портрета для музея Революции и 1 портрет для Ельнинского музея, а также 1 плакат для Музея Революции.

6) Галерея произвела капитальный ремонт, что в значительной степени улучшило ее внешний вид, а также и условия работы в ней. Кроме того, галерея расширила выставочную площадь, путем использования части рабочей комнаты под новый выставочный зал. Перед производством капитального ремонта все имущество галереи было большей частью убрано на хоры и в кладовую, а частично завешено. Уборка имущества производилась с 24 августа по 7-е сентября.

Капитальный ремонт здания начался с 7-го сентября и в основном закончился 14 ноября 1929.

7) Произведена операция по передаче из фонда галереи бронзы Рудметаллторгу с 14 по 19 июля – 29 г. (каждый предмет был описан и взвешен).

8) В целях получения новых произведений живописи т. Хозеровым было совершено по две поездки в Ярцево, Ельню и Москву, а попутно и в Сычевку. За время с 1-го января 1929 г. и по 1-е февраля 30 г. картинная галерея обогатилась следующими экспонатами – произведений живописи поступило 128 предметов к имевшимся 674 экспонатам, т. е. 19%, произведений скульптуры поступило 23 шт. к имеющимся в галерее по этому отделу 43 экспонатам, т. е. 53%.

9) Произведены работы в передаче из фонда картинной галереи в Ярцевский рабочий клуб, Ельнинский и Сычевский музеи, а также и Рачевскому рабочему клубу и Антирелигиозному музею всего 238 предметов (в Ярцево 34 шт., в Ельню 45 шт., Сычевку 12 шт., Рачевскому клубу 31 предм. и Антирелигиозному музею 116 предметов).

10) Работа, связанная с изъятием предметов старины, стекло и рам из закрытых церквей в общей сложности заняла 2 месяца (операция по вывозу предметов из церквей и размещение их в галерее).

11) Неудовлетворительное расположение выставочного материала, как в отношении системы размещения его, так и принципов экспозиции, заставило галерею приступить к реорганизации, которая фактически могла быть осуществлена лишь с получением картин из Третьяковской галереи и музея изящных искусств, особенно из последнего, где главную массу картин составляли произведения итальянской школы. Картины из Музея Изящных Искусств получены были на станции в Смоленске лишь 22 января 30 г. Вот почему до получения их галерея и не смогла вести работу по развеске картин на новых началах.

Однако, за это время в галерее была проделана следующая работа – т. Хозеров и т. Мишонов чистили луком 51 картину масляной живописи, ими же была разработана схема развески картин по новым принципам, затем т. Хозеров написал 86 этикеток к картинам и другим художественным произведениям (включая сюда и этикетки и лозунги по выставкам) и прорабатывал вопросы систематизации художественного материала галереи.

Т. Мишонов окантовал различные произведения (всего им сделано окантовок 68 шт.). Далее т. Мишонов произвел починку и освежение поверхности картин

лаком-ретушью (всего было приведено в исправность 4 картины, а также исправлено рам с бронзированием их шт. 43).

12) Летом 1929 г. Хозеров и Мишонов выезжали в Талашкино для отбора предметов прикладного искусства.

13) За отчетный период галерея впервые за все время своего существования смогла отправить в Центральные Государственные Реставрационные Мастерские ряд картин из своего собрания для реставрации, часть уже поступила обратно в галерею после реставрации.

14) Научно-исследовательская работа²
Хозеров выяснил, что произведение «Пастушеская сцена» принадлежит кисти худ. Ван-Лоо, открыв подпись мастера на картине. Затем, он же определил картину «Фуражиры», как произведение известного баталиста профессора Бранда. Скульптура «Лежащая собака» определена им как произведение худ. Гиро (найдена подпись скульптора). Бюст Марии Антуанетты определен им, как произведение Феликса Леконта, а не Гудона, как до того атрибутировали в Смоленской галерее это произведение.

Хозеров и Мишонов совместно определили, что портрет Вонлярлярского принадлежит кисти не худ. Боклевского, а Микешина. Затем Хозеров определил бронзовые статуи шкафа № 160, как произведение знаменитого скульптора Малькнехта (найдена подпись), а Мишонов обнаружил, что самый шкаф является произведением известной парижской мастерской Грога. Далее, ими же была определена картина «Исцеление бесноватого», как произведение А. Маньяско.

Т. Мишонов обнаружил монограмму художника на голландском пейзаже, вывезенным из г. Ельни. Далее он же определил женский портрет неизвестного художника, как произведение Лампи-младшего и притом, как копию его с портрета Лампи-старшего. Затем «Мадонна» неизвестного

художника, определена, как произведение художника Сальви.

Хозеровым собирались материалы о художественной деятельности худ. Микешина и Богданова-Бельского (уроженцы Смоленской губернии), а Мишонов материалы о художественной деятельности в Талашкине.

Б). Тов. Хозеровым, помимо вышеуказанных работ в галерее, была проделана следующая работа;

1) Совершена поездка, по поручению Губсовета союза безбожников, в Ленинград с 24 по 28 апреля 29 г. для закупки предметов в антирелигиозный музей.

2) Проведено 4 экскурсии в собор.

3) Проведено 34 экскурсии по Смоленской стене.

Затем проведено ряд экскурсий и обслужено одиночек по древнейшим памятникам зодчества г. Смоленска – по Петропавловской, Богословской и Свирской церквам (12 века).

4) Летом 1929 г. посещен 2 раза керамический завод, для согласования с администрацией и мастерами указанного завода на посещение выставки по керамике, организованной музеем прикладного искусства в Молоховской башне. В тех же целях т. Хозеров посетил и завод 1 мая.

5) Проведена была бесплатно, в качестве нагрузки, большая работа по экскурсионному делу при ГубОНО.

6) Проведена была кампания, по заданию Главнауки и Губисполкома, на предмет обследования церквей в целях изъятия колоколов.

7) Проведено обследование церквей для составления описи их с разбивкой на типы и категории для Главнауки, на предмет представления материалов в Совнарком для учетной регистрации памятников старины. Работа заняла времени около 1 месяца.

8) Принимал участие в комиссии по изъятию церковного имущества при ликвидации церквей.

9) Принимал участие в работах по репервопланированию бюро и других комиссиях, как представитель облОНО.

10) Производил работы по ремонту и реставрации Смоленской стены, Петропавловской и б. Богословской церквей по поручению Главнауки.

11) Осенью 1929 г. совершил поездку с научной целью в Киев и Чернигов. За счет субсидии Смоленского института Краеведения в целях изучения памятников искусств и старины.

Находился в поездке 17 дней.

В ноябре 1929 г. Мишонов совершил поездку в Ленинград и Москву в целях повышения своей квалификации. Был в командировке 2 недели.

Галерею за отчетный год посетило:

Одиночных посетителей 9346 человек. Из них: крестьян – экскурсий 8, в которых участвовало 169 человек или 3,5%; рабочих, соответственно, – 11 и 253 или 5%; служащих – 22 и 305 или 10%; учащихся – 138 и 3671 или 66%; красноармейцев – 29 и 837 или 15,5%. Всего 14 587 человек.

Затем довольно значительно пополнилась библиотека галереи.

Фактически с марта 30 г. галерея прекратила свою работу, т. к. на т. Хозерова облОНО возложил работу по составлению пятилетнего плана по музейному строительству. Работа заняла время с 1 марта по 7-е апреля.

Затем на т. Мишонова была возложена работа по изготовлению декоративного плаката в Музее Революции. Далее Мишонов был прикреплен на работу в Антирелигиозном музее. Туда же послан и вахтер Лебедев. Таким образом, фактически в марте галерея оставалась при одном стороже. 17-го марта в галерею был вселен естественно-исторический музей, а в начале апреля состоялось постановление Правления Госмузея о свертывании на определенное время картинной галереи.

Нужно отметить, что за истекший год в галерее было организовано два новых отдела (правда, весьма небольших по количеству экспонатов) – 1) греко-римского искусства и 2) ранне-христианского, которые восполнили существовавшие до этого пробелы в экспозиционном материале галереи.

И. Хозеров

Вопросы, предложенные т. ХОЗЕРОВУ:

– *Какая у Вас была связь с местным отделением АХРа (АХР – Ассоциация художников революции – прим. автора)?*

– Связь с АХР и студией ИЗО выражалась в том, что они просматривали наши новинки, правда, с новинками знакомилась больше студия ИЗО клуба им. Томского.

– *Принимала ли какое участие Картинная Галерея в выставках местных художников?*

– Принимала участие в организации двух выставок. Правда, принимали только живое участие работники Картинной Галереи, как сами члены АХРа. Оказывала содействие по организации выставки путем предоставления помещения для собрания по организации выставки.

– *Популяризовалась ли работа музея на заводах?*

– Нет. В отношении популяризации ограничивались печатью. Я помещал некоторые заметки не только за время заведывания Картинной Галереей, но и задолго до этого. Два раза был на керамическом и кирпичном заводах – это популяризация вообще. В этом мое участие. Этого, я знаю, недостаточно.

– *Какими учреждениями командированы были Вы в Киев, и с какой целью? Эта командировка связана была с деятельностью Картинной Галереи? Кем она субсидировалась?*

– С деятельностью Картинной Галереи связана не была, а шла по линии изучения памятников искусства. Субсидировалась Краеведческим Институтом.

– *Кто Вас назначил Зав. Картин. Галереей?*

– По заключению комиссии ОНО.

– *В каком году Вы утверждены членом Белорусской Академии Наук?*

– Не так Вы говорите. Я являюсь членом комиссии при Белор. Академии Наук. В 1926 г. я получил извещение о назначении.

– *Член ли вы комиссии Белорусской Академии Наук или сотрудник?*

– Член комиссии.

– *Печатали ли Вы свои труды в эмигрантском журнале?*

– Да, к сожалению, печальный такой случай был.

– *Каково было постановление коллектива сотрудников об этом, группкома, как реагировала на это редакция «Р.П.»? Ваш ответ редакции «Р.П.»?*

– Постановление коллектива было. Было мое ответное письмо. Редакция была поставлена в неверное освещение, я в это время печатал свою вторую работу в Белорусской Академии Наук.

– *Что у Вас была за история на собрании краеведов с Меландером, где Вы поставили вопрос о неправильном занесении Вас в список присутствующих?*

– Да, была, но не в таком освещении, как это писалось в «Р.П.». После мне губоно разъяснил, что это не важно, в каком порядке записывается; до этого времени я думал иначе и считал такую запись правильной.

– *Было ли Вам поручено ведение дневника работ комиссии в Петропавловской церкви т. Барановским?*

– Да, участие в работах принимал. Ведение дневника поручено не было, а вел я его независимо от Барановского (см. Приложение 6).

ЛЕНИН (с места) – Я обращаю внимание комиссии на присвоение трудов.

(Хозеров продолжает отвечать) – Я Барановскому прямо сказал, что он не там

ищет фрески и он принял мои указания. Кроме того, я писал об этом в Академию Истории Материал. Культуры.

– *Вы о. Пафнутия, игумена Болдинского монастыря, хорошо знаете?*

– Да, хорошо знаю.

– *Были ли по инструкции Вами передан ключ от музея настоятелю Болдинского монастыря Пафнутию и один оставался у научного сотрудника? Целесообразно ли это?*

– Это не целесообразно и этого не было. Перед тем, как подписать инструкцию, я ее исправил. Вот эти исправления (зачитывает и показывает). Розов же (секретарь), как старый канцелярист, перепечатал. Он не любил помарок и перепечатал без моих исправлений. Затем дал мне на подпись – я не прочитал и подписал (т. Хозеров показывает план колокольни, объясняя, что иначе нельзя было сделать).

– *Но ведь инструкция диктовала об этом?*

– Здесь простая ошибка.

– *Можно ли так, чтобы один ключ от музея находился у священника, а другой у Вас?*

– Вы не уточняете момента. Раз колокольня и монастырь находились в двух официальных руках, то здесь и ничего такого не вижу.

– *Вы заключили договор на 3-х часовой рабочий день для научных сотрудников музея?*

– О трех часовом рабочем дне договор заключен еще Ширяевым. По этому поводу есть известное положение.

– *Считаете ли Вы целесообразной работу в музее только 3 часа?*

– Не считаю, но это установлено ЦКПромом.

– *Почему стекло из ликвидированных церковей поступало только в Картинную Галерею?*

– Вот почему: административный отдел обратил внимание на неправильное

использование Госфондовой Комиссией стекла. Поэтому комиссия дала указания, чтобы стекло шло в музей.

– *Нуждались ли другие музеи в это время в стекле?*

– Картинная Галерея остро нуждалась в стекле, поэтому она везла только для себя, но это не исключало возможности, и мы имели в виду делиться стеклом с другими музеями. Кроме того, разбираться было некогда, куда направить стекло, т. к. я в комиссии по закрытию церковей работал один и тем более, что закрытие проходило форсированным путем.

– *Было ли у Вас выдвижение?*

– Ковалеву выдвинуть едва ли можно, на научно-техническую работу она не способна.

– *Сколько раз ремонтировалась Картинная Галерея и сколько на это затрачено средств?*

– Данное помещение в первый раз капитально отремонтировано в 1924 г., второй раз произведен ремонт в 1925 г., в прошлом году – третий раз. В конце 1928 г. были переделаны печи, покрашен пол, отремонтированы перегородки.

– *Были ли у Вас половые связи с сотрудниками музея?*

– Нет, не было.

– *Почему с 1927 г., несмотря на настояния профорганизаций в лице МК, до сего времени не произведен ремонт квартиры Ковалевой?*

– Ремонт квартиры Ковалевой имел отношение к зданию Историко-Культурного отдела. Она неоднократно обращалась к Палашенкову, но почему он не ремонтировал, я не знаю. По поручению Амосенко я обследовал ее квартиру и нашел непригодность печи.

– *Вы работали когда-либо в детдоме и почему ушли оттуда?*

– Да, работал и ушел потому, что эта работа мизерно оплачивалась, затем там создавалась склочная обстановка. Работни-

ки этого детдома были раскрасированы кроме меня и еще одной работницы.

– *Вы имеете специальное образование по линии своей работы?*

– Я учился в классах общества поощрения художников, затем я все время квалифицируюсь.

– *За границей Вы не пополняли своих знаний?*

– Нет.

– *Вы не закончили свое образование в области искусств?*

– Я из 3-го класса Общества поощрения художников.

– *Ваша автобиография?*

Автобиография

Я, – говорит т. Хозеров, – сын рабочего-бондаря. Родился на пивоваренном заводе. Рано, еще с детства, проявил способности к рисованию. Учился в реальном училище. Мать после смерти дяди купила известковый завод. Реальное училище кончил в 1907 году, затем поступил в Психоневрологический институт, в котором не мог оставаться в силу материальных условий, ибо, будучи еще в реальном училище я занимался репетиторством. В 1911 г. поступил в типографию им. Смирнова (имя рабочего-большевика В.И. Смирнова было присвоено типографии уже в годы советской власти – прим. автора). В Ленинград я мог выезжать на несколько месяцев для сдачи зачетов. Имел намерение сдать экзамен экстерном, но не смог. В это же самое время, когда я учился в институте и служил в типографии, мой товарищ Богоявленский продолжал там учиться и аккуратно посещал лекции, таким образом, он помогал и мне.

Затем я поступил в Варшавский Политехнический Институт, но опять не мог его окончить по материальным причинам. Поступил я в политехнический институт потому, что еще, будучи в 6-м классе реального училища, прорабатывал химию, которая

прорабатывается на специальном факультете.

После начала великой Европейской войны семья надумала построить кино.

После Октября я поступил делопроизводителем в Историко-Археологический подотдел. В заседаниях его я принимал активное участие. В 1918 г. поступил учителем рисования в две школы, откуда был послан на курсы. В 1919 г. назначен руководителем по ремонту Черноборского детгородка. После меня назначили заведывающим технической частью Губоно. В 1921 г. меня мобилизовали как работника просвещения. В 1924 г. был назначен научным сотрудником в Тенишевский музей. В 1925 г. был назначен директором музея.

29/XII – 1926 г. утвержден в этой должности Главнаукой. Затем начались трения в среде научных работников и коллектив восстал против меня. Кроме того, целый ряд обстоятельств мелкого характера вынудил меня, тем более, что Госмузей соподчинен Губмузею, а заведовал тем и другим, подать заявление об отстранении от должности директора Госмузея.

В 1928 г. я был назначен заведывающим Картинной Галлереей. Надо сказать, что за этот промежуток времени я не оставлял также технической работы. Затем мною выполнялись работы по поручению Главнауки.

У меня напечатано 12 работ. Правда эти работы как бы оторваны от того, чем живет Госмузей. Я всегда интересовался работой музея. За последнее время наблюдается некоторая передвижка в установке моих научных работ, т. к. полагаю, что в смысле нашей реконструкции (нар. хоз-а) надо не тем заниматься и научно-исследовательскую свою работу несколько передвигаю к современности.

– *Как оценены Ваши работы?*

Т. Хозеров называет несколько имен профессоров и указывает на отзывы в печати.

– Служили ли Вы в старой или красной армии?

– В армии не служил.

– Кто обследовал Вашу работу и какое имели руководство со стороны вышестоящих органов – Губоно и др.?

– В отношении руководства, то его мы получили от Главнауки, но они отошли в область предания.

– Какое состояние уездных музеев, и какие меры принимались в отношении постановки дела в музеях на местах?

– Вопрос о состоянии музеев – большой. Он упирается на необходимость инструктажа на месте и в отсутствие средств, торозит работу музеев частая переброска из одного помещения в другое. После 15-го партсъезда другая обстановка – в сторону улучшения.

– Какие меры принимались к учету и охране памятников старины и искусства?

– Была проведена учетная компания по Смоленску и губернии. С этой целью уездным музеям было разослано директивное письмо. Но с этим учетом справился только Вяземский музей.

– Были ли инструктивные обследования уездных музеев?

– Выезд на места бывал попутно с выездом от Госмузея.

– Ставился ли вопрос перед Губоно и другими организациями о плохом состоянии музеев Смоленской губернии?

– Вопрос был представлен в Губплан и все мероприятия по докладу утверждены им – это перевод музеев на краеведческую работу.

– Какие меры принимались со стороны инспектуры в целях повышения квалификации научных работников?

– В целях повышения квалификации был командирован Яблонский, затем Мишонов, также были посланы работники на музейные курсы.

– Съезды и совещания были?

– Нет, не были.

– Брянское место на музейных курсах было использовано?

– Нет, Брянск отказался.

– Кем подбирались штат музейных работников?

– Это обусловлено выбором местным. Оно и согласовывалось также с Главнаукой.

– Уделялось ли внимание охране памятников революции?

– В отношении учета и охраны памятников революции, то это проводилось по анкете, которая была представлена в Обком, а тот передал в Истпарт, и это было проведено последним. Затем еще Палашенковым велся учет, так, например, в Ельнинском уезде им зарегистрирована могила декабриста.

– Вы, как инспектор, как Вы считали и чем объяснить то, что Музей Революции отодвинут был на задний план, как в отношении здания, так и в отношении отпускаемых средств?

– В отношении Музея Революции я говорил, когда делал отчет Палашенков – по его же предложению было предоставлено помещение башни, т. к., несмотря на все хлопоты, нельзя было получить помещение.

– В отношении средств, то ввиду того, что нельзя было развернуть в том помещении, в каком находился Музей Революции работу, поэтому нельзя было и отпустить средства. По отчету проходит 225 руб., потраченных на Музей Революции до февраля месяца, и они затрачены на ремонт квартиры торговли?

– Этот вопрос был согласован с Правлением Музея.

– По чьей санкции были отпущены средства и переведены посторонние лица в отремонтированные помещения? Считали ли возможным Вы переброску музея в другое помещение?

– С моей санкции отпущены средства. Переведены эти лица также по моей санк-

ции, в этом неаввал прокурор. Вопрос стоял также об освобождении всего низа башни под музей.

– Был ли перевод сторонних жильцов из одного помещения музея в другое несурразностью?

– Несурразностью не могло быть, т. к. для Музея Революции должна была быть представлена Ильинская церковь.

– В порядке реставрации башни или под жилье был произведен ремонт на музейные средства?

– В порядке приведения в порядок помещения и это по линии эксплуатации стены на средства Главнауки, а не музея.

– Как это так – в одном Вузе не было средств учиться, а в другой в то же самое время поступил?

– Правда, что ж поделать, что в жизни бывают неувязки.

– В чем выражалась Ваша работа в Экскурсионном бюро и сколько Вы получили за это?

– Работал в 1925 г. с апреля по июнь и в 1926 г. с мая по июль ответсекретарем Бюро, и получал 30 и 37 руб., а в прошлом году работал в порядке нагрузки. По части обслуживания экскурсий – давались направления, путевки, предоставлялось помещение.

– Как Вы смотрите на Погодина, как на музейного работника?

– Я Погодина не считаю серьезным музейным работником, он перебрасывается с темы на тему; то он археолог, то этнограф. Как практик он хорош, а как научно-го работника я не считаю его серьезным.

– А Вы считаете себя специалистом по всем отраслям музейных работы? Вы считаете себя хорошим работником? Если Вы себя таковым не считаете, то Вам можно вмешиваться в работы музея не по специальности?

– Не считаю. Вопрос не по существу. Я как раз относительно Погодина и его квалификации говорил, что он хороший

музейный работник, но не считаю его серьезным музейным работником.

– Задавались ли Вы, как инспектор, целью подготовки новых кадров музейных работников?

– Вопрос о подготовке новых кадров музейных работников стоит в Главнауке. Так два раза были организованы курсы. Непосредственно на месте мы этот вопрос ставить не могли.

– Был ли составлен план работы Картинной Галереи, и какую задачу она ставила перед собой в отношении научно-исследовательской работы?

– План был – сделана наметка размещения экспонатов по стенам, сделана общая установка научно-исследовательской работы в дальнейшем.

– Какие реставрационные работы были произведены по крепостной стене?

– Реставрационные работы по стене: покрытие, обычные работы по заливке трещин, очистка от травяного покрова и т. д. – Вызвалось ли это необходимостью?

– Это было согласовано с Центральными реставрационными мастерскими и работы производились по их указанию.

– Сколько было израсходовано на ремонт крепостной стены?

– 1000 руб. от Главнауки, из них 500 руб. израсходовано на Петропавловский храм.

– Сколько экскурсантов прошло через Экскурсионное Бюро?

Эту цифру т. Хозеров затрудняется воспроизвести, но говорит, что 8 тысяч с лишним человек прошло, только он не помнит за какой год, но эта цифра ему помнится.

– Состояли ли Вы под судом или следствием?

– Да, состоял.

– За что?

– По ложному доносу. Доносчик был осужден на 10 лет.

– Как Вы повышаете свою квалификацию?

– Слежу за литературой и т. д.

– Какую общественную работу несете?
– Выполняю работу по стенгазете (в 1-м МК), по консультации.

– Вам приходилось делать доклады о работе музея?

– Да, в Москве, в Губплане. В 1929 г. не приходилось.

– Как Вы считаете, по каким причинам пошло свертывание музеев?

– Я бы на это не решился, это мера до-вольно крайняя. Я бы добивался помеще-ний. Но это окупается тем, что музей реор-ганизуется.

– Как Вы делились своим опытом с но-выми работниками?

– Я считаю своей неременной обяза-тельностью помочь Амосу Ивановичу (Амосен-ко) и делал это совершенно бескорыстно.

– Что дает и какую ценность представля-ет скульптура «Девушка с амуром»?

– Во-первых, это большой материаль-ный ценности и, во-вторых, прекрасный образец итальянского искусства.

– В чем ведении была раньше Картин-ная Галерея?

– В ведении Госмузея, а до 1924 года – Губоно.

– В чем выражалась Ваша помощь но-вым работникам?

– Амосу Ивановичу (Амосенко) я всеце-ло помогал; с Ланиным я мало сталкивал-ся, т. к. был занят на другой работе.

– В чем выражалась Ваша помощь стенгазете?

– В разрисовке заголовков, карикатур. Я работал в газете Губоно.

– Давали ли Вы опровержения на замет-ки, помещенные в стенгазете?

– Я давал, но редколлегия почему-то странно поступала – мои заметки не по-мещались. Я заявлял об этом в Губоно, но мне там так сказали: раз о Вас пишут, то и Вы пишете.

– Имело ли место и где Вы рекомендо-вали себя членом ГПУ?

– Никогда не было такого обстоятельства.

– Почему Вы решили уйти из музея?

– Я считаю неуместным быть на неопре-деленном положении и быть на побегуш-ках. Считаю более актуальным работать на строительных работах.

– Сколько Вы занимали в последнее время платных должностей?

– Две.

– Было ли такое время, когда Вы были директором, инспектором в музее и пре-подавателем в школе?

– Да. В отношении школы – Губоно пред-ложил мне читать лекции.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ Т. ХОЗЕРОВА.

Т. ЛАНИН говорит, что т. Хозеров при первом знакомстве производит по своему облику, гибкому уму и развитию прекрас-ное впечатление. При дальнейшем зна-комстве с ним производит совершенно обратное впечатление.

Из всего доклада о работе Картинной Галереи можно было почерпнуть только то, что Хозеров сделал 86 этикеток, Мишо-нов – 62 окантовки – такое впечатление производит вся работа. Вертели кругом и около, а о работе ничего. Таким выступле-нием, такими цифрами надо было лишь замаскировать плохую работу Картинной Галереи.

Факт с передачей ключей от Болдинско-го музея о. Пафнутию – это непозволитель-но, – говорит т. Ланин, – это недопустимая вещь, чтобы передавать ключи от музея кому бы то ни было, а тем более священ-нослужителю.

Ланин считает, что Хозеровым было до-пущено также большая ошибка в отноше-нии введения 3-х часового рабочего дня для научных сотрудников. Полагаю, – гово-рит т. Ланин, – что это было вызвано тем, что он был занят на нескольких должностях и сам не мог работать более 3-х часов.

Теперь, в отношении помощи новым работникам. Очень хорошо, – говорит т.

Ланин, – что Амосенко мало слушал Хозерова, а то бы он наделал больших дел. Так, например, Хозеров предлагал закрыть последний музей. Надо сказать, что Хозеров новым работникам в работе не помогал, он мне, например, наговорил много красивых вещей, но практического ничего не сделал. Его отношение к Антирелигиозному музею было прямо вредительским. Когда мы начали организацию Антирелигиозного музея, мы поставили условие перед директором, чтобы в нашей работе нам никто не мешал. В помощь нам был дан Мишонов, как художник, хотя он вначале работал спустя рукава, но, в конце концов, мы его научили работать. И вот т. Хозеров, оставшись замещать директора, в один прекрасный день пришел в Антирелигиозный музей и заявил, чтобы Мишонова отдали ему для работы в Картинной Галлерее. Очевидно, он хотел сорвать ударную работу Антирелигиозного музея. Ну, уж извините, товарищи, я его обложил по матушке и вдобавок хотел спустить с лестницы. Затем через несколько дней я уехал. С Вержбицким, который замещал меня, повторилась та же история. Правда, Вержбицкий с ним обошелся несколько мягче. Эти факты говорят за желание сорвать работу.

Затем, насколько мне известно, в комиссии, кажется, имеется документ, история с Петропавловским храмом. Мне кажется, говорит т. Ланин, его труд является плагиатом со стороны Хозерова, ведь это является кражей литературной вещи, но удостоверить этого я не могу, и комиссия должна в этом разобраться.

Дальше, говорит т. Ланин, уход в момент чистки Хозерова объясняет, что он ушел потому, что свернута Картинная Галерея. Почему же не ушел Меландер. Почему не ушли другие работники. Подготовка к чистке наводит на весьма грустные размышления. На чистку т. Хозеров явился с массой документов – он боялся чистки.

Очень странным тот факт, что будучи директором, он все внимание обращает на Картинную Галерею. Почему Хозеров не поднимал вопрос об Естественно-Историческом, Историко-Революционном и Антирелигиозном музеях и эти музеи, являющиеся актуальнейшими, были где-то на задворках. А почему было предоставлено такое внимание Картинной Галлерее. Потому, говорит т. Ланин, что во главе музея стоял Хозеров, которому был всего интереснее вопрос узкого характера. Это если не вредительство, то недопустимый факт для директора.

Хозеров, говорит т. Ланин, не считает Погодина серьезным работником. Я слышал о нем хорошие отзывы, как о крупном специалисте. Он обвиняет Погодина в разбросанности – это делается больше всего Хозеровым. Разве он не объявлял себя специалистом по всем отраслям и не вмешивался в научную работу других музеев.

Увольнение Погодина, – говорит т. Ланин, – совершенно под давлением Хозерова. Видите ли, ему было неудобно держать Погодина в музее, ибо это било его и материально – он боялся сам лишиться места, и морально – такими, как Погодин, был засорен аппарат. Правду сказал т. Палашенков, что Хозеров идет к своей цели какими угодно средствами. Может быть, – говорит Ланин, – по политическим соображениям увольнение и верно, но со стороны дела – это большая ошибка.

О других работниках Картинной Галлерей т. Хозеров говорит, как о прекрасных работниках. Но если с этими прекрасными работниками Картинная Галерея ничего не делала, то что ж бы было, если бы они не были прекрасными работниками.

Когда т. Мишонов пришел работать в Антирелигиозный музей, он не был прекрасным работником. Это был человек, которого нужно понукать и работает он очень медленно, но за последнее время он как будто исправляется.

Лебедев был еще хуже, чем Мишонов, но за последнее время он как будто исправляется.

Резюме: может быть Хозеров и большой специалист, но по одной отрасли; по другим же он малый специалист и он только пригоден в Картинной Галлерее. Свои труды он держит в своих личных целях. Хозеров всей своей работой нанес огромный вред музейному строительству в нашей области. Его нужно должным образом осудить. У него были такие ошибки, которые непростительны такому умному и дальновидному человеку.

Не было ли здесь вредительства? Если не было явного вредительства, то все шло к тому, чтобы развалить всю работу музеев.

Председатель ШПАКОВА

Члены

Секретарь

Ещё до заседания комиссии по чистке, прошедшего 29 апреля 1930 года, в газете «Рабочий путь» появляется статья члена ВЛКСМ со средним образованием, директора музея с 1930 года Амоса Ивановича Амосенко:

Нам не нужен «храм чистой науки»! ЗА РЕОРГАНИЗАЦИЮ ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ

Всякому, кто сколько-нибудь знаком с основными задачами, стоящими перед всякими культурно-просветительными организациями в реконструктивный период – ясно, что смоленский областной музей в современном состоянии не оправдывает свое существование. Содержание его не отвечает ни политическим, ни научно-исследовательским задачам музейной работы.

Помогает ли он коммунистическому воспитанию масс, пропагандирует ли пятiletку, отражает ли социалистическое строительство?

Нет. Это просто собрание, хранилище документов и экспонатов, расположенных в «академическом» порядке. 12 лет революции не изменили лица музея. Он остался «храмом чистой (читай, внеполитичной) науки», рассчитанным на хорошо подготовленного посетителя.

Рабочий, крестьянин, придя в музей, увидит портреты генералов, дворянские грамоты, иконы и, не найдя ни одной пояснительной надписи (их нет), уйдет ни с чем.

Немного больше он получает и придя с экскурсией; он узнает, что «такая-то шпaга принадлежала генералу Н», а эта, мол, «икона написана в XV веке, очень интересна по замыслу, является высокохудожественным произведением» – и только. Впрочем, рабочему в музей попасть вообще трудно: он открыт с 12 до 3 часов дня.

Музей имел 6 отделов: историко-революционный, историко-культурный (расформирован), антирелигиозный, естественно-исторический, прикладных искусств и картинная галерея. Разберем каждый в отдельности.

Отдел прикладных искусств построен по «эстетическому принципу», таким же, каким он был 20 лет назад. Техника производства изделий данного рода, их применение на практике – не указано.

Историко-культурный отдел состоит из экспонатов, набранных из других отделов. Многие коллекции (например, оружие боксерского восстания) должны бы находиться в других отделах. И здесь соблюдается принцип внеполитичной науки; показана «героическая защита» Смоленска в 1812 году, но ни слова о причине войны, выставлены дворянские грамоты – но не указано, что эти красивые грамоты «оправдывали» беспощадную эксплуатацию крепостных, выставлены лубки – но не сказано, что за раскраску 100 штук платилось 20 копеек.

Еще любопытней выставка: «Смоленская деревня». Оказывается, в современ-

ной деревне живут с деревянной сохой, живут в хуторах и усердно поклоняются иконам. А мы-то, по простоте, думаем, что кое-где есть тракторы, что плуги вытесняют соху и что у нас есть районы сплошной коллективизации...

Именно в том и беда, что действительность не дошла до музея.

В естественно-историческом музее экспонаты по животному и растительно-му миру Западного края не связаны с практическим применением (сбор лекарственных растений, лесное хозяйство, заготовка пушнины).

В картинной галерее не отражены влияния социальных особенностей общественного строя на искусство, не показано, как искусство использовалось в классовых целях.

Наиболее новые и наиболее бедные отделы – историко-революционный и антирелигиозный. Первый содержит материалы редвижения до Октябрьской революции, второй – «кунсткамера»: 1-2 десятка икон, изображения языческих богов и коллекция по дарвинизму.

Музей нуждается в решительной перестройке. Пусть это нарушит «традиции» музейного строительства – нам нужен музей не как «кунсткамера», а как зеркало нашего производства, нашего строительства. Он должен помогать изысканию и использованию природных производительных сил.

Работа по перестройке музея начата. Историко-культурный отдел уже ликвидирован, с тем, чтобы за счет его расширить историко-революционный и антирелигиозный отдел.

Намечено использовать бывш. собор для организации музейного городка.

Придется произвести некоторые изменения и в составе музейных работников, поскольку среди их имеются люди классово чуждые.

Нужно настоятельно требовать, чтобы все организации уделили музею значи-

тельно больше внимания и поддержали его материально. Почему только облизполком и облОНО должны интересоваться музеем? Разве профсоюзы, члены которых посещают музей, не должны помогать ему? А другие организации?

Наконец, работа музея должна проходить при участии широких масс трудящихся. Для этого создан ученый совет музея и сколачивается группа добровольных сотрудников музея.

АМОСЕНКО³

Л.187–195, 195 об., 196–202, 202 об., 203.

Машинопись. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабочий путь. 1930. 28 мая. № 121.

² Сюда не входит научно-исследовательская работа т. Хозерова, проделанная им для Губмузея.

³ Рабочий путь. 1930. 6 марта. № 54.

ПРОТОКОЛ № 6

Победив в борьбе с врагами революции (борьба с врагами народа была еще впереди), советская власть приступила к консолидации творческой интеллигенции. На партийных, разумеется, принципах. В Смоленске этот процесс проходит с большим опозданием. Лишь в феврале 1926 года в газете «Рабочий путь» появляется сообщение:

К организации в Смоленске отделения АХРР¹

16 февраля в здании картинной галереи состоялось собрание инициативной группы смоленских художников по вопросу об организации в Смоленске филиала всесоюзной «Ассоциации Художников Революционной России».

Зачитав декларацию, устав и др. относящиеся к делу документы, группа решила созвать на воскресенье 21-го февраля в 3 ч. дня в здании картинной галереи широкое собрание смоленских художников по тому же вопросу. Это собрание явится первым организационным. Все художники Смоленска, сочувствующие делу АХРРА и готовые активно служить ему, приглашаются на указанное собрание².

Через два месяца в газете публикуется статья:

ВЫСТАВКА КАРТИН Смоленского отделения АХРРА

Выставка, расположенная в 4-х комнатах Дворца Труда, собрала достаточное (до 200) количество экспонатов. И по качеству экспонатов выставку следует признать также удачной. Существенным недостатком ее является неуравновешенность разделов. Общественно-бытовой раздел слабоват и по количеству и по выразительности. В нем много вещей, имеющих к современности самое отдаленное отношение.

...Серьезен автопортрет худ. **А.П. Мишонова**, человека прошедшего тяжелую жизненную дорогу. Юношей, получив случайно поддержку со стороны одного мецената, он для совершенствования в работе попадает в Париж, но ничто «не вечно под луной», и особенно меценатская поддержка и через 1-1½ года, предоставленный своим силам, он вынужден вернуться на родину. Письмо его обнаруживает значительные навыки и любовь к спокойной, старой, несколько условной живописи.

Ряд революционных мотивов разработан в графике худ. **Ф.Ф. Лабренцом**³. Это смолянин, высококвалифицированный художник, график по преимуществу, изящный, смелый и гибкий в композиции. Ему принадлежит относительное большинство экспонатов выставки, охватывающих поч-

ти 10-летний период. В этом отношении он оказался счастливее всех.

Следует отметить строго выписанные портреты худож. **Н.А. Яблонского**, большой портрет работы **Б.В. Лебедева**, пейзаж **рабочего от станка Рейхлина** и небольшие акварельные и графические работы **молодежи из кружка «ИЗО» клуба Томского**.

Скульптуры представлены лишь двумя барельефными портретами Троцкого и Зиновьева работы худ. **А.С. Кожуро** (по рисункам Анненкова), точно передающими оригиналы.

Заканчивая на этом наш беглый обзор выставки, выскажем наши пожелания смоленскому филиалу АХРРА: «Больше современности и не только будничной, но и ярко отображающей нашу советскую жизнь. Дайте на следующей выставке в этом смысле тот «гвоздь», который на настоящей отсутствует⁴.

Еще четырем годами позже художников объединились смоленские пролетарские писатели. Третья полоса первоапрельского номера «Рабочего пути» открылась сообщением:

Первая областная конференция пролетарских писателей Западной области открывается сегодня, 1 марта 1930 г. в большом зале облисполкома в 7 час. вечера.

Повестка дня: 1) Задачи пролетарской литературы в реконструктивный период – доклад секретаря РАП⁵ В. Ермилова, 2) творчество писателей Западной области – доклад АЛ ИСБАХА, 3) практика работы рабочих литкружков – доклад В. ИЛЬЕНКОВА и 4) выборы.

Вход на конференцию по делегатским и гостевым билетам.

Делегаты получают мандаты в помещении редакции «Рабочего Пути».

Гостевые билеты для рабочих, служащих, красноармейцев и учащихся ВУ-

Зов и техникумов можно получить в Литературном отделе «Рабочего Пути».

После открытия конференции – художественная часть с участием делегатов конференции и артистов гортеатра.

Заседание партийно-комсомольской фракции конференции состоится 1-го марта, в 5 с половиной час., в помещении редакции «Рабочего Пути».

ОРГБЮРО З.О.А.П.П.⁶

В этом же номере газеты на той же странице была опубликована подборка произведений смоленских литераторов, в том числе и стихотворение двадцатилетнего поэта:

ВЕСНА 1930 ГОДА

Стихотворение
Ал. Твардовского

Приехали. Рабочая бригада.
Оповещается на утро местность.
Здесь о бригадах, обо всем известно –
Об этом даже говорить не надо.
О коллективах спит и думает любой,
Лес на постройку не воруют воры.
Сойдутся граждане между собой
И нет у них другого разговора.
Они и знают, что коммуна будет,
Покамест нет, но быть она должна.
Приехали сюда живые люди –
И говорят,
И выставляют груди,
И бегают.
И пишут –
Все весна!

Весна,
Действительно весна.
Ей с осени
Посвящены доклады.
Весна –

борьба за семена.
Орудуют рабочие бригады.
Свой крик и шум
Стоит на каждой сходке.

Обобществляются

и семена и скот.

В газетах спешные

печатаются сводки.

Кампания идет.

Тысяча – девятьсот

Тридцатый год!⁷

О том, что созданная писательская ассоциация с энтузиазмом включилась в работу, свидетельствует:

Литературная хроника

– Сегодня, с целью изучения работы и быта колхозов, в деревню выезжает первая литературная бригада смоленской ассоциации пролетарских писателей. В состав бригады вошли: **т.т. Твардовский, Муравьев и Курдов.**

– Московская и ленинградская ассоциации пролетарских писателей **приняли вызов смоленской ассоциации** на создание современного доброкачественного клубного репертуара. В ответ на вызов, москвичи решили выпустить сборник на тему: «Лицо классового врага».

– **По вине западного отделения государственного издательства и типографии им. Смирнова** выход в свет «Клубного сборника № 1» сильно запаздывает. Этот сборник, который должен был выйти из печати еще в начале марта, только сейчас заканчивается печатанием.

– В ближайшие 2-3 недели выйдет в свет из печати книжка стихов **М. Исаковского** «Провинция»⁸.

Протокол № 6⁹

**Заседания комиссии по чистке аппарата Госмузея и Облархива
10 мая 1930 года**

Присутствуют: члены комиссии тт. Шпакова, Дроне, Гун и Колосова. От Госмузея и Облархива 21 чел. (список прилагается).
Председатель: Шпакова

Секретарь: Морозов

Председатель комиссии тов. Шпакова информирует собрание о том, что подлежащий чистке сот. Госмузея Хозеров заболел, в виду сего чистку сегодня будут проходить сотрудники Госмузея: Мишонов, Лебедев и Ковалева.

Т. МИШОНОВ

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«Мишонов Александр Павлович, беспартийный, из мещан, научный сотрудник, работает в музее с 1925 года, образование – среднее.»

– Расскажите вашу автобиографию.

– Родился в Смоленске. Отец повар. Остался от отца 1 года. До 10-ти лет жил с матерью, затем поступил в булочную мальчиком. До 1909 года учился в Сожинской школе, затем в Талашкинской с/х школе. С 1910 года работал в Москве в мастерских Москов. Губ. Земства, сперва мастером, а затем инструктором по обучению резьбе.

С 1919 года работал в Смоленске в мастерских.

2 года был безработным, работал по малярной части.

В 1925 году поступил научным сотрудником в картинную галерею.

– Сколько времени были за границей?

– Около года в 1908/9 году в Академии «Журве» по живописи за счет Тенишевой.

– Как вы поступили в музей?

– По рекомендации бывшего председателя Губисполк. т. Бобровского и секретаря Степченко.

– Что делали в картинной галерее?

– Проводил экскурсии, определял художников, кому принадлежали картины, и по библиотеке. Некоторые картины мною определены.

– Реставрировали ли Вы картины?

– Реставрацией не занимался, хотя и знал. Поработав в прошлом году с проф.

Богословским хорошо усвоил эту работу. Нужно было бы еще и нынче поработать с ним.

– С какого времени вы член профсоюза?

– С 1919 года.

– Где вы были и что делали. Служили ли в армии?

– Как я уже говорил, сперва работал в Талашкине, затем в Смоленске делал рамочки, т. е. занимался своим трудом. В 1911 году поехал в Москву.

Никакой школы и специального образования по живописи не получил. 6 месяцев служил рядовым и уволился по болезни в отпуск безсрочный.

В 1912 году работал в Сергиевом посаде в мастерской Моск. Губ. Земства мастером по столярному делу, а с 1914 по 1919 год мастером и инструктором там же.

С 1919 по 1923 год безработный. Состоял на бирже труда.

– Принимал ли участие в февральской революции?

– Не принимал.

– Не исполняли ли вы какой работы Бобровскому, и он вас за это устроил в музей?

– Никакой бесплатной работы ему не исполнял. Бобровский видел портрет Ленина моей работы, купил его для клуба. Потом через него поступил в музей.

– Какое новшество ввели вы в музей? Что сделали полезного и будет ли сейчас видна там ваша работа после 5-ти лет службы?

– Я делал все, что мне говорили: проводил экскурсии, работал над картинами и т. д. Я сделал все, что мог, делал обрамление, установку и пр.

– Много ли поступило картин в пополнение?

– Около 90 картин.

– Что вы делали за границей?

– Был в качестве ученика в академии Журве.

– Вы поступили в музей на свободную или занятую должность?

– Должность в картинной галерее была занята Лебедевым, но он согласился перейти в музей.

– Как проводились экскурсии?

– По принципу ознакомления с экспонатами. Классового подхода до сего времени не было.

– Какой принцип ставился в основу на выставках картин?

– По эпохам и школам.

– Какую вели общественную работу?

– Разрисовывал стенгазету МК, писал знамя и от работы не отказывался.

– Почему три года не пользовались отпуском?

– Благодаря работы в картинной галерее.

– Участвуете ли вы в политкружке?

– Не участвую за недостатком времени. Дома читаю газеты, журналы и проч.

– Какова сработанность с Хозеровым? Давал ли он указания по проведению экскурсий?

– С Хозеровым живем хорошо. Указания давал. Часто говорили с ним об этом.

– Сколько раз бывали в командировке за картинами: Москва, Киев?

– Я был один раз, а Хозеров чаще, но по командировкам других учреждений.

– Сколько часов работаете в сутки и почему так часто закрывалась картинная галерея?

– Работаю 3 часа в сутки – официально, а на самом деле гораздо более, особенно при ремонтах, вследствие которых закрывалась картинная галерея.

– Сколько было экскурсий, и какие недовольства со стороны экскурсантов?

– Числа экскурсий не знаю. Экскурсиями все довольны.

– Что делал Хозеров во время ремонта?

– Составлял план работы картинной галереи. В это время бывали получения картин из уездов.

– Что вы делали в картинной галерее остальное время, кроме положенных 3-х часов?

– Работал для себя, а во время ремонта наблюдал за рабочими.

– Старались ли вы подобрать и представить так, чтобы, например, получилась «Революция в картинах», и есть ли в картинной галерее современные художники?

– Вопрос об этом ставился, но в жизнь провести это мы не могли. В картинной галерее есть «кубисты».

– Есть ли в картинной галерее картины местных художников?

– Есть одна картина Штраниха. Предполагалось устроить уголок картин местных художников.

– По какой системе пополнялась картинная галерея?

– Пополнялась итальянская школа, слабо у нас отраженная, картины Рафаэля и другие.

– Сколько у Вас картин Верещагина?

– Только одна, остальные в репродукции.

– Что важнее: Итальянцы или Фламандцы?

– Конечно, картины Верещагина для нас интереснее, но в картинной галерее по развеске есть своя определенная система, которой нужно придерживаться и новых развесок делать не можем; не всегда ставился и вопрос об ахровцах.

– Задумывались ли вы над объединением местных художников?

– Это обсуждалось, но не было времени провести это в жизнь.

– Состоите ли Вы членом АХРа?

– Состою с 1926 года.

– Что делал Хозеров в картинной галерее?

– Работал по развеске картин, записывал их в инвентарь и т. д.

– С 1925 года сколько времени была открыта и сколько закрыта картинная галерея?

– Картинная галерея была закрыта в 1925 году 3 месяца, в 1926 году – сколько не помню. В 1927 также был ремонт, в 1928 и 1929 были крупные ремонты: ломка печей, окраска полов и проч.

– Сколько процентов общего бюджета шло на содержание картинной галереи?

– Не следил. Не знаю.

– Почему отказались от подписи протеста о Хозерове?

– Он являлся в то время завом и мне просто неудобно было сделать это против него, как я мог с ним после этого работать вместе, да и кроме того было выявлено уже, что с его стороны никакого плохого поступка здесь не было.

ПРЕНИЯ:

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЛАНИНА:

О том, что картинная галерея не современна была, на все 100% высказал сам тов. Мишонов, совершенно того может быть и не желая. Связи между современными художниками экспонаты картинной галереи в том виде, как они преподносились публике, не было совершенно, судя по словам тов. Мишонова.

Не знаю, какую пользу мог принести тов. Мишонов, работая в картинной галерее, да и вряд ли он что мог сделать под руководством такого руководителя, как Хозеров.

Работая некоторое время в Антирелигиозном музее, он показал, что может работать, но в картинной галерее корчил лодыря, там он окончательно развратился.

В работе музея, если его изъять из картинной галереи, он, несомненно, может принести пользу.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЕЛАГИНОЙ:

Я, как член партии, наблюдала за его работой, но продвижения в работе, должна прямо сказать, я не видела. Работы ника-

кой почти не проводилось. Нам приводят смехотворные цифры: написано 60 этикеток и т. п. Это всей картинной галереей, в которой насчитывается 4 человека сотрудников.

Подобная работа картинной галереи – это короста на музее.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ВЕРЖБИЦКОГО:

Меня поражает одно обстоятельство: все выступавшие товарищи разносят работу в пух и прах, а по Хозерову и Мишонову все хорошо – тишь да гладь.

У Мишонова нет смелости подписать протест против Хозерова, не есть ли это зажим самокритики. У него нет смелости и перед комиссией, опять этот гнет, который его тяготит.

Картинная галерея, в ущерб остальному музею, поглотила все средства, а он об этом ничего не знает.

В заметке в стенгазету Хозеров сам себя стегает процентами, из которых ясно, что картинная галерея поглощала все средства. А кто посещал ее? Интеллигенция, главным образом. Но не рабочие. Для перевода одного из музеев отпущено было 25 руб., а все остальные средства шли той же картинной галерее.

Нужно было приспособить ее для рабочих, путем устройства выставок картин Верещагина, выходом на заводы и т. д.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЗАЙЦЕВА:

Как член комиссии содействия по чистке, я обследовал картинную галерею и что я нашел там: ее посещало рабочих всего 2%, красноармейцев 1½%, остальные посетители – интеллигенция. Один красноармеец в карточке опроса посетителей правильно указал «в картинной галерее нет современности». Недочеты, указанные экскурсиями, не принимались во внимание и не исправлялись.

На музей революции отпущено всего 25 руб., а все остальные средства картинной галерее, чтобы не ударить лицом в грязь перед интеллигенцией. У сотрудников нет самокритики и инициативы – она зажата Хозеровым. Он, как и остальные сотрудники, следил за работами во время работы по ремонту и все дело, так то они пополняли свою квалификацию.

В кружках он не занимался. В политике нет бум-бум. Нет современных картин, на фабрики не выезжали. У Мишонова нет общественной нагрузки. Он говорит, что рисовал для стенгазеты, а на самом деле, как об этом заходит речь, так отпущай деньги. Нужно обратить внимание на политзанятия. Нужно было вызвать кого-либо на соцсоревнование. Соцсоревнования совсем нет в картинной галерее.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. СТАЛЬМАКА:

В «Рабочем Пути» за 1929 год писалось о том, что музеи «против нас». Рабочий класс еще музей не знает. С этим у нас плохо. Об этом никто не хочет говорить, так как музей наша фабрика не видела и не знает его.

Мишонов пришел на чистку, чувствует себя, как в трибунале. Настолько боится зава, что не мог подписать протеста. Со всем оторвался от масс.

Нам нужно перестроить структуру работы музей и картинной галереи, а что ее посещает интеллигенция, то это совсем не плохо, раз это в нашу пользу.

При чистке нет масс, потому что массы не знают этой работы, так как на заводе были один раз. Такое же явление было и при чистке Центральной библиотеки.

Соответствующие органы работу не контролировали. В картинной галерее и музеях сосредоточены порой разный хлам и не нужные картины. Сам Мишонов пришиблен. Кто у нас работает? Был учеником, никакой школы не окончил. В Музее

нет аппарата. Нужна общественность, музеи нужно, наконец, приблизить к массам. Картинная галерея была больше закрыта, чем открыта. Все ремонты, да ремонты. На чистке нужно чувствовать себя, как дома. В музее много барахла, его нужно вынести вместе с некоторыми лицами из музея.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

В заключение тов. Мишонов говорит, что он нездоров и страдает заиканием – это причина его «забитости».

– Для картинной галереи я сделал все, что был в силах сделать. Работал я там больше 3-х часов, а не 12 часов и это время просил зачитывать мне, как общественную работу. Никто не мог меня заставить работать лишнее время, а я работал. В общественной работе я слабоват, но делал все, что мог: рисовал для стенгазеты, рисовал знамя 4 ночи подряд. Три выходных дня рисовал новые плакаты. Все, что мог.

В ДАЛЬНЕЙШЕМ ЧИСТКУ ПРОХОДИТ ТОВ. ЛЕБЕДЕВ.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«Лебедев Владимир Васильевич, беспартийный, служащий, вахтер, работает в музее с 1929 года, образование – среднее».

– Расскажите тов. Лебедев вашу автобиографию.

– Родился в Смоленске в 1910 году. Сын служащего. Окончил 7-летнюю школу в 1927 году, затем 2-ю 9-летнюю школу. Работал там и вел общественную работу: участвовал в редколлегии, в пере выборах советов и т. д. в городе и деревне. Работал 1 месяц на заводе «1 мая» по выделке кирпича, затем чернорабочим в коллективе Труд-Помощь. В декабре 1929 года

поступили в Музей через нашу ученицу, рекомендовавшую меня вахтером в музей.

– *Сколько у Вас было прогулов, и чем они объясняются?*

– Я приходил иногда вместо 9 к 10 часам. Эти опоздания были благодаря того, что нужно было помогать дома. Пропустил один день на работе в антирелигиозном музее. Предупреждать я об этом не мог, так как это было внезапно, но после об этом говорил.

– *Удовлетворяет ли вас работа музея?*

– Да, но больше в Антирелигиозном.

– *Политграмотой занимаетесь?*

– Учусь дома, так как готовлюсь в ВУЗ.

Получаю 30 руб. и еще мать получает пенсию 26 руб.

– *Получали ли Вы руководство в работе?*

– Получал.

– *Почему перешли работать в Антирелигиозный музей?*

– Тов. Ланин перевел временно. Я там и сейчас работаю.

– *Бываете ли на собраниях, докладах и есть ли общественная нагрузка?*

– Бывал, когда был учеником, сейчас нигде, потому что учусь. Нагрузки нет.

– *Были ли недостатки в работе музея?*

– Я их не замечал, но были.

– *Было ли обследование работы Музея?*

– При мне обследовала только Комиссия содействия.

– *Сколько часов работаете?*

– С 9 до 4-х дня.

В прениях выступил тов. Вержбицкий:

Следует обратить внимание, что работа в музее контактировалась, чего не могли не знать технические сотрудники. Там наблюдался полнейший зажим инициативы в развеске экспонатов.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЛАНИНА:

В картинной галлерее меняется все, но тов. Лебедев хочет работать, знания у него уже некоторые есть, правда, его пришлось

уговаривать, но он стал уже проводить работу экскурсовода. Ему нужно немного встрепенуться и он будет хорошим работником.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ШЕЛЮТО:

Тов. Лебедев поступил по протекции какой-то ученицы за партой. Он представляет из себя какого-то теленочка. Недостатков не замечал, мнения не высказывал. Молодежь говорит: нас не трогайте и мы никого не тронем. Кажется, должно быть ясно, нужно группироваться вокруг Комсомола.

Тов. Шпакова информирует, что тов. Лебедев поступил в музей через биржу труда, как подросток.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

В заключение тов. Лебедев говорит:

– Я работаю по силам и обстановке в картинной галлерее. В Комсомол я не мог поступить, так как не было времени. В кружках не занимался, так как дома готовлюсь в университет.

В ДАЛЬНЕЙШЕМ ЧИСТКУ ПРОХОДИТ ТОВ. КОВАЛЕВА.

Из «Сведений о работниках музеев города Смоленска»:

«Ковалева Александра Лаврентьевна, беспартийная, из рабочих, сторож, работает в музее с 1925 года, образование – низшее».

Тов. Шпакова просит рассказать автобиографию.

Тов. Ковалева говорит:

– Родилась в Смоленске в 1901 году. Крестьянка, отец работал в Страховом отделе, затем в музее и в 1925 году умер.

Работаю в музее с 1925 года, член союза с 1923 года. Я очень нервная и не могу нести общественной работы. Я не могу

учиться: у меня ребенок и сама я больна. Работаю в музее, что дают: бываю за кассой, несу обязанности истопника и т. д.

– *Вы замужняя и могли бы участвовать в общественной работе.*

– Я в разводе. Муж уклоняется от платы алиментов. Участвовать в общественной работе я не могу.

– *Вместе ли Хозеров с Мишоновым развешивали картины?*

– Все работали и я работала. Не было Хозерова, работал Мишонов.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ВЕРЖБИЦКОГО

Раз Ковалеву, как техничку, держат, значит, она справляется с работой. Тов. Ковалева когда-то говорила, что ни Мишонов, ни Хозеров отдельно не могли вешать картины, теперь она это отрицает. Не наблюдаем ли мы и здесь зажим самокритики? Технический служащий должен, несомненно, об этом знать. Это было у него на глазах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

В заключение тов. Ковалева подчеркивает, что Хозеров и Мишонов работали по развеске картин отдельно.

Тов. Шпакова объявляет, что на сегодняшний день работа комиссии окончена. Следующее заседание будет 13/V, чистку будет проходить Хозеров и остальные сотрудники музея, и если Хозеров к тому времени не выздоровит, то чистку будут проходить работники облархива. Поставлен сперва будет доклад зав. Облархивом или заместителя о работе архива, о чем его надлежит оповестить.

Председатель Шпакова
Секретарь Морозов

**Л. 54–77. Рукопись.
Подлинник.**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ассоциация художников революционной России с 1922 по 1927 г.; с 1928 по 1932 г.

– Ассоциация художников революции (АХР) – художественное объединение, созданное для развития и пропаганды советского искусства.

² Рабочий путь. 1926.18 февраля. № 40.

³ Художник Федор Федорович Лабронец был репрессирован и по приговору тройки УНКВД Смоленской области расстрелян 4 апреля 1938 г.

⁴ Рабочий путь. 1926. № 141.

⁵ РАПП (1925–1932) – массовая советская литературная организация, борováшая за партийность литературы.

⁶ Рабочий путь. 1930. 1 марта. № 50.

⁷ Там же.

⁸ Рабочий путь. 1930.11 апреля. № 83.

⁹ В архиве представлен в рукописи.

ПРОТОКОЛ № 7

Новый, 1930 год в Смоленске традиционно начался с антирождественской кампании в местной прессе. Начало ей было положено еще в конце предыдущего года заметкой, опубликованной в газете «Рабочий путь»:

«Письмо школьников в облисполком»

*Учащиеся 5-й смоленской девятилетки им. Крупской обратились в областной исполнительный комитет с письмом, в котором требуют в «рождественские» дни **запретить продажу елок и елочных украшений и прекратить продажу спиртных напитков.***

*В этом письме школьники сообщают, что они у себя организовали безбожный фонд, в который собирают кольца, сережки, кресты и металлическую отделку с икон. **Все это будет передано на индустриализацию страны.** Школьники начали соревнование по снятию у себя дома*

икон и создания в школе антирелигиозного музея¹.

Через несколько номеров последовала еще одна корреспонденция:

**«Запретить продажу елок
и елочных украшений»**

К письму школьников 5-й девятилетки в облисполком с требованием запретить продажу елок и елочных украшений присоединились учащиеся 4-й группы 7-й девятилетки и малограмотные и неграмотные опорной школы при пятой девятилетке².

Как-то не верится, чтобы школьники сами могли отказаться от празднично наряженной елки. Тем более, если среди них были «малограмотные и неграмотные».

В новом году атеисты рапортуют о победе, одержанной над «одним из сильнейших вековых религиозных предрассудков». Здесь же от имени рабочего класса звучит настоятельное требование снять с храмов колокола:

**На борьбу со старым «рождеством»
Не допустим ни одного дня прогула,
простоя и перебоев
в промышленности и лесозаготовках**

25 декабря истекшего года было днем первого «рождества» в условиях непрерывной производственной недели. Поповская и сектантская агитация за «рождество христово» потерпела поражение. Сведения с мест говорят, что в этот день рабочий класс порвал с одним из сильнейших вековых религиозных предрассудков, противопоставив «высокоцитимому» религиозному празднику социалистическое строительство и превратив «рождество» в день индустриализации сельского хозяйства.

...Рабочий класс увлек за собой массы служащих, педагогов, школьников и др.

слои населения. Мало того, рабочий класс настоятельно требует сдачи колоколов с церковей на нужды индустриализации страны, о чем говорит огромное количество резолюций, вынесенных на собраниях рабочих и служащих. Таким образом, первый этап антирелигиозной борьбы нами выигран.

ЧИКИН³

Еще одним способом покончить с «половскими святками» явилось введение «пятидневки» – непрерывной производственной недели:

**Ни одного прогула, ни одного опоздания
в старое «рождество»
КОНЕЦ ПОПОВСКИМ СВЯТКАМ**

Последний год выдвинул очень неприятную для попов и сектантов цифру. Цифра эта – «пять». Пятидневка – непрерывная производственная неделя ускоряет темп индустриализации и является новым шагом на пути к социализму. Пятидневка дает возможность сократить срок выполнения пятилетнего плана на один год, выполнить его в четыре года. И сильнейший удар наносит непрерывка религиозным праздникам, обычаям и обрядам.

Попы и сектанты развивают агитацию против непрерывки. Они выступили организованно и заявили: «Не надо нам непрерывки. Мы не можем помолиться и в церкви сходить»...

Жалко попам и церковных праздников, которые вентилятор непрерывки выметает из советского календаря. Ведь на религиозные праздники религиозникам большая радость: пьянство, прогулы, понижается производительность труда, увеличивается количество брака. Все это отражается на выполнении пятилетки. Попы и сектанты довольны...

А. СТАХУРСКИЙ⁴

Этот пред рождественский материал, представленный здесь в большом сокращении, дополнен двумя фотографиями с подписью: **«Антирелигиозно-биологический музей на днях открылся в ДКА (Дом Красной Армии – прим. автора). На снимках – антирелигиозный уголок; красноармейцы рассматривают черепа»**. Ниже помещена еще одна небольшая заметка:

«МЫ ПОРЫВАЕМ ВСЯКУЮ СВЯЗЬ С РЕЛИГИЕЙ»

На днях состоялось собрание работниц и домохозяек Смоленска, на котором присутствовало свыше 500 человек.

Единогласно рабочие и домохозяйки одобрили мероприятия партии и советской власти по введению непрерывки, а также предлагающуюся реформу календаря.

Одобрив кампанию за снятие церковных колоколов на нужды индустриализации, собрание единодушно присоединило свой голос к многотысячному требованию рабочих, служащих и крестьян Западной области.

– В «рождественские» праздники, – говорится в единогласно принятой резолюции собрания, – когда церковники и сектанты будут усиленно ловить в свои сети отсталые слои трудящихся, еще не порвавших с религией, мы обещаем полный выход своих мужей-рабочих на работу и вовлечение их в ударные производственные бригады на предприятиях. Кроме того, мы отказываемся в «рождественские» дни устраивать какие бы то ни было праздники, и принимать попов на дому с их молебнами и поборами. Мы сдаем имеющиеся еще у нас на квартирах иконы в распоряжение городского совета воинствующих безбожников, а ценности с них в фонд коллективизации сельского хозяйства.

Отныне мы порываем всякую связь с религией и церковь и призываем к это-

му всех трудящихся Смоленска, еще не порвавших связи с очагами дурмана, лжи и контрреволюционной пропаганды»⁵.

Еще в начале 1929 года секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович направил на места директиву, в которой указывалось, что религиозные организации являются единственной в стране легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массу.

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК принимают постановление «О религиозных объединениях»⁶, которым религиозным обществам и группам верующих запрещалось создавать кооперативы и производственные объединения, оказывать материальную поддержку своим членам, организовывать собрания, кружки, отделы, устраивать экскурсии, открывать библиотеки, осуществлять благотворительную деятельность, преподавать религиозные верования в государственных общественных и частных учебных и воспитательных заведениях и т. д. Немногая разрешенная деятельность религиозных объединений ставилась под жесткий контроль государства.

В довершение, 18 мая 1929 года XIV съезд Советов принял новую редакцию 4-й статьи Конституции РСФСР: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Если Конституция РСФСР 1918 года еще сохраняла право «свободной религиозной пропаганды» наряду со «свободой антирелигиозной пропаганды», то внесенное в Конституцию в 1929 году изменение, дающее верующим право лишь на «свободу религиозных исповеданий», открыло широкую дорогу для преследования религиозных общин и их пастырей и самой разнузданной антирелигиозной пропаганды. По всей стране

сразу началось массовое закрытие храмов. Весьма преуспели в этом смоленские губернские, а затем и областные власти. В одном из октябрьских номеров 1929 года газета «Рабочий путь» сообщила:

В Смоленске насчитывается: «тихоновских» церквей – 15, обновленческих – 3, костелов – 1, кирх – 1, еврейских молитвенных домов – 2, молитвенных домов баптистов – 1, евангелистов – 1.

По требованию трудящихся в 1928 г. закрыто 2 церкви и синагога, в 1929 г. – 6 церквей.

Число прихожан в каждой церкви незначительно. В закрытых церквях оборудованы клубы, школы, общежития⁷.

В конце года в газете появляется уже более пространное изложение достигнутых «успехов»:

Там, где были церкви

Когда подъезжаешь к Смоленску, то еще издали бросается в глаза собор и его золоченые кресты являются первым напоминанием о том, что Смоленск уже близко.

...Теперь собор никому, кроме нескольких сотен доживающих свою жизнь людей, не нужен.

Собор становится одиноким. Он остается молчаливым свидетелем того, как одна за другой закрываются церкви, как вместо крестов упираются в небо древки красных флагов.

Старые пустующие здания церквей используются более рационально – под клубы, школы, музеи. В переделанные здания вливается новая жизнь.

С октября 1928 г. в Смоленске закрыто 10 церквей и 4 синагоги.

Что же находится теперь в этих зданиях? Что же представляют они собой?

Там, где сейчас находится клуб «Электрички» недавно была богоматерская

церковь. В большом зале бывшей церкви косою луч кино-аппарата проектирует кадры «Октября». Клуб еще не смог как следует наладить своей работы, но уже в ряде кружков учатся рабочие жить по-новому.

В бывшем Вознесенском монастыре – сейчас клуб печатников. Клуб работает не плохо. Есть несколько кружков, комната отдыха, библиотека, шахматы.

В хоральной синагоге – Дом культуры. Со времени организации Дома оживилась даже улица. Вечером в клубе – постановки, лекции, днем занимается еврейский педтехникум.

На месте алекса́ндро-нево́вской церкви сейчас пролегли стальные параллели трамвайных рельсов. В нижнее-никольской церкви – Дом крестьянина, в иоанно-богословской церкви – клуб-читальня Богословского района, духовской церкви – клуб Рачевского района. В одигитриевской устраивается центральный клуб пионеров. Спасо-преображенская церковь уже переделана и в ней на днях открывается естественный музей, верхнее-георгиевская церковь передана под клуб военному госпиталю. В одной из ликвидированных синагог работают декоративные мастерские смолгортеатра, вторая синагога отдана ЖАКТу «Пробуждение» под квартиры рабочих.

ПЭМ⁸

Все названия церквей в заметке умышленно уничтожительно набраны с маленькой – строчной буквы.

Однако на местах, в глубинке, как явствует из редких сообщений, антирелигиозная кампания даже на двенадцатом году правления атеистической власти не вызывает особого энтузиазма. Под общим заголовком **«ДЕЛА БЕЗБОЖНЫЕ»** «Рабочий путь» публикует две маленькие заметки:

Преподаватели демидовской девятилетки Цибульский, Кожечкин и Зезюлин считаются активистом в антирелигиозной области. Цибульскому поручено прочесть доклад о происхождении пасхи. В последний момент он отказался.

Уклонились и Кожечкин с Зезюлиным, которые должны были провести собеседование с учениками. А когда их начали крыть, заявили, что:

– Религия – это частное дело каждого.

Неоплаченные счета

При смоленском уно есть совет безбожников. Существует он только на бумаге.

Недавно он созвал конференцию уездных безбожников. Делегаты съехались, но конференция не состоялась, так как проводить ее было некому.

И от всей этой затеи осталась только куча неоплаченных счетов на проезд.

Руководства нет, безбожная работа в уезде заглохла.

Б.⁹

Одновременно в газете проскакивает сообщение:

27 января по предложению одного пионера в Климовском сельсовете, Юхновского района, Сухиничского округа постановили публично сжечь иконы. На этом собрании присутствовали председатель рика и секретарь райкома. 10 февраля член коллектива, бывший трактирщик Кисилев, на колхозном собрании внес предложение, что членство в колхозе несовместимо с иконами в хатах, поэтому нужно все иконы изъять и 16-го февраля во время базара их сжечь. Это предложение было принято всеми против одного голоса.

16-го февраля во время базара в назначенное время и место вывезли иконы и после речей предсельсовета и общество-

веда – оба члена партии – облили иконы керосином и сожгли.

Л. АВЕРБАХ¹⁰

Одновременно с закрытием церкви и уничтожением икон разрастается кампания по снятию колоколов со всех действующих и уже закрытых храмов.

Не остался в стороне и занимавший в то время должность инспектора губОНО Иван Макарович Хозеров, который опубликовал в газете «Рабочий путь» заметку (воспроизводится в сокращении – прим. автора):

ДОВОЛЬНО «МАЛИНОВОГО» ЗВОНА Мертвый капитал на звонницах церквей

По предложению Главнауки, специальная комиссия обследовала колокола всех церквей Смоленска.

Комиссия обнаружила большое количество колоколов, как бездействующих, так и вполне могущих быть изъятными без всякого ущерба для целей богослужения. Заслуживают внимания некоторые факты состояния колоколов в отношении количества колоколов, а также использования последних общинами верующих. Вот, например, соборная колокольня, – представляет из себя целый музей колоколов, она хранит такую махину, как праздничный колокол, весом в 1.000 пудов, причем брусья, поддерживающие этот колокол, значительно деформировались, образовав большой прогиб, некоторые же стойки под брусьями загнили в своем основании...

На многих колокольнях есть бездействующие колокола, есть и заведомо лишние... И, наконец, есть не мало колоколов, которые по заявлению членов общины верующих, не используются вовсе. Очевидно, «малиновый» звон колоколов теперь не в моде даже с точки зрения самих верующих.

Если по приказу Петра 1-го, потерявшего в войне со шведами почти всю свою

артиллерию, было изъято не мало колоколов на переливку для пушек, то сейчас, в напряженнейший момент социалистического строительства, колокольная бронза, пребывающая до сих пор мертвым капиталом на звонницах церквей, должна быть изъята для укрепления нашей промышленности и сельского хозяйства.

И. ХОЗЕРОВ¹¹

В конце 1929 года антиколокольная кампания на страницах газеты становится зрительно схожей с кампанией по закрытию церквей – с броскими заголовками-лозунгами, несколькими подзаголовками и целой подборкой материалов с требованиями трудящихся:

КОЛОКОЛА –

НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ СТРАНЫ

В Западной области 10.500 колоколов.

Стоимость их 3 миллиона рублей

ТРУДЯЩИЕСЯ ЗАЯВЛЯЮТ: «ЦАРИ ПЕРЕПЛАВЛЯЛИ КОЛОКОЛА НА ПУШКИ, МЫ ПЕРЕПЛАВИМ НА МАШИНЫ – УСКОРИМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ СТРАНЫ»

Один из материалов подборки подписан уже знакомым нам ПЭМом:

Колокола – в домны

В городах и селах Западной области – 2036 церквей. У этих церквей имеется 10.584 колоколов. 3652 тонны первоклассной бронзы без толку болтается в воздухе. Если бы всю эту бронзу сдать в рудметаллторг, то за нее заплатили бы **три миллиона рублей.**

И все это в то время, когда наша промышленность задыхается от недостатка меди.

Сами попы последнее время тоже не особенно разрезвониваются. Из 10-ти с половиной тысяч колоколов они использу-

ют не больше 10 проц. – остальные колокола висят без дела.

Звонарь смоленской верхне-георгиевской церкви учел это положение и решил даже рационализировать свою работу. Так как ему приходилось звонить только в один колокол, то он привязал длинную, до самой земли веревку, и звонил, даже не лазя на колокольню.

Попы всячески сопротивляются изъятию колоколов. Когда в смоленский собор пришла комиссия и решила, что тысячеудовый колокол можно было бы без греха снять, то поп стал отговаривать комиссию:

– Что вы, что вы! Это же величие города!

Нас такое величие не слишком радует. Нам даже кажется как-то «величественней», если мы все смоленские колокола (а они весят 100 тонн) передадим фабрикам и заводам.

Попы могут, по примеру звонаря верхне-георгиевской церкви, продолжить рационализацию своей «промышленности». Будут служить службы не по колокольному звону, а по часам.

Мы уверены, что трудящиеся Западной области единодушно поддержат предложения рабочих коллективов: все колокола – на переплавку.

ПЭМ¹²

15 января 1930 года пленум Смолгорсовета принимает постановление о снятии всех колоколов с православных храмов Смоленска. Через день, 17 января областная газета «Рабочий путь» восторженно сообщает:

КОЛОКОЛА - НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ

В недельный срок со всех церквей

Смоленска будут сняты колокола

Постановление пленума Смолгорсовета о снятии колоколов

Принимая во внимание настойчивые и неоднократные требования рабочих и

трудящихся гор. Смоленска, выраженные в многочисленных резолюциях и специальных листах, покрытых десятками тысяч подписей, а также принимая во внимание антирождественскую демонстрацию, прошедшую под лозунгом «Колокола – на индустриализацию», – пленум Смолгорсовета постановляет:

1. Настоятельные требования рабочих и трудящихся Смоленска о снятии колоколов на нужды промышленности – удовлетворить.

2. Снять колокола со всех действующих и не действующих церквей г. Смоленска и передать металл в фонд индустриализации страны.

3. Поручить Рудметаллторгу и Горкомхозу организовать снятие колоколов в недельный срок, а Госфондовой комиссии создать оценочную комиссию для передачи металла по назначению.

4. Настоящее постановление опубликовать в печати.

Резолюция принята единогласно¹³.

Протокол № 7

Открытого Заседания комиссии по чистке аппарата Смолгосмузея и облархивбюро от 7/VI – 30 г.

Присутствуют: члены комиссии тт. Шпакова и Дроне, сотрудники Госмузея и облархивбюро в количестве 24 чел. (список прилагается) и посторонние граждане в количестве 45 чел.

Председательствует тов. Шпакова при секретарях Доморацком и Морозове.

Слушали: продолжение чистки т. Хозерова.

ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ Т. ХОЗЕРОВУ И ЕГО ОТВЕТЫ НА НИХ:

– Сколько израсходовано средств на ремонт крепостной стены?

– Из специальных средств затрачено очень немного. Точную сумму затрудняю воспроизвести.

– В чем заключалась связь с краеведческим обществом?

– Непосредственной связи не было, а было, поскольку, я состоял членом общества.

– Во сколько обошлась Вам командировка в Москву насчет крепостной стены?

– В 50 рублей.

– Ремонтом крепостной стены кто ведал?

– Главнаука, Центр. Реставр. мастерские. Мне поручалось проводить работы по их указаниям. Все работы ежегодно предусматривались сметой. Приемка работ производилась комиссией.

– Что сделано комиссией по охране памятников старины?

– Работа проделана большая, многолетняя. Большое количество памятников взято на учет. Много вопросов рассматривалось.

– Все ли памятники зарегистрированы?

– Нет. Эта работа уточняется.

– В комиссии по охране памятников все время рассматривались вопросы. А что сделано?

– Я ответил на прямой вопрос. Комиссия рассматривала целый ряд вопросов и принимались меры вплоть до прокуратуры.

– Какая сумма израсходована на издание трудов музея?

– Около 2-х тысяч рублей.

– В каком положении обстоит вопрос об отчуждении археологических памятников?

– Вам, т. Дмитриев, он очень хорошо известен. Была создана междуведомственная комиссия, на которой было поручено материал проработать Смоленскому обществу краеведения, но оно до сих пор материала не предоставило.

– Когда Вам было заявлено одним из технических служащих о том, что ночью

вывезены вещи из Тенишевского музея, какие были вами приняты меры?

– В тот же день мною было заявлено в ГПУ.

– За осень прошлого года (с октября 29 г. по март 30 г.) какая сумма израсходована на Картинную Галерею?

– Больше 1000 рублей.

– Почему музею разрешалось хранить чужие и притом эмигрантские вещи?

– Таких случаев не было.

ПРЕНИЯ ПО ОТЧЕТУ ХОЗЕРОВА:

Тов. Дмитриев прежде всего останавливается на Сычевском музее, с которым до некоторой степени связана работа Картинной Галереи. Он считает ненормальным вывоз вещей из Сычевского музея, т. к. этим оголялся провинциальный музей.

Не знаю, чем объяснить снятие часов с соборной колокольни, по мнению т. Дмитриева, в этом вина Хозерова. А ведь, – говорит Дмитриев, – они могли бы служить всему городу, стоило только немного подправить.

Архитектурные памятники зарегистрированы только в городе и за небольшим исключением в провинции. Учета же, какой требовалось вести, ни архитектурных и археологических памятников не было.

Связи – говорит т. Дмитриев, – с краеведческим обществом не было, не говоря уже об уездных обществах и кружках, о них Губмузей, которым руководил Хозеров, и не знал.

Кто был в провинциальных музеях, – говорит Дмитриев, – тот знает, что они из себя представляют. В них все коллекции перемешаны, нет никакой системы, работа ведется плохо, – это объясняется отсутствием инструктажа.

О повышении квалификации уездных музейных работников Хозеров не заботился, также отсутствует должная связь с ними.

Популяризации уездных музеев не было, за исключением газетных заметок. Тов. Хозеров не потрудился даже, несмотря ни на какие просьбы, сделать доклада о своей работе в Смоленском обществе краеведения: то ему некогда, то он не приготовил доклада.

В отношении увольнения Погодина Дмитриев говорит, что ему кажется странным слышать заявление Хозерова о неподготовленности Погодина как этнографа. По тем сведениям, которые я имею, такое обвинение неверно. Участь в Университете на естественно-историческом отделении Погодин слушал лекции по этнографии и антропологии у известного профессора Анучина. Надо было спросить – насколько подготовлен сам Хозеров к музейной работе?

Затем т. Хозеров не ответил на вопрос: почему он ездил в Москву по командировке Комтреста по поводу заделки крепостной стены? Ведь это можно было сделать путем переписки.

В заключение тов. Дмитриев говорит, что связи с краеведческим обществом не было, не говоря уже об уездных краеведческих обществах, о существовании которых Хозеров даже не знал.

Тов. Грачев в своем выступлении отмечает то, что он состоял членом комиссии по охране памятников в течении 15 лет, никогда не видел такого безобразного ремонта крепостной стены, как он проводится сейчас.

Далее, останавливаясь на краеведческом (историко-культурном) музее т. Грачев говорит, что являясь одним из первых его организаторов, он всегда видел, насколько хорошо этот музей посещался рабочими, не только теперь, когда их гонят с музыкой, как стадо баранов, но и раньше в индивидуальном порядке.

В отношении научных работ Хозерова Грачев говорит, что у него, прежде всего, кидается в глаза реклама: я... я... я... – и

больше ничего, а в самих трудах только и читаешь, что такой-то профессор доказывал то-то, я вот я с этим не согласен и утверждаю то-то.

Тов. Зайцев: Хозеров говорит, что он сын рабочего. А как этот сын рабочего добился образования? Этот рабочий имел известный завод, в котором было несколько печей, и этот завод давал тысячи рублей дохода, а людям, работавшим на этом заводе, платили по 5 коп. в день. Я сам работал, – говорит т. Зайцев, – на этом заводе, он находился в Ямщине. Имел также этот рабочий и кино, которое также давало солидный доходец.

А теперь, при советской власти, Хозеров именуется сыном рабочего, а если переменится власть, он станет и заводчиком и киновладельцем.

По части хранения частных вещей в музее, Хозеров был директором и при нем в музее хранились вещи эмигрантов, не может быть, чтобы он не знал о хранении вещей.

Правильно говорит т. Ланин, что Хозеров приписывал себе чужие труды. Выходить из производство Хозеров не считал нужным.

Теперь, – говорит т. Зайцев, – о штате музея. Там были и торговцы: Вьюнов, имевший антикварный магазин и типографию; Билевич, имевший лавку, а теперь перебрался в члены союза и когда его уволили, то он на бирже числился безработным. В общем, Хозеров подбирает тех, кто плясал под его дудку.

Наконец, – говорит т. Зайцев, – что, когда здесь высказывается молодняк и критикует его работу, то от него слышатся такие заявления, что мы, мол, «посмотрим – кто кого».

Тов. Меландер говорит, что назначение Хозерова еще в первый раз на должность директором музея, было неожиданно и по сию пору неизвестно, как он попал в музей. Получилось это как-то сразу: забрали Ширяева и назначили его.

Далее Меландер отмечает, что самое печальное время для музея было тогда, когда Хозеров был директором. Так, несмотря на то, что средства поступали из 2-х источников: из Госмузея и Губмузея, музей их не видел, а когда Хозеров был отстранен от должности директора, и произошло разделение Госмузея и Губмузея, то, хотя средства и уменьшились, но они были гораздо заметнее и отделы больше получали.

На почве ненормальных отношений между Хозеровым и коллективом сотрудников музея, последним было подано заявление о перемене руководящего лица, в результате этого Хозеров был снят с работы. Затем, когда он вторично был назначен на службу в музей, то со стороны сотрудников музея, которые хорошо знали его прежнюю деятельность в музее, выражавшуюся только с отрицательной стороны, – поднялась целая буря.

Когда он стал директором, то опять мы видим, – говорит Меландер, – что средства почти исключительно тратились на Картинную Галерею, а остальные музеи страдали без средств. Подобно этому и раньше Хозеровым тратились большие суммы на свои командировки. Как о работнике, о нем я ничего не могу сказать плохого. Его научные работы представляют известную ценность.

Тов. Елагина говорит, что по словам Хозерова Картинная Галерея закрылась в ноябре месяце. Капитальный ремонт был закончен и Иван Макарович (Хозеров) говорил, что в конце ноября он Картинную Галерею откроет, а она, и через несколько месяцев не была открыта. Когда я туда заглядывала, то видела, что работа все время стояла на одной точке. Здесь т. Хозеров хвастался, что он сделал столько надписей, а Мишонов закантовал что-то около 80 картин – да разве это работа? Работники Картинной Галереи так привыкли там ничего не делать, что раскатать

их было очень трудно, а работать они могут.

Когда Хозеров и другие работники ульхали, что на носу чистка, то они начали представлять разные проекты и планы реорганизации музея, а спрашивается, где они были раньше.

Для Хозерова Барщевский дорог, прежде всего, как личность, не как работник, он ценил его прежние заслуги. Такое отношение, – говорит т. Елагина, – преступление.

В отношении охраны памятников, т. Елагина указывает, что сохранялись только церкви, а такие памятники, как крепостная тюрьма, находившаяся в имении помещика – разрушена; духовная тюрьма, которая находится в доме, занимаемом сейчас музеем Революции, была завалена хламом. О революционных памятниках Хозеров также ничего не знает: могилы революционеров, погибших в Смоленской тюрьме (среди них были участники и Кронштадтского восстания) совершенно стерты – там теперь ходит скот; могила народника Зайчневского также разрушилась и едва уцелела только потому, что за это взялась Смоленская группа Об-ва политкаторжан. Такая работа никуда не годится.

Это происходило все потому, – говорит т. Елагина, – что в музее сидели чуждые нам не наши люди. Даже кресты с б. церковью, в которых разместились музеи, сняты лишь недавно и то, после того, как появилась в «Раб. пути» заметка о кресте над Музеем Революции.

Заметка в прошлом № стенгазеты милюетна – это факт. Я сама, – говорит т. Елагина, – была свидетельницей этого разговора о херувимчике между Хозеровым и другими сотрудниками. Такой разговор тоже говорит о многом.

Тов. Мишонов дает справку о содержании разговора о херувимчике. Он объясняет, что сравнивал эту архитектуру с

Ленинградским домом Крестьянина, так, она похожа. В отношении херувимчика и забеленных икон, то он говорит, что их можно использовать в случае развертывания здесь антирелигиозного музея. А что я говорил с умилением, то это ложь.

Справка т. Вьюнова. Я преподавал в Ун-те с 1921 г., в 1923 г. принят в секцию научных работников и с этого года состою научным работником. В музей же я принят в 1925 г. Увольнение мое из музея было произволом.

Справка Ткачева. Вывоза вещей из музея не было, я работаю там сторожем и такого факта не знаю. Притом, здесь указывали, что это происходило ночью, но туда нельзя проникнуть без того, чтобы не зазвонил сигнализационный звонок, а его бы я услышал. Повторяю, такого факта не было и я не знаю.

Тов. Шпакова зачитывает письменное объяснение т. Барщевского о том, что вещи вывозились и вещи принадлежали Глембовецкому.

Зайцев обращает внимание на то, что работы с выдвигенцами не ведется. А они у нас есть; т. Хозеров не считает нужным им помочь. Если же что коснется, то все свалится на Амосенкова. Спрашивается, почему он не мог больше поработать в музее и оказать помощь в практической работе.

/Далее следуют записи секретаря т. Морозова/

ПРЕНИЯ О ПРОХОДЯЩЕМ ЧИСТКУ

Т. ГУДКОВЕ

Меландер об истории поступления Гудкова в музей говорит, что, будучи заведующим Естественно-Историческим музеем, ко мне в музей довольно часто в течение 2-х лет Гудков обращался по части набивки чучел. Но кто он и что из себя представлял, я совершенно не

знал. В прошлом году от меня ушел вахтер, студент, который исполнял обязанности препаратора, также вскоре ушел и делопроизводитель, а т. к. препараторская должность не была утверждена, то, до утверждения штатов, я, зная препараторскую работу Гудкова, предложил ему временно занять должность делопроизводителя. Надо сказать, что на должность препаратора я подыскивал из среды студенчества, но таких не было.

Зайцев. Мы знали о том, что у Гудкова были такие родственники: отец – исправник, брат – палач; но почему Гудков не сказал ни слова о том, что он из себя раньше представлял, он этот вопрос обошел и о своем прошлом замолчал, – он только сказал, что был беспризорным.

В отношении посещения политкружков, то Гудков их не посещал. В ДРП он также не заглядывал.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГУДКОВА

Тов. Зайцев сказал, что я был беспризорным. Да, – говорит Гудков, – когда умерла мать, то мы были брошены на произвол судьбы – нас было 2 человека.

Что я не веду общественной работы – я вести ее не могу по семейным обстоятельствам и вечерами работать не могу.

Что же касается того, что я якобы скрыл свое прошлое, то надо сказать, – говорит Гудков, – где бы я не служил, везде меня ценили, как хорошего работника и везде я получал повышения по службе. Достаточно того, что я работал в штабе, а сейчас являюсь комсоставом запаса, а на военной службе меня и мое прошлое знали очень хорошо.

Вопрос Гудкову: *Где учился брат, который был палачом?*

Ответ: Нигде.

– В реальном училище он не учился?

– Нет. Там учился двоюродный брат.

Хозеров говорит, что ему сказали, что Амосенко молодой работник, и я знал, с какой он здесь должен столкнуться ситуацией, а потому стал ему помогать, чем мог.

Что касается недостатков, то тут, прежде всего, напрашивается второе: почему реорганизация музеев пошла по линии их свертывания? Это свертывание вполне окупается развертыванием антирелигиозного и революционного музеев.

Как бывший инспектор, я знаю, почему Амосенко так резко поставил вопрос реорганизации и на мой взгляд эта мера правильная и необходимая.

Как администратор Амосенко взял правильный курс.

Тов. Меландер говорит, что Амосенко попал в очень плохие условия, т. е. музеи вынуждены были свертываться. Последнее постановление коллектива сотрудников о реорганизации музеев я считаю правильным.

Я считаю, – говорит т. Меландер, – недостатком, что Амосенко не устраивает совещаний с научными сотрудниками музея, а такие совещания необходимы, несмотря на то, что сейчас проведено единоначалие. Так, например, в университете такие совещания существуют.

Тов. Зайцев. Т. Амосенко, – говорит т. Зайцев, – не считается с МК, так примером этого служит увольнение Зайончковского, а членов МК он увольнять не должен, и этот вопрос с группомом он не согласовал. Здесь т. Амосенко в единоначалии немного перегнул.

Тов. Вержицкий говорит, что Амосенко попал в такие условия, в которых невозможно не делать промахи.

Вопрос т. Амосенко: *Какую общественную работу Вы несете?*

Ответ: Член Президиума Сов. Воинств. Безбожников, член бюро Туристов.

Тов. Доморацкий, как на недостаток в работе Т. Амосенко указывает на то, что свертывание музеев началось с краеведческих музеев (правда, Ест.-Истор. отд. свернут не по его вине) и теперь мы имеем то, что у нас отсутствуют краеведческие музеи. По мнению т. Доморацкого надо было реорганизацию начинать не с Историко-Культурного отдела, который легко было перестроить, т. к. значительное количество материала уже было подготовлено, а реорганизацию надо было начать с б. Тенишевского музея, который не только теперь, но и раньше признавался не выдерживающим никакой критики.

Правда, – говорит т. Доморацкий, – там сейчас организована керамическая выставка, но, все же, большинство коллекций осталось нетронутыми. Необходимость Историко-Культурного отдела подтверждается еще и тем, что его спрашивают почти все экскурсии и очень сожалеют, что он свернут.

Заключительное слово т. Амосенко

С Зайцевым, – говорит т. Амосенко, – я согласен, но с Доморацким мы не сходимся во взглядах на историю. В таком виде, в каком был Ист.-Культ. отд. его оставить было нельзя. Там висели портреты графов и князей. Отдел Смоленской деревни совершенно не вязался с остальной экспозицией. Так один из бывших сотрудников говорил мне, что «мы смеялись, когда из археологии попадали прямо в отдел «Смоленской деревни», а затем опять оттуда в отдел «Смоленск в 12 столетии».

Председатель подпись /Шпакова/
Секретарь

Л. 78–87 об. Рукопись. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабочий путь. 1929. 17 декабря. № 290.

² Рабочий путь. 1929. 20 декабря. № 293.

³ Рабочий путь. 1930. 4 января. № 3.

⁴ Рабочий путь. 1930. 7 января. № 5.

⁵ Там же.

⁶ Русская православная церковь в советское время. М., ПроPILEI, 1995. С. 307-310.

⁷ Рабочий путь. 1929. 10 сентября. № 211.

⁸ Рабочий путь. 1929. 14 декабря. № 288.

⁹ Рабочий путь. 1929. 18 мая. № 111.

¹⁰ Рабочий путь. 1930. 21 марта. № 65.

¹¹ Рабочий путь. 1929. 29 мая. № 119.

¹² Рабочий путь. 1929. 18 декабря. № 291.

¹³ Рабочий путь. 1930. 14 января. № 7.

МАТЕРИАЛ ПО ПРОВЕРКЕ ДОКУМЕНТОВ СОТРУДНИКОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ ГРУППОЙ «ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ»

Как и все политические акции, инспирированные большевистской властью, чистка быстро обрела характер забюрократизированной кампании, где в конечном итоге все было predetermined, так как советская бюрократия уже хорошо овладела репрессивными методами подавления, хотя и не перешла еще к поголовно карательным мерам по отношению к своему народу.

Чтобы придать чистке хоть какую-нибудь видимость живого и крайне необходимого дела, власть привлекла к участию в кампании комсомольцев. Соответственно и терминология была выбрана самая наступательная и овеванная романтикой: молодежь формировалась в отряды «легкой кавалерии», а сами проверки стали именоваться «налетами». При этом партийная пресса настойчиво призывала «превратить «легкую кавалерию» в буденовскую армию социалистического строительства».

Выводы отрядов «легкой кавалерии», абсолютно совпадающие с выводами комиссии по чистке, а то и превосходящие их по своей «обличительной» дотошности, еще больше должны были придать кампании по шельмованию и избавлению от неугодных видимость законности. Кроме того, нужно было как-то восполнять «вычищен-

ные» кадры – в большинстве своем квалифицированных специалистов. И здесь «кавалеристы», пусть и не всегда грамотные (в смысле образования), но продемонстрировавшие свою готовность быть активными проводниками партийных решений, подходили как нельзя лучше.

В феврале 1930 года газета «Рабочий путь» помещает сообщение:

Областной слет «легкой кавалерии»

Первый областной слет «легкой кавалерии» открылся. С заводов, деревень и учреждений лучшие представители комсомола собрались обсудить и определить формы и методы своего участия в выполнении промфинплана, социалистической перестройке сельского хозяйства, укреплении сов. аппарата.

...Представитель «Красного Профинтерна» тов. **Чепиков** заявил, что в деревне до сих пор уделяется еще мало внимания. Тов. Рубен подкрепила это положение рядом конкретных указаний.

– Легкая кавалерия» еще не проникла в деревню на основные участки нашей работы, на подготовку весенней посевной кампании, неважно дело обстоит и с участием «легкой кавалерии» в коллективизации.

– Каждый «кавалерист» должен своим личным примером показать крестьянству путь в колхозы, – заключает тов. **Рубен**.

Ее мысль логически продолжил тов. **Романенко**, выдвинув лозунг:

– «Ни один «кавалерист» – вне колхоза!».

Доклад тов. **Елагина**, насыщенный конкретными примерами и фактами засоренности соваппарата, разгильдяйства и расхлябанности, нашел живой отклик участников слета.

Советский аппарат стоит на пороге большого обновления.

...Один из делегатов привел пример параллелизма в работе РКИ (Рабоче-кре-

стьянской инспекции – прим. авт.) и «легкой кавалерии», что объясняется только отсутствием связи между ними.

Руководство «легкой кавалерией» со стороны РКИ хромает – определенно заявил этот товарищ. В чистке «легкая кавалерия» играет роль не только как помощник РКИ, но и как кадр, который сможет и должен заменить всех выброшенных за борт советского аппарата. Отсюда встает важная и трудная проблема кадров. Вместо загнанных и чуждых, в советский аппарат должны притти свежие преданные работники. И приходят. Как их встречают? Ответ на этот вопрос приводит т. **Слуцкер** из Клинцов. Клинцовский ЦРК запросил в аппарат несколько новых работников. Когда им послали рабочих, администраторы завопили благим матом:

– Куда вы их суете, хотите их в тюрьму посадить, разве они справятся?

...Слет является великолепным показателем значения «легкой кавалерии» в нашем строительстве. Уже одно то, что по докладу т. Елагина записалось в прениях 42 человека, свидетельствует о той активности, которой охвачена пролетарская молодежь¹.

Следующий репортаж с областного слета «легкой кавалерии» сопровождается фотографией его участников, сосредоточенно внимающих выступающим. Выступления, по свидетельству газеты, «приняли характер широкой самокритики»:

«Основной недостаток групп «легкой кавалерии» – это их незначительный удельный вес в общественной жизни деревни. «Легкая кавалерия» еще слишком малочисленна и не подготовлена. Хуже всего то, что «кавалерия» не привлекла к себе основную массу батрачества, не развернула агитационно-разъяснительной работы.

Нередко «кавалеристы» пассивны. Делегат тов. Ларин привел пример:

– В одном из районов при составлении планов весенней посевной кампании ни-

кто из «авторов» ни единым словом не обмолвился о классовой борьбе. «Легкая кавалерия» тоже молчала.

Тов. Зильберг тоже указал, что в Великолукском округе в некоторых деревнях еще даже не началась зерноочистка. «Легкая кавалерия» на это не реагирует.

Из-за недостаточной неподготовленности некоторые работники плохо себе представляют конкретные формы «кавалерийской» работы. В Клинцах, например, «легкая кавалерия» прежде, чем устроить налет на потребкооперацию, предварительно согласовала это с правлением... той же кооперации.

...Гораздо меньше недостатков, конечно, в городе, на предприятиях. Но и здесь не обходится без шероховатостей и отдельных прорывов. Тов. Леванюк рассказал слету, как в Смоленске, в центре области и на глазах у областного руководства, группа «легкой кавалерии» 1-й сов. больницы перед ячейкой не отчитывалась в течение 7-ми месяцев»².

Похоже, что власть наделяет молодых «кавалеристов» контрольными функциями.

МАТЕРИАЛ

**по проверке документов сотрудников
Историко-Культурного музея
по поручению яч. ВЛКСМ ОБЛОНО
как член Легкой Кавалерии
7-го февраля 1930 года.**

ДОМОРАЦКИЙ Аркадий Трофимович.

Из Сведений о работниках музеев города Смоленска:

«Доморацкий Аркадий Трофимович, беспартийный, из крестьян, сторож, работает в музее с 1928 года, образование – среднее».

Член Союза Рабпрос с 1923 года – справка, представил справку о том, что он

служил по вольному найму келейником у смоленского архиерея в 1917 году. Подписал эту справку член Союза Медсантруд кн. № 209 т. Коренкевич. Подпись Коренкевича заверил Пред. Месткома № 2 Медсантруд. Причину своего поступления на службу к архиерею объясняет тем, что отец его служил там швейцаром, в то время одного келейника забрали на военную службу, и он поступил на это место. /Говорит, что келейник у этого архиерея была личность не духовного звания/.

Представил метрическое свидетельство о том, что Доморацкий Аркадий Трофимович родился в 1904 г. У запасного рядового Могилевской губернии Мстиславского уезда Болотской волости Трофима Антоновича Доморацкого и его жены Матрены Агеевой. Родился Доморацкий Арк. в селе Ратчики. В 1919 году уволен со службы в ЗОВИУ 20 авг. Представил свидетельство об окончании школы повышенного типа для взрослых, имеется книжка военнослужащего проходящего военную службу вневоинским порядком, как льготник I разряда. Представил справки о посылке на всевозможные научные работы по Госмузею. /Сам работает в музее сторожем, но при наличии образования и интереса к работе его посылают на научные работы/.

Учеба его проходила следующим образом: В 1914 году поступил в духовное училище в гор. Смоленске, так как больше некуда было поступать, не окончил 3-х классов духовного училища, поступил в гимназию, которая в 1917 году реорганизовалась в Советскую школу, где учился год. Там он окончил первую степень. Сейчас заочно обучается на педфаке, изучает литературу и русский язык.

Общественной работой занимается с 1924 года, профделегат. На общественной работе все время проявлял себя активно с хорошей стороны.

ВЕРЖБИЦКИЙ Яков Григорьевич.

Из Сведений о работниках музеев города Смоленска:

«Вержицкий Яков Григорьевич, беспартийный, из крестьян, научный сотрудник, работает в музее с 1929 года, образование – высшее».

1900 года рождения. По происхождению крестьянин, отец умер в 1914 году, мать умерла в 1923 году. Братья занимались все время крестьянством, есть справка на имя брата, что у него имеется 4 десятины, 2 дес. луга, 1 лошадь, налог в прошлом году платил 7 р. с копейками. Сейчас все братья, которые занимаются крестьянством, вступили в колхоз. Сельскую школу окончил в 1913 году, в 1914 году поступил в высшеначальное училище, с помощью братьев окончил 3 класса, с наступлением революции переведен во 2-ю ступень 4 группу, вторую ступень окончил в 1921 году.

Представил справку о службе в ОГПУ БВО с 1919 года по 1-е июня 1928 года с какого числа уволен со службы. Уволился со службы в виду окончания университета. В университет поступил в 1923 году, окончил его в 1929 году, диплома еще не получил, окончил педагогический факультет литературно-линг. отделение. Окончив университет, временно учительствовал на Рабфаке в качестве преподавателя русского языка /замещал Титова/. Неделю спустя замещал обществоведа в 6-й девятилетке /1 месяц/. Летом работал в качестве преподавателя русского языка на рабоче-батрацких курсах по подготовке в техникум при кооперативном техникуме. Временно работал в Приемнике в качестве воспитателя. /1 месяц/.

С февраля месяца попутно с вышеуказанными работами служил в Историко-культурном музее в качестве внештатного /поденного/ экскурсовода. С октября месяца 1929 года работает научным работником музея.

Имеет справку о получении серебряных часов за хорошую службу в ГПУ. В ГПУ занимался и общественной работой.

Сейчас он состоит на особом учете в порядке приказа Реввоенсовета СССР № 763 /147 от 1926 года/.

ДИШ Марианна Александровна.

При себе никаких документов не имеет. Документы, по ее словам, остались в 1-м Московском университете, которые не могла получить, так как по техническим причинам не получила диплома, а без диплома не выдают и всех документов.

Свою биографию изложила следующим образом: родилась в 1905 году в гор. Лебедянь Тамбовской губернии. Отец горный инженер умер в 1908 году, мать учительница умерла в 1920 году. После смерти матери 1 год находилась на иждивении дяди, который был педагог все время в гор. Лебедянь и учительствует до настоящего времени.

При матери училась в гимназии, потом в советской школе, окончила 2-ю ступень в 1922 году, и поступила в университет. В 1923 году она стипендии в университете не получала, а питала себя личным трудом при поддержке АРА. Стипендию получила в 1924 году до 1927 г. В 1926 году она переводилась в другой университет и потом через год ей сняли стипендию, кончая университет, она в то же время служила временно, на эти средства и жила. В 1929 году окончила университет и направлена в Смоленск на работу. В университете работала в обществах «Друга детей» и ОДН, член Бюро ОДД. В ОДН работала ликвидатором.

ЯКОВЛЕВА Марья Григорьевна.

1898 года рождения. Представила справку о том, что отец ее служил в Отд. гор. Электрических предприятий г. Смо-

ленска в должности слесаря при мастерских. Умер в 1922 году. Мать домашняя хозяйка. Образование имеет нисшее 3 класса городского училища. Сейчас мать ее за отца получает пенсию /представила пенсионную книжку/. Яковлева М.Г. служила в Смолгубкоме с 10/V 1918 года по ноябрь 1922 года, в должности архивариуса, уволена по упразднению вышеуказанной должности. С 1922 года находилась на иждивении мужа, который служил в Губоно секретарем и бухгалтером.

С 1925 года 28/V по 1-е февраля 1930 года служила вахтером-смотрителем Историко-культурного музея. Уволена со службы по рационализации аппарата с 1-го февраля 1930 года. Член профсоюза с 1925 года 28/V. Член союза Рабпрос.

ПАЛАШЕНКОВ Андрей Федорович.

1886 года рождения, социальное положение крестьянин, было 16 десятин земли при семье 7 человек. Постепенно члены семьи отделялись, брат отделился и сейчас остались 3 члена семьи: 2 сестры и отец 81 года. Имеет сейчас 4-5 десятин земли, одну лошадь, одну корову, 1 овцу. Связь с семейством имеет постоянную, отчасти материальную. Сейчас брат служит на железной дороге и не крестьянствует совершенно, занимает должность Зав. Погрузным двором /брат окончил 2 класса сельской школы/. Мать умерла в 1917 году. Сейчас отец и сестры не лишены избирательных прав голоса, представил избирательные повестки 1928 года.

Учебу свою проходил следующим образом: Сначала окончил одноклассную сельскую школу /3 г./, основание свидетельство. По окончании сельской школы поступил в 2-х классную сельскую школу /5 л./, /основание свидетельство/. С 1903 года поступил практикантом в почтовую контору и учился на должность почтальона, когда зачислили на действительную службу

на почту, но он сам от нее отказался, так как решил готовиться в учительскую семинарию. В это время он жил дома у отца. В 1907 году окончил Алферовскую учительскую семинарию и получал стипендию 3 года. После окончания семинарии был назначен народным учителем, учительствовал с 1907 г. до 1914 года, с 1914 г. до 1916 г. был помощник классного наставника гимназии /учитель пригготовительного класса/. С 1918 года учитель гор. Смоленска до 1-го сентября 1925 года. С 1922 года до 1925 г. служил в железнодорожной школе, а остальное время в советских школах гор. Смоленска. С 15 ноября по совместительству с 1921 г. служил в музее и состоит на службе в музее до настоящего времени.

В 1914 году поступил слушателем Московского Арх. Института в Смоленское отделение, кончил его в 1917 г., по окончании Арх. факультета поступил на Археологический, который окончил в 1922 году. Прослушал курс института Народного Образования.

В царской армии не служил как народный учитель, а в империалистическую войну, когда пригласили народных учителей, освобожден от службы по состоянию здоровья. В Красной Армии не служил по состоянию здоровья. Как учитель советской школы командировался для ведения культурно-просветительской работы в 16-ю армию на фронт /2 месяца/.

Общественную работу выполнял следующую: Организатор кустарного отдела Всесоюзной Сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки в 1928 году в Москве как ученый-археолог и этнограф.

По музею занимал следующие должности: Хранитель и организатор музея древностей, Зав. Историко-археологическим музеем и Историко-культурным, Директор Смоленского Гос. Обл. музея – освобожден от этой должности по личному ходатайству за слабостью здоровья, исполнял

обязанности Зав. Смол. Губ. Музейным Управлением, Директор музея искусств и древностей, в 1925 г. Организовал музей революции, был начальником 3-х экспедиций организованных областным музеем в 1927, 28, и 29 г. На все представил документы и хорошие отзывы как о работнике.

О работе музея говорит, что она протекала в плановом порядке, планы прорабатывались в музейном методическом бюро. Общественные реорганизации посылались на утверждение Главнауки, прорабатывались сначала в ученом совете.

О Палашенкове другие сотрудники говорят, что имея много знаний, он не делится ими с другими сотрудниками.

Члены Легкой Кавалерии /Есипович/
/Андреева/

ВЫВОДЫ

сделанные группой легкой кавалерии при яч. ВЛКСМ ОБЛОНО по налету на Историко-Культурный музей слитый с музеем Революции.

Налет был сделан в то время, когда музей Революции только слился с Историко-Культурным музеем и вещи еще далеко не все были расставлены в должном порядке.

По требованию Легких Кавалеристов научный сотрудник музея тов. ПАЛАШЕНКОВ отвечал на все задаваемые ему вопросы.

Выявлено было следующее:

Видно, что все музейные вещи хранятся в чистоте и относятся к ним осторожно, пыли на них не было заметно, также ничего не валялось. В музее имеются две инвентарные книги, куда вносят все поступающие в музей экспонаты. Одна книга основная, куда вносят уже вполне обработанный материал, вторая книга вспомогательная, куда вносится еще не вполне обработанный материал, но вписывается, чтобы видно было, когда он поступил в му-

зей. Мы брали по книге номера и представляли показывать нам те предметы, которые числятся за этими номерами, все они оказались на месте и находились быстро. На тех экспонатах, которые были внесены в основную инвентарную книгу были наклеены ярлыки, которые были внесены в вспомогательную Книгу были навешены бумажечки с карандашными надписями номеров, что указывало, что материал еще не совсем обработан.

Показывали нам книги, в которые записывает свои впечатления о музее публика – и вторую книгу, где впечатления записывают научные работники, приезжающие для исследований. Везде мы нашли только хорошие отзывы, плохих, как будто бы не было.

Как большой недостаток в работе мы считаем малое вовлечение в работу музея общественности и плохое распространение и агитацию за себя в рабочих районах и среди просвещенцев вообще, работа велась только внутри музея, за двери музея она почти не выносилась, ограничивалась только письменными объявлениями, которых возможно никто и не читал.

Л. 128–131. Машинопись. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабочий путь. 1930. 12 февраля. № 35.

² Рабочий путь. 1930. 13 февраля. № 36.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ГРУППЫ «ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ» СОТРУДНИКОВ КАНЦЕЛЯРИИ ГОСМУЗЕЯ И КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

Начало 1930 года ознаменовалось в Смоленске приездом академика Алексея Викторовича Щусева – автора архитектурных проектов зданий Казанского вокзала и Марфо-Мариинской обители, построенных в дореволюционной Москве, а также прославившегося в молодой советской

России Мавзолеем В.И. Ленина, возведенным в 1924–1930 годах по его же проекту. Не упомянув даже имени и отчества столичной знаменитости, газета «Рабочий путь» сообщила в короткой заметке о цели приезда архитектора:

ПЕРЕПЛАНИРОВКА СМОЛЕНСКА

Беседа с акад. Щусевым

Проект перепланировки Смоленска в настоящее время строится с расчетом роста населения города до 200–250 тыс. человек. На большой рост населения вряд ли правильно рассчитывать, так как в результате изменения хозяйственного облика Западной области намечается ряд новых агроиндустриальных центров, которые, надо полагать, оттянут часть населения к себе. В частности следует отметить перспективы поселка Гнездово, население которого в связи с созданием там крупной промышленной базы возрастает до 40–45 тысяч человек. Таким образом, установка проекта перепланировки берется на создание в Смоленске по преимуществу административного центра.

Как на одной из наиболее интересных проблем проекта следует остановиться на планировке Молоховской площади, где создается деловой центр города, связанный с вновь проложенными кольцевыми улицами. Проектом вообще берется установка на постепенное упразднение базарных площадей с перенесением их на периферию.

Из объектов строительства намечается в ближайшие годы возведение дома советов, дома промышленности, дома печати, гортеля и других.

Особо остро стоит в Смоленске вопрос с разгрузкой Советской улицы, вследствие чего проект намечает устройство новой магистрали: вокзал – новый мост – Моло-

ховская площадь – Рачевка. В виду того, что Смоленск легко подвержен наводнениям, проект намечает поднять уровень берегов Днепра, на которых будут между старым и новым мостом созданы высокие аллеи и парки.

Проектное бюро планировки городов, кроме того, намечает большие работы по архитектурному выявлению стен смоленского Кремля, имеющих высокую культурную ценность. План перепланировки Смоленска тесно связывается с проектом новой канализации и водопровода.

* * *

Академиком Щусевым совместно с горсоветом намечается в начале марта устроить ряд широких публичных докладов о составляемом ныне проекте перепланировки Смоленска¹.

Через четыре месяца газета обстоятельно сообщает о будущем древнего города, где, впрочем, памятники старины не находят упоминания, а основное внимание уделяется новым заводам и фабрикам, а также некоторым социальным объектам:

НОВЫЙ СМОЛЕНСК

Комиссия по планировке гор. Смоленска закончила работу.

Новый Смоленск мало будет похож на теперешний город.

Лента Днепра разделит Смоленск на два крупных центра: промышленный и деловой.

Вокруг теперешней ниже-базарной площади, превращенной в общественный сад, столпятся фабрично-заводские трубы.

Новая швейная фабрика займет 58-й и 59 кварталы Заднепровья, одной своей стороной будет смотреть к линии железной дороги. Неподалеку от нее, в 95 и 96 кварталах около путей станет **фабрика строительных деталей**. Два завода: за-

вод бетонированных изделий и завод лакокраски, расположатся на Ямщине. В районе Свирских улиц будет выстроена **трикотажная фабрика**; новая **горбоийня** и **холодильник** займут место утильзавода на Лестровке; новый **хлебозавод** будет выстроен на Ново-Московской улице. На Верхних садках станет новый кирпичный завод. Две крупные льно- ткацкие фабрики, **льночесальный и клееночно-дермантинный** заводы займут район Гнездова. На Витебском шоссе намечено выстроить мощную дезо-станцию.

Так расположатся и создадут промышленный центр фабрики и заводы будущего Смоленска.

Центр промышленного района с его рабочими кварталами отводится для постройки единого диспансера (поликлиника). Это будет основная лечебная база Заднепровья, включающая в себе все виды медицинской помощи.

Тут же расположится фабрика-кухня, которая будет кормить весь рабочий район.

«Деловой» город – это верхний район. Здесь сосредоточатся все административно-хозяйственные организации и учреждения города. Дом советов явится центром делового города.

Новое больничное строительство будет направлено по Рославльскому шоссе. Уже и сейчас здесь сосредоточены 2-я со-больница, глазная лечебница и бактериологический институт. Здесь же в районе костела будет выстроена детская больница. Медицинский институт выстроит свои здания по Авраамиевской улице.

В районе Краснинских улиц, Чернушек и Георгиевской площади, на Покровской горе расположатся техникумы города.

Слободы Красноармейская и Коминтер-на явятся базой для жилищного строительства. В центре на Молоховской площади станет фабрика-кухня.

Главной новостройкой города определен Дом советов, в строительство которого заложена громадная по тем временам сумма – около трех миллионов рублей:

Начинается постройка Дома советов

Начинается строительный сезон. Для освобождения площади под новое строительство сносится целый ряд старых домов.

По Студенческой улице сносится три дома, на месте которых будет построено новое большое здание – общежитие студентов на 1000 человек.

По Университетской и ул. Карла Маркса сносится 7-8 домов. Вместо них будет построен Дом советов. Постройкой Дома освобождается большое количество жилых домов занятых сейчас учреждениями. Строительство Дома советов начнется в мае текущего года и будет закончено к середине 1931 года. Постройка Дома обойдется около 3.000.000 руб.

Выселенным из сносимых домов предоставляются квартиры в первую очередь, за счет выселения нетрудового элемента и уплотнения.

Большим тормозом в развитии строительства является недостаток строительных материалов. Ощущается, например, большой недостаток камня. Комхоз неоднократно подымал вопрос о разрешении ему разрушить грозящие неминуемым обвалом части крепостной стены. Это дало бы возможность в значительной степени обеспечить строительство недостающим камнем. Но до сих пор вопрос кочует из одной инстанции в другую, а строительство ждет.

С. ГРОМОВ³

Казалось, можно было бы только радоваться появлению в центре города, на месте старой обветшавшей дореволюционной застройки, современного обще-

ственного (сейчас бы сказали – офисного) здания. Но нужно знать, что кроется за коротким «за счет выселения нетрудового элемента и уплотнения». Со второй половины 1920-х годов в стране идет планомерное наступление на жилищные условия граждан, попадающих под категорию «лишенцев», то есть лишенных избирательных прав (граждан, использующих в своих хозяйствах наемный труд, торговцев и предпринимателей, священнослужителей, бывших помещиков и полицейских и некоторых других категорий лиц). Несмотря на всякого рода разъяснения и запреты со стороны ВЦИК, на местах практиковалось не только «самоуплотнение» (излишками считалась площадь, превышающая санитарную норму в 8 кв. м на одного человека), но и выселение «лишенцев» из домов муниципального фонда. При проведении чисток служащих нередко «вычищенные», то есть уволенные, как нетрудовой элемент автоматически выселялись из квартир. Таким образом, при выселении из сносимых домов запросто можно было оказаться на улице, даже без «уплотненного угла»⁴.

По-видимому, руководство области сочло короткое сообщение о начале строительства недостаточным для населения города, поскольку следом за ним последовало довольно пространное:

УЛУЧШИМ РАБОТУ АППАРАТА И ОБСЛУЖИВАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

**Постройка Дома советов освободит
в Смоленске 9056 кв. метров площади
для жилья и культурных нужд
(беседа с председателем комиссии по
постройке областного
Дома советов тов. Клявс-Клявиным)**

Впервые с этого года Смоленск, как областной центр, приступает к капитальному строительству значительных размеров. **Возводится здание гостипографии объемом в 35.000 куб. метров, с расче-**

том на 400 человек рабочих, многоэтажный жилой дом горсовета около 40.000 куб. метров; общежитие студентов университета – 25.000 куб. метров; здание электростанции, два дома башни-коммуны и ряд других крупных сооружений, среди которых выделяется областной Дом советов.

Опыт советской работы показал, что лучшее обслуживание рабочих и крестьянских масс достигается тогда, когда все правительственные учреждения располагаются в одном здании. Посетителю не приходится в таких условиях бегать с одной улицы на другую в различные отделы исполкома для разрешения какого-либо вопроса.

В Доме советов, где будут сосредоточены все отделы облисполкома, организации, каждый трудящийся может вернуть все вопросы хозяйственные, социально-культурные, советского и финансового права, вопросы труда.

Построив Дом советов, в Смоленске освободится 9.056 квадратных метров площади, ныне занимаемой отделами облисполкома в разных зданиях, где к тому же весьма неблагоприятны условия труда работников.

Освобождаемая площадь будет использована для жилья, частью для удовлетворения социально-культурных нужд города (университет, рабфак, строительный техникум и проч.).

Зал для съезда советов с другими помещениями при нем будет обслуживать культурные запросы населения областного города т.к. в этом помещении будет хорошо оборудованная сцена.

Некоторые чуждые элементы, под видом будто бы рабочих, пытаются распространять слухи, что строится «Дом канцелярий», «кабинеты совбюрократов» и т. п. Злостные измышления, вроде того, что будто «отдано распоряжение все строительные материалы бросить на постройку Дома

советов в ущерб всему другому строительству.

Эта гнусная ложь является очередной вылазкой классового врага. Строительство Дома советов обеспечивается материалами в такой же степени и с таким же напряжением, как и прочие виды строительства по области.

Касаясь места постройки Дома советов, необходимо сказать, что президиум облисполкома неоднократно обсуждал этот вопрос при участии местных технических сил и специально приглашенных консультантов, профессоров и архитекторов и пришел к заключению, что строить Дом советов в саду Дома Красной армии при условии сноса 5-й девятилетки, обслуживаемой 27 групп учащихся, совершенно нецелесообразно. К тому же исследование грунта этого участка показало значительно худшие результаты на участке, где окончательно решено строить Дом советов.

Те ветхие в большинстве своем строения и сараи, которые нужно снести в связи с постройкой Дома советов, не могут и не должны служить основанием для задержки строительства. Ни один город Советского Союза, быстро разрастающийся в связи с общей реконструкцией народного хозяйства и бурным ростом социалистического строительства, не застраивается без сноса старых построек.

Возражать против сноса хибарок и переноса некоторых других строений могут лишь те, кто за стенками своих комнатушек не видит колоссальной потребности в такого рода строительстве, кто не может понять, что и в деле строительства общественные интересы стоят выше личной заинтересованности⁵.

Но, оказывается, не только нехватка строительных материалов тормозит начало строительства главного городского объекта – возникли еще дополнительные трудности. Газета «Рабочий путь» в под-

борке «Москва о Западной области» сообщила:

Проект Дома советов отклонен

Наркомвнудел отказал в утверждении проекта Дома советов в Смоленске, представленного областью.

Отклонение проекта вызвано тем, что Наркомвнудел считает недопустимым соединение в одном здании Дома советов и театра, особенно в том виде, как это предлагает область. НКВД предлагает им изъять сценическую часть здания совсем, или расширить ее, оборудовав более капитально.

Это сообщение потребовало разъяснения:

Через месяц начнется постройка Дома Советов

Разъяснение облисполкома

В № 123 за 30 мая, в разделе «Москва о Западной области» помещена заметка, в которой говорится, что «Наркомвнудел отказал в утверждении проекта Дома советов в Смоленске». Это сообщение не соответствует действительности. Научно-технический совет ГУКХ НКВД на заседании своем от 21 мая 30 года, не имея существенных возражений против проекта Дома Советов в части помещений, предназначенных под учреждения, высказался за нецелесообразность совмещения здания Съездов Советов с театром.

С такой принципиальной постановкой вопроса облисполком согласиться не может, так как возведение сценической части при здании Съездов Советов, превращая таковой в театр, дает возможность, при сравнительно небольшой затрате средств дополнительно 300–400 тыс. руб. получить вполне оборудованное театральное помещение с пропускной способностью, примерно, 1800 человек.

Возражения облизполкома безусловно будут учтены НКВД и к постройке театра здания Съездов будет приступлено.

В части же помещений Дома Советов, запроектированных под учреждения, никаких разногласий с НКВД нет, и с разрешения последнего Проект-гражданстроем приступлено к срочной разработке рабочих чертежей с тем, чтобы примерно через месяц развернуть работы по строительству Дома советов полным темпом.

В течение же означенного времени Запстрой должен максимально форсировать подготовку участка, заготовку и вывозку основных строительных материалов: бутый камень, кирпич, цемент, известь, песок и балки.

Секретарь облизполкома КОЛЬЦОВ⁶

Суждения «некоторых чуждых элементов», что строится «Дом канцелярий» с кабинетами для «совбюрократов», тоже не были лишены оснований. В 1930 году промышленность Смоленска представляла собой (не считая мелких артелей): механический чугунно-литейный и трактор-ремонтный завод им. Калинина (бывший завод сельхозмашин товарищества «Вилия», эвакуированный в 1915 году из Вильно), керамический (бывший купца Будникова), 4 кирпичных завода, 3 лесопильных и 1 фанерный (бывшая катушечная фабрика Гергарди), 2 пивоваренных, фруктовых вод, винокуренный на Пискарихе, спиртоводочный на улице Кашена, хлебный, молочно-кислых продуктов и завод «Утиль» в Лестровке. К этому перечню следует добавить еще 3 фабрики: швейную им. Румянцева (прежде носившую название «Красный Швейник»), макаронную Смолпищепрома и пакетную Осоавиахима. Зато разного рода контор, управлений и трестов (помимо большого количества госучреждений и профсоюзных организаций) насчитывалось великое множество. Что собой представляла многочисленная

рать советских управленцев, хорошо показано в романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок» в образах «геркулесовцев»: начальника Польшаева, ответственного товарища Скумбриевича, секретарши Серны Михайловны с ее набором из тридцати шести штемпелей и, конечно же, «одного из ничтожнейших служащих «Геркулеса», скромного счетовода второго разряда Александра Ивановича Корейко.

Следует отметить, что знаменитые наши сатирики описывают подлежащих чистке «совслужащих» весьма саркастически. По крайней мере, и обаятельный мошенник, сын турецко-подданного Остап Бендер, и простодушный, бестолковый Шура Балаганов, и даже «жалкий и ничтожный» старик Паниковский вызывают больше симпатии, чем «геркулесовский» бухгалтер финансово-счётного отдела Берлага, бежавший в сумасшедший дом, «опасаясь чистки», и выворонный оттуда на следующий же день, и тот же Скумбриевич, выдавший на очной ставке «великому комбинатору» прямо в водах Чёрного моря сведения о «нечистых» акционерных делах, проворачиваемых в «Геркулесе».

Впрочем, столь же неуважительно писатели охарактеризовали и членов комиссии по проведению чистки: «А с недавнего времени в комнате № 262, где некогда помещалась малая буфетная, засела комиссия по чистке в числе восьми ничем не выдающихся с виду товарищей с серенькими глазами. Приходили они аккуратно каждый день и все читали какие-то служебные бумаженции».

Кстати, роман «Золотой теленок» был издан в 1931 году. Так что, можно считать, «чистка» в романе представлена документально.

Через много лет в подобную же «геркулесовскую» контору режиссер Эльдар Рязанов поместил героев своего «Служебного романа». Но зритель, увлеченный пери-

петиями взаимоотношений персонажей, блестяще сыгранных Алисой Фрейндлих и Андреем Мягковым, так и не обратил внимания на то, что в жизни советской бюрократии со времен Ильфа и Петрова почти ничего не изменилось. Что же касается сегодняшнего дня, то условия наибольшего благоприятствования позволяют российскому чиновничеству не только процветать, но и многократно умножаться при постоянно декларируемых кампаниях по их сокращению. В комнатах, «обставленных примерной бедностью», они, как подпольный миллионер Корейко, уже, разумеется, не живут, а предпочитают, как минимум, селиться на Рублёвке или, что предпочтительнее, иметь свои виллы в курортных зонах Средиземноморья.

Но в 1930 году, чтобы «пресечь очередную вылазку классового врага», еще приходилось напоминать, что «общественные интересы стоят выше личной заинтересованности».

Поучаствовал в развеивании «досужих слухов» и уже хорошо знакомый нам Иван Макарович Хозеров:

Участок выбран удачно

В Смоленске в текущем строительном сезоне начинается постройка грандиозного здания Дома советов в квартале 20А, т. е. в той части города, которая опоясывается улицами Карла Маркса, Почтамтской, Университетской и Октябрьской революции. Почти весь этот участок будет расчищен под площадь, на которой намечено возвести здание Дома советов.

Вопрос о месте постройки Дома советов давно обсуждается в различных инстанциях, пока окончательно не решено остановиться на квартале 20А. Между тем в городе ходят слухи о том, что место это, якобы совершенно неподходящее по условиям грунта, в виду существования в древности на этом участке пруда. Дело

заключается в том, что действительно блуз, так называемого, «государева двора», стоявшего в старину на территории данного участка, был небольшой пруд. Однако, данные бурения, произведенного в нескольких местах этого квартала, рисуют нам совершенно удовлетворительный характер грунта. Приводя эти данные вниманию специалистов и широкой общественности, станет совершенно очевидным беспочвенность досужих слухов о неудовлетворительности грунта указанного квартала.

Было произведено 6 скважин... Суммируя показатели характера геологической формации данного участка мы убеждаемся в полной нелепости предположений, что в этом районе имелось чуть ли не болото. Единственно правильным решением исторического указания о существовании пруда перед «государевым двором» является предположение, что пруд был искусственный, вырытый в достаточно плотной глинистой породе.

Следует отметить, что лишь в северо-западном углу этого квартала имеется, по-видимому, небольшой родник, но характер грунта в этом месте вполне надежен для капитальной постройки, хотя Дом советов фактически не попадает в эту зону.

И. ХОЗЕРОВ⁷

В том же 1930 году завершилось все коротким сообщением со своеобразной формулировкой о временном отсутствии «эффекта» от строительства:

В президиуме облисполкома

– В виду того, что строительство Дома советов и второго дома горсовета на Красноармейской площади в текущем году не может дать должного эффекта, президиум облисполкома предложил **ограничиться возведением фундамента под эти дома**

с тем, чтобы окончательная отстройка их была закончена в 1931 г.⁸

ОБСЛЕДОВАНИЕ

**группы Легкой Кавалерии в составе
т.т. ЕСИПОВИЧ и КРАВЕЦА сотрудников
Канцелярии Госмузея**

ГУДКОВ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Из Сведений о работниках музеев города Смоленска:

«Гудков Михаил Федорович, беспартийный, из дворян, делопроизводитель, работает в музее с 1929 года, образование – среднее».

Родился в 1883 году 26 октября. Сын дворянина. Отец его служил в уездном Полицейском Управлении помощником исправника, потом был переведен в Бельский уезд пом. исправника. Через некоторое время он был переведен в Смоленск исправником и ушел в отставку. Умер он в 1910 году, мать умерла в 1892 году. Отец ушел в отставку 56 лет отроду и получил пенсию. Он имел дом, подаренный городом по бедности с землей.

Об одном из его братьев есть слухи, что он был палачем, этот брат умер в 1912 году. Но он лично достоверных слухов не знает. Служил его брат в Софийском полку и был там солдатом. Принимал ли отец и брат участие в подавлении Революции 1905 года, он не знает.

Сам ГУДКОВ Михаил окончил 1-е Смоленское 6-классное училище. С 1906 г. по 1909 г. он вольноопределяющийся по слабости здоровья. 1903 г. 23 апреля был принят писцом в Крестьянский Поземельный банк. В 1913 г. 7 мая был назначен помощником бухгалтера 2-го разряда. За выслугу лет в Крестьянском Поземельном Банке был произведен в чин коллежского Регистратора 1-го ноября 1911 года. В 1914 году 1 апреля

назначен помощником бухгалтера 1-го разряда. С 1 октября 1914 года произведен в губернские секретари. С 1920 года до 1925 года служил в Красной Армии, но занимал везде канцелярские должности. За годы своей службы он служил во многих местах. В 1928 году 20 августа во время службы в Земуправлении он исключен из списков личного состава по чистке соваппарата с назначением в УЗУ на должность делопроизводителя. И с 22-го августа работает делопроизводителем Госмузея.

Просмотрев поверхностно все дела, Легкая Кавалерия нашла, что бумаги все находятся подшитыми в порядке, денежные документы тоже, все они записаны своевременно. О своем отношении к службе Гудков говорит, что оно хорошее.

Жена Гудкова служит с 1916 г. Служила она в интендантстве Минского Военно-окружного управления журналисткой, потом в 1918 г. перешла на службу в Чрезвычайную комиссию до 1923 служила в политуправлении, а с 1923 года служит делопроизводителем в милиции.

На службе ему приходится, как делопроизводителю, сталкиваться с сотрудниками музеев и он говорит следующее о тов. ЗАЙОНЧКОВСКОМ, стороже Естественно-Исторического музея, а также о стороже Тенишевского музея. За перевозку вещей Музея революции эти сторожа просили у него на водку 3 рубля, подбивая его на незаконные действия, говоря, что все равно, если он никому не скажет, никто не узнает, куда делись эти деньги, но этого требования не выполнил.

У т. ГУДКОВА М.Ф. есть документ его дедушки, из него видно, что его дед происходит из кантонистов, но имеет большие заслуги перед императором Александром по участию в разных боях, за что впоследствии он был произведен в капитаны и стал дворянином.

ХОЗЕРОВ ИВАН МАКАРОВИЧ

В настоящее время Зав. Картинной галлерей. Он 1889 года рождения 24 января, имеет незаконченное высшее образование. Отец его имел бондарную мастерскую на Рачевке, также работал бондарем на различных предприятиях, о чем есть документы. Мать его после смерти дяди купила его известковый завод, но отец все время продолжал работать на пивоваренном заводе Акц. Общества, брат работал механиком. В 1916 году сами построили кино и умея все работать сами, покупали старые вещи и, переделывая их, построили кино. Кирпичи они тоже делали кустарным образом. Он говорит, что кино давало неважный доход, тоже самое говорит об известковом заводе. И по его словам, только благодаря своей колоссальной предприимчивости, они выбились в люди.

Образование получил следующим образом. Окончил Смоленское Александровское Реальное училище; ученик 3-го класса Художественного училища общества Поощрения Художеств; прослушал общеобразовательный курс Психо-Неврологического института; студент Варшавского политехнического института.

По профессии художник со стажем 20 лет, техник-строитель со стажем 13 лет, лицейный работник со стажем 5 лет. Беспартийный. Член союза работников просвещения, на военном учете не состоит.

Службу начал с 1912 года. Работал в типо-литографии Подземского, позднее им. Смирнова художником и литографом-гушистом в различное время сдельно. За время службы занимал следующие должности: сотрудник худож. археологич. п/о Нар. Обр. Зап. Области, школьный работник графических искусств в школах 2-й ступени, зав. технич. отделом Уездно-городского Отд. Нар. Образования, работал художником, Техническим инспектором и зам. Зав. Строительным п/о Губкомуну-

правления в г. Смоленске, научным сотрудником быв. Тенишевского музея, Зав. Музейным Управлением, а после реорганизации Губоно организатором по делам музеев и охраны памятников искусств и старины при Зап. ОБЛОНО, одновременно был назначен Врид Директора Смол. Гос. музея, а потом по утвержд. Главнаукой Зав. Обл. Гос. музеем, Зав. Картинной галлерей. Исполнял работы даваемые ему научными организациями, как Главнаукой, так и Смол. Института краеведения, член комиссии Истории искусства Белорусской культуры, в 1928 году преобразованную в Белорусскую академию Наук.

На вопрос какую работу он проводил как инструктор музея, он ответил, что средств было мало и инструктировать без средств на 50 руб. трудно, но что он мог, то он и делал.

Хозеров говорит, что он всемерно добивался развития дела картинной галереи, а обращать внимание на приобретение экспонатов для Антирелигиозного музея не пришлось, так как он готовился к переселению в другое помещение.

На вопрос, каким образом он стал писать в заграничном белогвардейском журнале, он ответил следующее: Он получил приглашение писать туда от известного профессора Беляева, и он послал в этот журнал, который назывался Семинариум-Кондаковианом статью о памятниках зодчества гор. Смоленска. Эта статья была напечатана во 2-м томе. Но, в то время, когда была помещена статья Хозерова, там была напечатана также статья академика ЖЕБЕЛЕВА, в которой были допущены антисоветские выражения, и после этого стали обвинять всех писавших в этом журнале. Говорит, что по поводу этой статьи, он во многих местах давал объяснения, и в местком и в др. местах, и в результате все были удовлетворены его ответом и нашли, что он в белогвардейщине невинен.

На вопрос каким образом поступила его родственница Пашковская на службу в Историко-Культурный музей, он ответил, что благодаря ему, но этот вопрос был согласован с Трусовым /т. е. в Союзе/.

На вопрос каковы его взаимоотношения с Пашковской, он ответил, что других взаимоотношений, как с сестрой его жены, у него не было. /А есть слухи, что он с ней жил/.

О некоторых работниках, которых он знает, он дал следующие отзывы: Вьюнова /науч. сотрудника Тенишевского музея/ считает не очень сильным и не успевающим за нашими темпами.

Борщевский /Зав. Тенишевским музеем/ как научный работник не годится и строит свою работу на анекдотах.

Палашенков /научн. работн. Историко-Культурного музея/ тоже слаб, и говорит, что от его образования толка мало.

Хозеров говорит, что отец Палашенкова кулак, и он платил 89 рублей сельхозналога. По словам Хозерова, Палашенков заявил, что постройка антирелигиозного музея это только агитация, а нам агитки не нужно, и что Палашенков называл крест символом христианской любви.

Ширяев С. Дм., сын смоленского протоиерея, работал Зав. Гос. и Губ. Музеем, снят ГИКом с работы и на свое место устроил Палашенкова, жена которого дочь священника.

Говорили о том, что в Болдинском музее творились следующие безобразия: музей был в одном помещении с монастырем и Зав. Музеем Бузанов, когда уходил, отдавал ключи от музея настоятелю этого монастыря.

Хозеров этот факт объяснил тем – в то время он был Зав. Гос. музеем и сам был в этом музее, что вход на колокольню и в музей был один. И от этого входа был ключ и у монахов, а ключа от самого музея монахам не давали.

Работа Естественно-Исторического музея, по его мнению, поставлена доста-

точно правильно. И работники на своем месте.

Среди работников музеев просветительная работа не велась. Плана проверки достаточно ли нагружены научные работники нет. Молодые работники продвигаются только в виде стажеров.

Члены Легкой Кавалерии /ЕСИПОВИЧ/
/АНДРЕЕВА/

ОБСЛЕДОВАНИЕ
группой Легкой Кавалерии в составе
т.т. ЕСИПОВИЧ и АНДРЕЕВОЙ Картинной
галереи 19 марта 1930 года

МИШОНОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Родился в 1883 году 29 августа в гор. Смоленске. Отца не помнит, он остался 2-х лет после его смерти. Отец был поваром в имении, мать была прачкой на железной дороге при вокзале. Числится безземельным крестьянином Хохловской волости. Когда ему было 9 лет с ней случился удар и ее отправили сначала в больницу, а потом в богадельню в с. Стабну вместе с сыном. В богадельне Мишонов учился в церковно-приходской школе и окончил ее. По его просьбе исправник, посещавший богадельню, определил его в Соженскую школу 2-х классную министерскую, поучился в этой школе месяца четыре и, по просьбе исправника, был принят Тенишевой в Талашкинскую сельско-хозяйственную школу, где жил в приюте для сирот при школе. Окончив эту школу поступил в мастерскую Тенишевой, организованную в том же имении, где работал с знаменитыми художниками Врубелем, Репиным и т. д. В этой школе учился и работал до 1905 года пока не забрали на военную службу. С военной службы вернулся в Талашкино и работал в качестве мастера в этих мастерских самостоятельно. В 1908/1909 г. Тенишева отправила Мишонову в Париж, где он учился в частной художественной

академии «Жульен», проучился там год и уехал оттуда, так как не мог там учиться из-за плохого к нему отношения со стороны учащихся /барского отношения/. После приезда из Парижа, он приехал к семье в Талашкино, но Тенишева очень рассердилась на Мишонова и отдала приказ покинуть ему Талашкино в 24 часа. После этого он порвал всякую связь с Тенишевой.

В 1905 году Мишонов на военной службе, прослужил всего 6 месяцев и был демобилизован, как неспособный к военной службе по состоянию здоровья /белобилетник/. Сейчас он на воинском учете состоит. В Красной Армии не служил.

За время своей службы он занимал следующие должности: С 1910 г. до 1912 г. работал в Москве с художником Малютиным и в Сергиевском посаде. С 1913 г. по январь 1919 г. работал в качестве мастера и инструктора в художественно-столярной мастерской Московского Губернского земства за № 498 23/1-1919 г. С 1919 г. работал в Смол. Гос. Промышленной мастерской в качестве художника руководителя. В 1922 году был уволен со службы по случаю закрытия мастерских /справка/. С 1923 года работал в Смолгубземуправлении всевозможные столярно-малярные работы /справка/. С 1924 года работал в Губсельтресте малярные работы /справка от 1924 г./ и в 1925 году поступил научным сотрудником в Смоленскую Картинную галерею. Членский билет № 50 Профсоюза Работников Просвещения.

Жена Мишонова дочь сторожа и пастуха в Талашкине, отца которой после выселения его семьи из Талашкина тоже уволили. Жена его в 1905 году разбрасывала прокламации и за это была лишена возможности Тенишевой дальше учиться и подвергалась всяким гонениям.

Союзные собрания Мишонов посещает, но не все, в общественных организациях ни в каких не состоит, и в данное время никакого участия в общественной работе

не принимает. На наш вопрос, чем это можно объяснить, он ответил, что перегружен служебной работой. Он в течение 3-х лет не пользовался очередным отпуском, указывая на это причину, что без него некому больше было работать в картинной галерее, и просит не пользование этим отпуском засчитать ему как общественную работу. В 1928/29 году он принимал участие в стенгазете. И еще в порядке общест-венности написал плакат для музея революции.

ЛЕБЕДЕВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1910 году. Отец его родился в Самаре и там начал службу с почтальона. До 1906 года он служил в должности сортировщика, потом его назначили начальником перевозки сухопутной почты. По старости лет он ушел в отставку, за что потом получал пенсию. Умер его отец в 1917 году и после смерти мать получает за него пенсию на двоих детей: сына и дочь.

Лебедев Вл. имеет среднее образование, сначала он окончил семилетку, потом окончил 2-ю девятилетку о чем представил удостоверение. Он поступал в ВУЗ, но как приравненный по социальному положению к служащим, в ВУЗ не попал, причем при поступлении в ВУЗ имел следующие справки: справку, что находится на иждивении матери пенсионерки, о том, что они не лишены права голоса. Имеет справку из коллектива Деревообделочников, где работал в качестве чернорабочего с 17 октября до 29 ноября 1929 года и за окончанием работ направлен на Биржу Труда. Во время своего нахождения в школе принимал следующее участие в общественной работе: был членом группкома, лаборантом кабинета математики, участвовал в подшефной работе, в редколлегии, член Осо-Авиахима. Сейчас на службе пока никакого участия в общественной работе не принимает, так как недавно работает и

еще даже не утвержден в Члены Союза, взят на работу с Биржи Труда.

КОВАЛЕВА АЛЕКСАНДРА ЛАВРЕНТЬЕВНА

Уборщица картинной галереи.

1901 года рождения. Отец был безземельным крестьянином Куборовской волости Духовщинского уезда, служил сторожем в земской управе 25 лет. Потом он перешел служить в музей сторожем и прослужил там до 1923 года и умер, на его место поступила Ковалева Ал. Мать ее служила с 1918 года уборщицей в различных учреждениях, на что предоставлены справки.

Сама Ковалева окончила городское 2-х классное училище, в музее служит с 1923 года до настоящего времени. Член профсоюза Рабпроса с 1928 года.

До поступления на службу в музей служила уборщицей на Пехотных курсах с 1919 г. до 1920 г., но справки об этом не имеет. С 1920 г. до 1921 г. служила помощником повара на жел. дор. курсах и 2 года была безработной. Член ОСО-Авиахима, союзные собрания посещает редко. Участия в общественной жизни не принимает, говоря, что она не может нести никакой нагрузки. Имеет сына 10 лет, который пока неутвержденный пионер. На вопрос почему она не старалась продолжить своего образования, она ответила, что возможности ей предоставили, предлагая даже учиться на Рабфаке, но она не может учиться, так как у нее склероз сердца.

ВЫВОДЫ

сделанные группой легкой кавалерии при яч. ВЛКСМ ОБЛОНО по налету на Картинную Галерею

Налет был сделан в то время, когда картинная галерея для посещения публикой была закрыта, и кроме того в помещении карт. галереи перевозился естествен-

но-исторический музей. Мы проверили инвентарные книги и записи в них, в ведении этих книг нужно отметить то, что не все поступающие экспонаты записываются своевременно, есть пометки в книгах, что недопустимо.

Из старых экспонатов мы брали на поддержку инвентарные номера и проверяли по книгам, все экспонаты находились и бывали записаны, но все они были давно поступившими.

Экспонаты хранятся довольно бережно, в чистоте.

Картинную галерею в большей своей части посещают учащиеся, красноармейцы и вольная публика.

Как недостаток нужно отметить, плохую агитацию за себя, замкнутость в своей работе, которая велась только в стенах карт. галереи, в широкие рабочие массы, в массы просвещенцев эта работа не выносилась.

Общественность в работу вовсе не вовлекалась, да и не удивительно, так как сами работники общественной работой вовсе не занимались и не интересовались ею.

Темпы в работе музея страшно медленные, очень далеки от пятилетних, одна вещь обрабатывается чуть ли не годами.

Члены Легкой Кавалерии /ЕСИПОВИЧ/
/АНДРЕЕВА/

**Л. 132, 132 об., 133-136.
Машинопись. Подлинник.**

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рабочий путь. 1930. 24 января. № 19.
- ² Рабочий путь. 1930. 25 мая. № 118.
- ³ Рабочий путь. 1930. 20 апреля. № 90.
- ⁴ См.: Валуев Д.В. Лиценцы в системе социальных отношений (1918-1936 гг.). Смоленск: Маджента, 2012. С. 88-89.
- ⁵ Рабочий путь. 1930. 30 апреля. № 98.
- ⁶ Рабочий путь. 1930. 31 мая. № 124.
- ⁷ Рабочий путь. 1930. 26 апреля. № 94.
- ⁸ Рабочий путь. 1930. 24 октября. № 256.

**Выводы и предложения
по структуре
и выводам по личному составу**

Мы уже упоминали, что по национальности население Западной области было в основном, как тогда называли, великорусским. Небольшой процент составляли украинцы, белорусы и поляки, что вполне объяснимо историческим соседством этих народов с пограничной Смоленщиной. А вот прибалтийские народы стали переселяться на смоленские земли во второй половине XIX века и, особенно, с началом проведения столыпинской реформы, покупая через Крестьянский поземельный банк, как правило, бросовые, небольшой стоимости земли. Вторая волна переселенцев хлынула на Смоленщину с захватом немцами Прибалтики и Белоруссии в Первую мировую войну.

С образованием 1 октября 1929 года Западной области здесь было зарегистрировано 18 тыс. латышей, компактно проживавших в 27 населенных пунктах сельской местности. К концу 1931 года на территории области был организован 31 латышский колхоз. В школах на латышском языке обучалось более 40 процентов учащихся.

ЛАТЫШСКИЙ КЛУБ КРАСНОГВАРДЕЙСКО-УМОЛХОВСКОГО ВОУЗОВ.

СУББОТА 19 АПРЕЛЯ – НА ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

**Большой антирелигиозный
АНТИПАСХАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР**

1. Доклад – Классов. сущность религии и задачи антирелиг. пропаганды.
2. Две антирелиг. постанов. по 1д.
3. Концертн. отд. (пение, скрипка, великорусск. ансамбль, и др.). Массовые игры.

Играет великорусск. ансамбль.

Нач. в 8 час. ч. в.

Вход для чл. клуба и их семей бесплат. по клубным билетам.

Всего сеть национальных школ в Западной области возросла и в 1929/30 учебном году составляла 134 единицы школ первой ступени и 20 школ более высокой второй ступени.

В Смоленске был открыт Еврейский педагогический техникум, действовали Еврейский передвижной и Латышский колхозный театры. Последний обслуживал латышей не только Западной области, но и Белоруссии. В конце 1930-х годов руководство и часть актеров обоих театров были репрессированы.

Коллективизация, особенно усилившаяся в Западной области после 1929 года «великого перелома», способствовала разрушению хуторских хозяйств и расслоению компактно проживавших национальных меньшинств – населения латышских, литовских, эстонских и немецких колоний и еврейских местечек на бедняков, середняков, кулаков и нэпманов. Разрушение традиционного уклада жизни национальных меньшинств приводит к различного рода эксцессам. В печати появляются многочисленные заметки о проявлениях антисемитизма на производстве и в быту:

Травят еврея

В катушечном отделе ярцевской фабрики работает еврей Хургаль. Работает не хуже других, делает все то, что ему дадут.

Понадобился мастеру катушечного отдела человек для упаковки сосновых валиков. Мастер предлагал эту работу всем таскальщикам отдела, но никто из них не согласился, мотивируя тем, что расценка низка – 10 коп. с валика. Хургаль согласился упаковать валики за эту расценку.

После этого случая некоторые таскальщики не дают Хургалю прохода, оскорбляя его на каждом шагу, называя «жидом» и т. д. Мало этого, они поймали крысу и прибили ее к ящику, где Хургаль берет гвозди для упаковки. Несмотря на то, что это вхо-

Работать в еврейские праздники НА ПОСТРОЙКУ САМОЛЕТА

дит в их обязанность, таскальщики отказались помогать Хургалю сложить на место валики, которые весят по 7–10 пудов.

И даже пожаловались в цехпрофбюро. Таскальщик Тереха заявил председателю цехпрофбюро:

– Иди, разбирайся, опять заставляют помогать «жиду» укладывать валики.

РАБОЧИЙ¹

Тем не менее, газеты пестрят заголовками, свидетельствующими об участии беднейшей части еврейского населения во всякого рода кампаниях, проводимых советской властью:

«Мы, еврейские трудящиеся города Смоленска, собравшиеся в гортате, в количестве 750 человек, приветствуем постановление губисполкома о передаче, согласно наших требований, здания хоральной синагоги под дом культуры еврейских трудящихся.

Фридманы и Ко в своих личных интересах игнорировали желания свыше 4000 взрослых евреев Смоленска, которые настаивали на изъятии хоральной синагоги. Десятки резолюций многочисленных собраний и митингов еврейских трудящихся говорили о необходимости передачи здания хоральной синагоги под дом культуры еврейских трудящихся, но эта черная клика вставляла палки в колеса на пути многотысячных пожеланий евреев.

...Позор им – врагам раскрепощения еврейских трудящихся масс от религиозного дурмана, врагам проведения культурных начинаний!»²

Одновременно с кампаниями по закрытию церквей и синагог проходили ещё кампании по снятию с храмов колоколов и отправке их на переплавку, по сбору средств на тракторы, на постройку самолёта и даже сбору золотых и серебряных вещей в фонд индустриализации:

Объединенное собрание артелей портных «Энергия» и шапочников «Красный Октябрь» единогласно постановило работать в воскресенье, 6 октября 1929 г., во второй день еврейского праздника, и заработанные суммы передать на постройку самолета «Биробиджан». Собрание вызывает последовать их примеру фабрику «Красный швейник».

ВАЙНШТЕЙН

Все члены артели «Труженик» постановили работать в день еврейского праздника «Рош-Шоно». 50 проц. заработка пойдут на укрепление совхоза «Гигант» и 50 проц. в фонд постройки самолета «Биробиджан».

Х.³

Общесоюзные кампании не просто находят отклик в глубинке, там активно выступают ещё и со своими инициативами. По крайней мере, об этом сообщает местная пресса. Так, в газете «Смычка», органе Рославльских Окружкома ВКП(б), Окрисполкома и Окрпрофсовета сообщается о почине жителей еврейской национальности из пос. Дубровка:

Поднимем кампанию за сдачу золотых вещей В фонд индустриализации страны

Передовые рабочие Советского Союза давно уже подняли кампанию за сбор золотых и серебряных вещей и других драгоценностей в фонд индустриализации страны.

В момент, когда идет лихорадочная перестройка народного хозяйства на социалистических основах, и вся трудящаяся страна с засученными рукавами окунулась в эту стройку, как-то странно видеть у иных товарищей золотые браслеты и коль-

ца, ценность, носимую для украшения, когда для новой стройки мобилизуются все средства, вплоть до второстепенных отбросов.

«Смычка» помещает ниже почин Дубровцев по сдаче золотых вещей, надеясь, что вся общественность нашего округа откликнется на этот почин, организовав массовое соцсоревнование и вызовы.

Сдали свои золотые вещи и вызывают

По инициативе Дубровской еврейской избы-читальни был проведен вечер «За новый быт». Вечер прошел очень живо и вызвал интерес у всех присутствующих.

Во время своих выступлений за новый быт граждане: Красиков М., Кайданова И., Кац Хана, Кац Ф., Мескина Ф., Калпина, Фрейдлина и Левитина Г. внесли свои кольца (золотые) в фонд индустриализации и вызвали на соцсоревнование последовать их примеру следующих товарищей: Барович Р., Барович Ф., Белкина П., Белкина Ф., Белкина С., Слуцкер Р., Пшеничнер Ф., Каца Грегор. и учительницу школы кройки и шитья.

Кольца уже внесены в кассу госбанка г. Рославля⁴.

ЕВРЕИ НА ЗЕМЛЕ

(Письмо из Джанкойя)

Евреи-переселенцы, переселившиеся из Смоленской губ. в Крым на землю в 1925 г., успели за это время выстроить на 4-м переселенческом участке Джанкойского участка 63 дома и надворные постройки к ним. Евреи-переселенцы в нынешнем году приняли активное участие в хлебозаготовках; сдали государственным и кооперативным организациям 16700 пуд. пшеницы и около 8.000 пуд. ячменя, выполнив, таким образом, контрольную цифру свыше чем на 100 проц. Пересе-

ленцы-евреи в Крыму подняли урожайности своих полей, по сравнению с прошлым годом, на 25 проц. и расширили посевную площадь на 10 проц. Весь посевной объединился в одно посевное товарищество, кроме 19-ти хозяйств, которые состоят членами колхоза «Прогресс». Колхоз этот занимает второе место в районе после коммуны «Октябрь». Все переселенцы обеспечены рабочим скотом и кормами.

...Беда наша в том, что не достает культурных средств, нужно было бы ОЗЕТУ⁵ заняться этим вопросом и прийти нам на помощь в устройстве детских ясель, выписке литературы, связи с ячейками ОЗЕТА, наладить обмен мнениями. Все это создало бы больше плановости в работе как на месте выхода, так и на месте переселения.

Переселенец г. Рославля Фрейдлин И.⁶

Выводы комиссии по обследованию музея им. Круппской

Комиссия в составе тт. Елагиной, Амосенко, Ланина и Дмитриева, ознакомившись с работой названного музея, нашла, что музей построен по эстетическому принципу, совершенно не отвечает запросам современности. Отсутствие этикетки не позволяет посетителю-одиночке разобраться в значении обозреваемого экспоната. В экспозиционном отношении совершенно не отражена социально-классовая сторона. В частности, отдел церковной иконописи представлен без соответствующих объяснений и экспонированный не соответствующим образом (нет разделения по мастерам и эпохам) не дает возможности проследить развитие иконописи. Все это производит впечатление молельни. Своему названию музей не отвечает в силу того, что экспонаты в их практическом применении не показаны (не даны рецепты и стадии развития производства). Заметна излишняя популяр-

ность княгини Тенишевой (портреты княгини находятся почти в каждом отделе). Отсутствует какая бы то ни была связь с производством. Часы открытия музея не дают возможности посещения его основными массами, занятыми в это время на работе. На основании изложенного Комиссия считает необходимым:

1. Реорганизовать всю работу музея, в частности, немедленно закрыть для обозрения отдел церковной описи.
2. Немедленно убрать все изображения княгини Тенишевой.
3. Приспособить часы открытия музея для широкого обозрения.
4. Музею проработать детальный план реорганизации и проработать его не только на ученом совете, но и поставить таковой на обсуждение широких масс.

В отношении отдельных работников Комиссия считает что:

1. Завед. Отделом Борщевский безусловно является крупным специалистом, имеющим большие заслуги в деле организации музея, но наряду с этим, он не удовлетворяет всем требованиям и запросам современности. Комиссия считает необходимым освободить тов. Борщевского от административных функций, используя его богатые знания и опыт на поприще научного консультирования.

2. Т. Вьюнов – научный сотрудник – совершенно не отвечает своему званию, консервативен, совершенно не подходит к современным требованиям музейной работы не только по своему социальному положению, но и по своей идеологии. Должен быть немедленно снят с работы без права работы в музейных органах.

Члены Комиссии

Подписи /Елагина/
/Дмитриев/
/Амосенко/

От итогового протокола комиссии по чистке в архиве сохранились лишь «Вы-

ВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СТРУКТУРЕ» и «ВЫВОДЫ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ». От констатирующей части остался только небольшой фрагмент:

«...например, в музее работала свояченица Палашенкова ЯКОВЛЕВА, свояченица ХОЗЕРОВА – т. Пашковская, вахтеры ЛЕБЕДЕВ и РАЧИЦКИЙ работают без ведома Биржи Труда. Руководство со стороны ОблОНО и Главнауки не велось. Обследование Главнаукой не имело никаких практических результатов. Обследования со стороны ОблОНО совершенно не было. Музеи очень часто закрывались и размещения экспонатов не проводилось. Так, историко-культурный музей был закрыт 11 месяцев и картинная галерея 8 месяцев. В своей работе музеи не привлекали массы и не практиковали таких форм работы, как выставка на предприятии, беседы и лекции. Основными посетителями музеев являлись служащие и прочие. Рабочих посещало от 15 до 20%. Узкая замкнутость в работе музеев и их аполитичность объясняется совершенным отсутствием в аппарате музеев партийной, комсомольской и выдвигенческой, которые были привлечены на работу в музее только в начале 1930 года. Таким образом, правление музеев целиком состояло из одних служащих и беспартийных.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СТРУКТУРЕ.

1. Комиссия считает целесообразным и в дальнейшем сохранить структуру управления и руководства музеями, а именно:

Правление музеев, возглавляемое директором, состоящее из Зав. отделений. Одновременно, комиссия считает необходимым иметь при ОблОНО специального инспектора по делам музеев Западной области.

2. Существование шести почти параллельных музеев, требующих отдельного

обслуживающего персонала, ассигнований и помещений, комиссия считает нецелесообразным и находит возможным произвести слияние их и организовать в первую очередь отделы следующего характера:

а) Историко-революционный, внося в его содержание и экспозицию строгую последовательность, развитие общественных форм, показа возникновения и развитие классовой борьбы вплоть до наших дней, отразив реконструкцию нашего хозяйства и достижений на фронте социалистического строительства.

б) Антирелигиозный. Показать на основе сопоставления учения священного писания и доказательства науки возникновения органических форм и их эволюцию. Проникновение религиозных верований и классовое лицо религии.

в) Музей краеведения. Выявить Западную область, обращая внимание на изучение ее производительных сил, энергетики, зоофауну с точки зрения практического значения в хозяйстве нашей области.

г) Музей прикладных и декоративных искусств, объединенный с картинной галереей, перевести на систему выставок по политико-просветительным, практическим и художественным вопросам.

3. Отмечая замкнутость и аполитичность музея, как явление ненормальное, комиссия считает необходимым насытить содержание музеев вопросами современности, перейдя к популяризации объектов, связанных с нашим хозяйством и вопросами полит. и хоз. кампаний. Организовав ряд выставок, лекций, бесед на производствах, одновременно наладив связь с краеведческим обществом.

4. Для большего привлечения ответственности к работе музеев, необходимо расширить общественно-политический совет музея, с вовлечением в него рабочих с производства.

5. Отмечая, как ненормальное явление, отсутствие в работе конкретных планов,

комиссия считает необходимым положить строгую плановость во всю работу отдела.

6. Учитывая необходимость коренного изменения музейной работы и необходимости превращения их в массовые школы политико-воспитательного значения, комиссия считает необходимым вовлечение в аппарат музея партийно-комсомольской части.

7. Добиваться орабочивания аппарата музея за счет контрактации студентов рабочих соответствующих ВУЗов, одновременно выдвигая лучших из вахтеров на переквалификацию в порядке движения.

ВЫВОДЫ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ.

1. ХОЗЕРОВ Иван Макарович, родился в 1889 году, из мещан г. Смоленска. До революции на имя матери числился известковый завод с эксплуатацией рабочих. Кино. Отец имел кустарную бондарную мастерскую и одновременно работал в качестве бондаря с 1888 по 1924 включительно. В 1930 году умер. Имеется 2-х этажный каменный дом. Беспартийный. Имеет незаконченное высшее образование. Учился в Смоленском реальном училище, в художественной школе (общества поощрения художников), в Варшавском политехническом институте. Службу начал с 1912 года. Занимал следующие должности: сотрудник-археолог, Зав. техотделом Уездного Отдела Народного Образования, сотрудник Тенишевского музея, Инспектор ОблОНО, Зав. картинной галереей, директор музея, Зав. учебно-строительными курсами ЦИТа. Между тем, как на ряд должностей тов. ХОЗЕРОВ не имел юридического права, как-то Зав. картинной галереей и директор музея. Ведя рваческую политику в погоне за заработком и набирая ряд работ по совместительству совершенно не уделяя внимания основной работе. В результате чего в работе музеев оказались

крупные прорывы. Музеи были закрыты: историко-революционный – на 11 месяцев, и картинная галерея начиная с 1925 г. систематически закрывалась на ремонт от 3-х до 8-ми месяцев в году. Сотрудники в этот период времени часть из них наблюдала за ремонтом, а часть, ничего не делая, получала жалование. Сам же т. ХОЗЕРОВ использовал это время на работе по совместительству. В музеях была бесплановость и бесхозяйственное отношение к объектам эксплуатации в целях извлечения спецсредств, например, башня, принадлежавшая музею, отдавалась в аренду безвозмездно. Картины привозились без плана, без политической установки, привезено 90 картин и картин таких художников, как Верещагин, имеется всего лишь одна. На ремонт затрачивались большие средства, особенно на ремонт картинной галереи (3.000 руб.) и совершенно не уделялось внимания таким музеям, как музей революции, где затрачено было на ремонт всего 25 рублей. Его работа в качестве инспектора по делам охраны памятников старины и искусства свелась к охране только церковной старины. Это говорит о том, что на зданиях музея вплоть до 1929 года возвышались кресты (отобранная церковь) и уже сняты по приказанию вышестоящих органов. В то время, как первоклассные памятники старины: участок Гнездово, могильный курган типа VIII–XI века хищнически разрушался. Разрушена крепостная тюрьма, могила Зайчневского и со стороны т. ХОЗЕРОВА этим вопросам не было уделено никакого внимания. Заведывая картинной галереей, он не старался внести в ее содержание наряду с церковным и светски-буржуазным искусством показать социальное значение искусства революционного периода. Тов. ХОЗЕРОВ брал упор на эстетическую сторону в картинной галерее. Тов. ХОЗЕРОВ являлся сотрудником эмигрантского журнала «Семинариум-контаквиум» («Семинари-

ум-Кондаковианум») – в честь русского историка академика Н.П. Кондакова – прим. автора.), издаваемого в Праге носящего явно реакционный и антисоветский характер, о чем в свое время послан коллективом работников Смол. Гос. музея протест в газету «Рабочий путь». Тов. ХОЗЕРОВ использовал свое положение, как директор музея, распоряжаясь кредитом, отремонтировал себе квартиру за средства музея, в здании, не принадлежащем музею. Занимался протекционизмом, устроил на работу тов. ПАШКОВСКУЮ, родственницу жены.

Тов. ХОЗЕРОВ, будучи инспектором по музеям, выработал инструкцию по охране Болдинского монастыря-музея. Пункт 9-й гласит: «один ключ находится в ведении зав. музея, другой у священника Пафнутия Ковалева», что является совершенно недопустимым, хотя тов. ХОЗЕРОВ в период чистки представил копию инструкции, доказывая, что это была опечатка, введя, таким образом, в заблуждение комиссию.

Как личность тов. ХОЗЕРОВ представляет собой человека-карьериста. Он выдавал себя за члена БАН (Белорусской Академии наук – прим. автора.), между тем являясь только членом комиссии БАН. Выдает себя за сына рабочего, несмотря на то, что родители его в прошлом занимались эксплуатацией чужого труда. Стремясь создать себе рекламу ученого, он занимался подчас плагиатом чужих трудов. Так он присвоил себе работу Барановского – архитектора Главнауки по изучению Петропавловского храма, в то время, убеждая комиссию, что Барановский похитил его труды. Как о работнике и специалисте газета «Советская Беларусь» характеризует его при подводе итогов работы БАН по изучению Софийского собора, пропитанную чуждой реакционной идеологией. Комиссия считает необходимым вычистить тов. ХОЗЕРОВА по первой категории.

2. ВЬЮНОВ Александр Николаевич, родился в 1876 году, сын торговца, родители

имели антикварный магазин и типографию. Беспартийный, окончил Смоленский Археологический Институт, был режиссером-актером. В музее с 1925 года, за весь период его работы в Музее не внес ничего нового в работу музея, ибо, имея образование археолога, он не понимал значения и задач прикладных и декоративных искусств. Отзывы экскурсий о тов. Вьюнове характеризуют его, как экскурсово-неподготовленного и аполитично объясняющего значение экспонатов, совершенно не связывая с социальными моментами. В бытность свою ученым секретарем тов. ВЬЮНОВ по отзывам бывшего директора тов. МЕЛАНДЕРА с своей обязанностью не справился. В бытность свою Зам. директора тов. ВЬЮНОВ пытался использовать свое положение в личных целях для продажи своих шкафов музею по повышенным ценам. Порученная работа по заведыванию библиотекой музея до сих пор не приведена в порядок, что говорит о его недобросовестном отношении к работе. Комиссия считает, как лжеспециалиста, тов. ВЬЮНОВА – вычистить по второй категории.

3. АМОСЕНКО Амос Иванович – член комсомола, из крестьян, родился в 1909 году, образование среднее, работает с 1930 года в качестве директора музея, выдвигенец, любит работу и добросовестно относится. Комиссия считает проверенным.

4. ГУДКОВ Михаил Федорович – беспартийный, родился в 1883 г., дворянин, работает с 1929 г. в качестве делопроизводителя, образование имеет среднее, отец бывш. пристав, политически совершенно неграмотный, общественной работы не ведет никакой. Комиссия считает вычистенным по третьей категории.

5. ЕЛАГИНА Агафья Александровна – член партии с 1925 г., из рабочих, образование имеет низшее, Зав. историко-революционным музеем. Комиссия считает проверенной.

6. ПАЛАШЕНКО (ПАЛАШЕНКОВ – прим. автора.) Андрей Федорович, беспартийный, из крестьян, научный сотрудник, работает с 1921 г., образование имеет высшее. Комиссия считает проверенным.

7. ВЕРЖБИЦКИЙ Яков Григорьевич, родился в 1900 году, образование имеет высшее педагогическое, работает с 1929 года, комиссия считает целесообразным использовать на педагогической работе. Считать проверенным.

8. ДОМОРАЦКИЙ Аркадий Трофимович, родился в 1904 г., беспартийный, образование имеет среднее, служил келейником у архиерея, в настоящее время работает сторожем. Считать проверенным.

9. ЛУКШИНА Александра Игнатьевна. Родилась в 1910 г. Дочь рабочего, кандидат в члены комсомола, работает с 1929 г., работой не интересуется, имеет большое желание пойти на дошкольную работу. Считать проверенной, использовать на дошкольной работе.

10. ЗАХАРЕНКО Сергей Иванович, родился в 1886 г., беспартийный, работает в качестве сторожа с 1927 г. Считать проверенным.

11. МЕЛАНДЕР Владимир Алексеевич. Научный сотрудник. Образование высшее. Дворянин. Беспартийный. Работает в музее с 1923 г. Считать проверенным.

12. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Григорий Никодимович. Родился в 1883 г., из крестьян, сторож, беспартийный, работает с 1925 г. Считать проверенным.

13. БОРЩЕВСКИЙ (БАРЩЕВСКИЙ – прим. автора.) Иван Федорович. Родился в 1851 г., из служащих, беспартийный, имеет образование незаконченное высшее, работает в музее с 1898 г. Губисполкомом Смоленским за его работу дана персональная пенсия. Комиссия считает в связи с преклонностью возраста освободить от должности Зав. прикладных и декоративных искусств музея.

14. РАЧИЦКИЙ (РАЧИТСКИЙ – прим. автора.) Иван Васильевич. Родился в 1906 г., из служащих, образование имеет среднее, к работе относится халатно. Комиссия считает необходимым освободить от должности вахтера.

15. РЫЖКИН Георгий Герасимович. Из крестьян, родился в 1887 г., беспартийный, сторож, работает с 1929 г. Считать проверенным.

16. МЕШОНОВ (МИШОНОВ – прим. автора.) Александр Павлович. Из мещан, родился в 1883 г., образование имеет среднее, работает с 1925 г., политически неразвит, беспартийный. Комиссия считает использовать его только как узкого специалиста в картинной галерее в качестве художника.

17. ЛЕБЕДЕВ Владимир Васильевич – родился в 1910 г., из служащих, вахтер, образование имеет среднее, к работе относится халатно, политически не развит, пробелы в его работе объясняет подготовкой в ВУЗ. Комиссия считает от занимаемой должности вахтера освободить.

18. ТКАЧЕВ Иван Фролович – родился в 1887 г., из крестьян, сторож, беспартийный, работает с 1913 г. Считать проверенным.

19. КОВАЛЕВА Александра Лаврентьевна. Дочь рабочего, сторож. Беспартийная. Комиссия считает проверенной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ /ШПАКОВА/
ЧЛЕНЫ КОМИССИИ /ДРОНЕ/
/КОЛБЕЕВ/
/КАРПЕКИН/
/ГУН/
/КОЛОСОВА/

Л. 185–186 об. Машинопись. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабочий путь. 1930.

² Рабочий путь. 1928. 5 августа. № 181.

³ Рабочий путь. 1930.

⁴ Смычка.1930. 5 февраля. № 15.

⁵ ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся) – общественная организация, существовавшая в СССР с 1925 по 1938 год и ставившая первоначально целью обустройство советских евреев посредством «аграризации».

⁶ Рабочий путь, 1930. 27 февраля. № 43.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЧИСТКИ

Начало «чистке» госаппарата 1929–1932 годов было положено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1929 года «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций».

Суть этого постановления выражена в первом же его пункте:

1. Предоставить органам рабоче-крестьянской инспекции право выносить обязательные для всех государственных учреждений и предприятий, а также кооперативных и общественных организаций, постановления по нижеследующим вопросам:

а) о запрещении навсегда или на время службы во всех звеньях советского и кооперативного аппарата, а также в общественных организациях лицам, при оценке работы которых выяснилось, что она безусловно вредит интересам рабочего класса, вследствие чего оставление их на службе является абсолютно недопустимым;

б) о запрещении навсегда или на время занимать должности в определенной местности или в определенном ведомстве, учреждении, предприятии или организации;

в) о запрещении навсегда или на время занимать ту или иную категорию должностей в советском и кооперативном аппарате, а также в общественных организациях.

Это означало, что люди, которые, по мнению специально созданных комиссий по

чистке, «безусловно вредили интересам рабочего класса», становились изгоями, так как по специально разработанной и утверждённой на объединенном заседании Президиума Центральной контрольной комиссии и Коллегии Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции СССР и РСФСР в начале мая 1929 года и одобренной Советом Народных Комиссаров СССР «Инструкции НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата», они не только лишались работы в государственных органах, кооперативных и общественных организациях, но и в соответствии с пунктом 4 указанного постановления еще лишались и

...права на получение выходного пособия, а также пособия по безработице и всех видов пенсионного обеспечения.

Таким образом, быть вычищенным по первой категории означало потерю права работы в советских учреждениях и права на социальные пособия и пенсии. Многие при этом лишались ещё и служебного жилья. Кроме того, поскольку подразумевалось, что людей, вычищенных по этой категории, отличает «абсолютная невозможность их исправления», они брались биржами труда на особый учет, что, по сути, означало «волчий билет» – невозможность найти себе какую-либо работу, кроме самой неквалифицированной, «чёрной».

Снятые с работы по второй категории тоже вынуждены были оставлять привычное место работы, а зачастую и менять место своего жительства на периферию, так как в постановлении особо оговаривалось:

о запрещении навсегда или на время занимать должности в определенной местности...

Третью категорию составляли те, которых, по мнению комиссии, «нецелесообразно» было использовать на ответственных должностях. Предполагалось, что

«вычищенные» с этих должностей специалисты, обладающие опытом и знаниями, останутся в аппарате на технической работе, либо отправятся на пенсию, а их место займут угодные власти «*выдвиженцы*».

Как показала чистка аппарата Смолгосмузея, к тому времени переименованного в Западный областной государственный музей (ЗОГМ), основным критерием определения во «*вредители интересам рабочего класса*» служило социальное происхождение, то есть принадлежность к «*бывшим*»: дворянам, помещикам и пр. Другим компрометирующим фактором на руководящих должностях зав. музеем или зав. отделом была беспартийность, которой поголовно отличались сотрудники, имеющие высшее образование. Но беспартийность оказалась большей «*крамолой*», чем отсутствие не только высшего, но даже и среднего образования. Поэтому на должность зав. музеем декоративных и прикладных искусств им. Крупской, после увольнения старейшего работника, одного из основателей музея И.Ф. Барщевского, комиссия по чистке рекомендовала тов. Зайцева, «*по соц. происхождению – рабочего с большим производственным стажем, члена Партии с 1927 г., образование низшее*». Ещё в 1929 году на должность заведующей историко-революционным отделом была назначена бывшая портниха, член партии с 1905 года А.А. Елагина, также с «*низшим*» образованием. А возглавлял Западный областной государственный музей с 1930 года 30-летний выходец из крестьян, член ВЛКСМ Амос Амосов со средним образованием.

Конец 20-х – начало 30-х годов – это время постоянных реорганизаций в музее. Отделы закрывались, создавались новые, коллекции перемещались в другие здания или подолгу лежали в коробках после переездов в ожидании ремонта выделенных помещений. Над коллективами научных сотрудников довлела активно

преодоления руководством концепция преобразования музеев из «кунсткамер» – «простых хранилищ документов и экспонатов» в «политическо-просветительные школы, отражающие историю развития общественных форм культуры и революционного движения в Марксистско-Ленинском освещении». На практике, к примеру, по рекомендациям, выработанным Амосенко, отдел декоративного и прикладного искусства требовалось «построить по принципу производственному... – краткая история данного рода искусства, его техника производства, его применение в практике (по керамике, камень, металлу и дереву), осветив влияние и отражение социальных форм общества на данном искусстве».

Это при том, что, по мнению Амосенко: «Собранный прихотью княгини Тенишевой, построенный по эстетическому принципу, набором однородных вещей, музей остался таким, каким был 20 лет назад. Этот набор предметов, расположенных без всякой системы, связи с жизнью, не отвечает своему назначению».

К тому времени Тенишевский музей уже носил имя Н.К. Крупской.

Чистки проводились с привлечением широких масс, с объявлением об их начале в конкретных организациях или учреждениях в прессе и предложением сообщать в комиссии по чистке сведения (как правило, дискредитирующие) для выявления «политического лица» того или иного сотрудника. Это открывало простор для местничества, сведения счетов, устранения конкурентов по продвижению по служебной лестнице и неугодных вообще.

Некоторые заседания комиссии по чистке похожи на перекрёстный допрос, порой даже с пристрастием. Не обошлось и без унижительных допытываний о половых связях, и оскорбительных обвинений в воровстве музейного имущества.

Вольно или невольно, но в ходе кампании чистки складывались и обрабатывались приемы выявления и осуждения «врагов народа» в период массовых репрессий 1937–1938 годов, когда приговоры выносились уже не комиссиями, состоящими из общественников, а внесудебными «тройками», приговаривавшими обвиняемых без права обжалования к высшей мере наказания – расстрелу. Подобная участь ожидала и некоторых из тех, кому каких-то 7–8 лет назад в процессе чистки вменялись всего лишь «бюрократизм» или «нежелание передавать свои знания на пользу рабочему классу».

Первым в списке «Выводов по личному составу» оказался И.М. Хозеров, он же стал единственным, кто был «вычищен» по первой, самой высшей по степени дискредитации категории. Но покинул музей он только в мае 1931 года после еще одной чистки, учиненной в Западном областном государственном музее городской контрольной комиссией ВКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекцией. Сообщается даже, что, как и в двадцатые годы, Хозеров после «вычищения» подвергался «судебному преследованию»¹. Но в архиве УФСБ России по Смоленской области следственного дела в отношении Хозерова нет. Следовательно, подвергаться «судебному преследованию» он мог только по уголовным, а не политическим статьям.

«В связи с преклонностью возраста» от работы в должности заведующего отделом декоративных и прикладных искусств был освобожден И.Ф. Барщевский, самый опытный музейный работник. Еще в 1923 году в небольшой заметке «И.Ф. Барщевский (К 25-летию службы в музее и 45-летию научной деятельности)», опубликованной в газете «Рабочий путь», сообщалось: «Столь ценные заслуги И.Ф. перед русской наукою отмечены Советскою Властью, назначившей ему по случаю 45-летия научной деятельности пожизненную пенсию и

Кроме того одновременно пособие от Наркомпроса»².

В музейных материалах нашего времени можно встретить информацию о том, что Барщевский в 1931 году был обвинен по 58-й статье в присвоении ценностей и валютных операциях и до суда в течение года находился в заключении, а впоследствии отпущен. Но в УФСБ России по Смоленской области сведениями о применении политических репрессий в отношении Барщевского Ивана Федоровича не располагают.

В копии автобиографии, хранящейся в ГАСО, написанной чернилами и правленной карандашом почерком отличным от почерка Барщевского, сообщается: «В 1930 г. я по болезни подал в отставку, а в 1923 году Смоленским Исполкомом мне была назначена пожизненная пенсия в размере получаемого мною содержания. В 1931 году я получил государственную Академическую пенсию, которую и получаю в размере 200 р. В настоящее время с 1933 г. я состою реставратором при филиале Г.И.М. (Государственный исторический музей – прим. автора.) в Коломенском музее с содержанием 225 р.»³.

Период с 1931 по 1933 год в автобиографии ученого никак не отражен.

Объект яростных нападок Хозерова Андрей Федорович Палашенков после завершения чистки некоторое время исполнял обязанности директора Смоленского областного государственного музея, затем в начале 1931 года возглавлял отдел прикладного и декоративного искусства, в конце того же года Музей крепостной стены.

В начале 1930-х годов, являясь одновременно инспектором по охране памятников старины Западной области, Палашенков приложил немало усилий по спасению от уничтожения исторических монументов Смоленска, включая памятники Героям 1812 года («с орлами») и защитникам Смоленска в сражении 4–5 августа в виде

часовни, увенчанной православным крестом, которые намеревались отправить на переплавку. Видимо, власть не простила ему этого противостояния. Наверняка припомнили ему и отказ содрать чугунные полы в Успенском кафедральном соборе, и защиту участка Смоленской крепостной стены от разрушения. В 1933 году ученый был снят с работы в музее и, будучи уже научным секретарем Облбюро краеведения, 7 сентября арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности.

В первой половине 1930-х годов в Москве прошли массовые аресты столичной интеллигенции: ученых и деятелей культуры. Чтобы уличить их в создании разветвленной сети антисоветской контрреволюционной организации, нужны были ее участники и в провинции. Что же вменяли в вину смоленскому ученому-музейщику?

Приведем лишь малую часть сочиненного на него доноса:

«Практическая деятельность члена контрреволюционной, фашистской организации ПАЛАШЕНКОВА по вербовке кадров в организацию проводилась весьма характерным завуалированным методом. Используя свое должностное положение и обязанности в связи с этим создать на периферии краеведческие ячейки, ПАЛАШЕНКОВ, под видом последних, создавал ячейки контрреволюционной организации. Такие ячейки им были созданы в Руднянском районе, возле Рудни, в Старицком районе, в с. Ново-Спасском Ельнинского района, в Болдинском монастыре Дорогобужского района и в целом ряде других мест. Отличительной чертой этих «краеведческих» ячеек, являющихся фактически ячейками контрреволюционной фашистской организации, может служить их состав, состоящий из кулацких элементов деревни и контрреволюционно-реакционно настроенного учительства.

Не менее характерен метод подбора кадров для контрреволюционных ячеек, ор-

ганизованных ПАЛАШЕНКОВЫМ. Последней, выезжая в деревню, собирал среди населения различного характера частушки. Среди них имеется большое количество явно антисоветских. ПАЛАШЕНКОВ систематически занимался привлечением этих лиц, снабжавших его антисоветскими частушками, в ячейки контрреволюционной организации.

Нужно сказать, что ПАЛАШЕНКОВЫМ вся работа музея была направлена по явно неправильному руслу, с таким расчетом, чтобы она никакой пользы не приносила. Игнорируя и совершенно не развивая в музее отдел социального строительства, ПАЛАШЕНКОВ главное внимание уделял подбору для музея материала отдаленных исторических эпох и церковных древностей»⁴.

Доведенный, по его словам, до «тяжелого психического состояния и большой нервной расшатанности», Палашенков признал себя виновным и в марте 1934 года судебной «тройкой» ОГПУ был приговорен к 3 годам лишения свободы. Одновременно с Палашенковым, по одному и тому же делу и на такой же срок, были осуждены директор Трубчевского музея П.Н. Гоголев и директор Ельнинского музея А.А. Чеплевский. Однако Чеплевский, который не признал своей вины, через два с половиной месяца после вынесения «тройкой» постановления о заключении его в исправительно-трудовой лагерь был условно-досрочно освобожден. Судьба Гоголева неизвестна.

Наказание Палашенков отбывал в Карагандинском концлагере и, когда по справке НКВД в 1936 году «срок наказания отбыл», в Смоленск не вернулся, а поселился в городе Тюмени, где работал заведующим музеем. В конце августа 1938 года Палашенков, уже работник Омского государственного музея, будучи в командировке в поселке Салехард Ямало-Ненецкого округа, вновь был арестован и этапи-

рован в Смоленск. Ему было предъявлено новое обвинение как одному из руководителей контрреволюционной организации, связанному по контрреволюционной работе с участниками этой организации в БССР и Ленинграде. Но на сей раз Палашенков отверг все изобличения его «в контрреволюционной фашистской деятельности в Омском областном музее», и, «принимая во внимание, что материалов для предания суду ПАЛАШЕНКОВА недостаточно», следственное дело по обвинению Палашенкова Андрея Федоровича по ст. 58 п. п. 10 и 11 УК РСФСР дальнейшим производством было прекращено, и в середине декабря 1938 года он был освобожден⁵. Однако, скорее всего, уцелел Палашенков только потому, что в конце ноября 1938 года попавший в опалу нарком НКВД Н.И. Ежов обратился в Политбюро и к Сталину с прошением об отставке, признавая себя ответственным за вредительскую деятельность «врагов народа», проникших по его недосмотру в НКВД и прокуратуру. В начале декабря Ежов был снят с должности, а пришедший ему на смену его заместитель Л.П. Берия занялся чисткой рядов НКВД. Понятно, что в такой ситуации усердные подручные кровавого наркома резко умерили свой пыл.

В 1943–1957 годах Палашенков, оставаясь «контрреволюционером», возглавлял Омский краеведческий музей. Реабилитировали его только 31 марта 1989 года как попадающего под Указ Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». К тому времени Андрея Федоровича Палашенкова уже 18 лет, как не было в живых.

Еще более трагичной оказалась судьба Александра Николаевича Вьюнова. Как и Палашенков, в 1933 году он был арестован. «Вычищенному» по второй категории

и не имеющему с тех пор определенных занятий, бывшему ученому секретарю музея было предъявлено стереотипное обвинение в антисоветской пропаганде и агитации по ст. 58 п.10 ч.1. В ходе следствия Вьюнов в «Автобиографии» дал (наверняка по требованию следователей) характеристики некоторым своим коллегам по работе в музее, но, видимо, вопреки ожидаемому, бытового характера, без всякой политической подоплеки. Все обвинения в свой адрес он отверг, и через два с небольшим месяца, «из-за недоказанности инкриминируемых ему преступлений», дело следствием было прекращено⁶.

1 ноября 1937 года Вьюнов вновь был арестован, все по той же ст. 58 п. 10 ч. 1 УК РСФСР, но уже с куда более серьезными обвинениями «проведения среди окружающего населения контрреволюционной агитации, восхваления фашизма и троцкизма». Решающую роль в коротком – с 1 по 16 ноября – следственном процессе сыграли свидетельские показания одного из коллег Вьюнова – И.М. Хозерова, кому он доверял и кого вполне безобидно характеризовал в 1933 году. В частности, в показаниях Хозерова сообщалось:

«Вьюнов человек крайне антисоветски настроенный. Неоднократно в беседах с ним, он высказывал свои антисоветски-контрреволюционные убеждения. Так в конце июля 1936 г. Вьюнов в разговоре со мной о проекте Конституции СССР сказал: „Народ не верит в возможность осуществления тех свобод, которые предоставляются Конституцией” и далее заметил, что „никогда не удастся Советской власти провозвести переворот во всем мире”.

...В августе 1936 г. Вьюнов как-то зашел ко мне домой и здесь он мне сказал, что весь цивилизованный мир должен объединиться в борьбе с большевизмом, только общими усилиями цивилизованных стран, говорил Вьюнов, возможна победа над большевизмом и тут же Вьюнов при-

вел историческую параллель, говоря, что как когда-то цивилизованные страны объединились для борьбы с пиратами, так и сейчас нужно объединиться для борьбы с большевизмом.

...В конце лета 1936 г. Вьюнов, встретившись со мной в городском саду, сказал мне: „Режим большевиков должен пасть только при нажиме извне”, тут же перейдя к разговору о троцкизме, Вьюнов заявил, что оправдывает троцкистов, говоря, что все равно придет время, когда промышленность перейдет в частные руки и тем самым будет выполнено то, за что сейчас борется Троцкий. Когда я стал возражать Вьюнову, то он сказал: „Все равно снимут голову верхушке большевиков – не удалось это сделать одним – сделают другие”.

...В конце 1936 г. Вьюнов разговаривая со мной сказал, что вся беда России в том, что вся русская интеллигенция находится за границей. Если бы этого не было, то борьба с существующим строем была бы облегчена.

После процесса над параллельным троцкистским центром Вьюнов всячески брал под защиту троцкистов говоря, что он не согласен с оценкой в том, что они банда уголовников и убийц. Это – говорил Вьюнов, – политические борцы. Свою борьбу они вели не из шкурных интересов, а ради построения лучшей жизни для нас».

Одно только критическое высказывание в адрес проекта сталинской Конституции или выражение сочувствия троцкистам в то время могли стоить жизни. И хотя Вьюнов не дал «признательных показаний», которых от него настойчиво добивался оперуполномоченный Марк Натанович Гуревич, проводивший допросы, и полностью отверг все обвинения, Тройка УГБ УНКВД по Смоленской области 16 ноября 1937 года приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу. 27 ноября приговор был приведен в исполнение⁷.

Чистой, проведенной в 1930 году, дело не ограничилось. В апреле 1931 года фракция ВКП(б) Западного областного Совета воинствующих безбожников ходатайствовала перед облОНО о чистке аппарата антирелигиозного музея и о срочном снятии его заведующего С.И. Ланина, которому вменялось, что он «быв. сионист» и «замечен в ряде преступлений по работе в Брянском музее». А в мае того же года, как уже упоминалось, областной музей подвергся совместному обследованию городской контрольной комиссии ВКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции. В результате «к судебной ответственности» были привлечены сотрудники Хозеров и Гудков.⁸ В 1932 году с формулировкой «за неисполнения приказа» был уволен Я.Г. Вержбицкий. После разделения коллекции и передачи экспонатов в педагогический и медицинский институты ушёл с должности заведующего естественно-историческим отделом его основатель В.А. Меландер, которому во время чистки приклеили ярлык «сына помещика».

За специалистами последовали администраторы. Комсомольца А.И. Амосенко по посту директора сменил в мае 1931 года А.Е. Стахурский, которого, в свою очередь, в ноябре того же года сменил Оландер. Общим пунктом обвинений первых двух явилась растрата, об Оландере (не удалось даже установить его инициалов) известно

лишь, что после увольнения его выслали. Следующим директором, работавшим, в отличие от предыдущих, довольно продолжительное время, стал Е.А. Поправко, продолживший политику «улучшения» музейных кадров «в социальном отношении» и сам непосредственно проводивший чистки⁹.

К концу 1930-х годов Смоленский музей в смысле профессиональных, образованных кадров оказался полностью обескровленным. Впереди была Великая Отечественная война: спешная эвакуация части музейной коллекции, разграбление и вывоз в Германию оставшегося.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Иванов М.В. Смоленский край: История музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX вв.). Смоленск, 2005. С. 365.

² Рабочий путь. 1930. 19 июля. № 169.

³ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 916. Оп. 1. Д. 25.

⁴ Архив УФСБ России по Смоленской области. Д. 20394-С.

⁵ Архив УФСБ России по Смоленской области. Д. 12397-С.

⁶ Архив УФСБ России по Смоленской области. Д. 8064-С.

⁷ Архив УФСБ России по Смоленской области. Д. 23100-С.

⁸ См. Иванов М.В. Указ. соч. С. 229.

⁹ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СВЕДЕНИЯ О РАБОТНИКАХ МУЗЕЕВ ГОРОДА СМОЛЕНСКА.

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Партийность.	Соц. происхождение.	Занимаемая должн.	С какого года работает.	Образование.
<u>1. Аппарат Музея.</u>						
1.	АМОСЕНКО Амос Иванович	Чл. ВЛКСМ	из крестьян	Директор	с 1930 г.	Среднее
2.	ГУДКОВ Михаил Федорович	Беспарт.	из дворян	Делопр-изводитель	с 1929 г.	Среднее
<u>II. Историко-Революц. Отдел.</u>						
3.	ЕЛАГИНА Агафья Александровна	Чл. ВКП(б)	Из рабочих	Завед.	с 1929 г.	Низшее
4.	ПАЛАШЕНКО Андрей Федорович	Беспарт.	Из крестьян	Научный сотрудник	с 1921 г.	Высшее
5.	ВЕРЖБИЦКИЙ Яков Григорьевич	--- " ---	--- " ---	--- " ---	с 1929 г.	--- " ---
6.	ДОМОРАЦКИЙ Аркадий Трофимович	--- " ---	--- " ---	Сторож	с 1928 г.	Среднее
7.	ДУКШИНА Александра Игнатьевна	Канд. в чл. ВЛКСМ	Из рабочих	--- " ---	с 1930 г	Низшее
8.	ЗАХАРЕНКОВ Сергей Иванович	Беспарт.	Из крестьян	--- " ---	с 1927 г.	Неграм.
<u>III. Естественно-Исторический Отдел.</u>						
9.	МЕЛАНДЕР Владимир Алексеевич	Беспарт.	Из дворян	Зав.	с 1923 г.	Высшее
10.	ЗАЙОНЦОВСКИЙ Григорий Никодимович	Беспарт.	Из крестьян	Сторож	с 1925 г.	Низшее
<u>IV. ПРИКЛАДНЫХ И ДЕКОРАТИВНЫХ ИСКУССТВ.</u>						
11.	БОРЩЕВСКИЙ Иван Федорович	Беспарт.	Из служ.	Зав.	С 1898 г.	Незакон. высшее
12.	ВЬЮНОВ Ал-др Николаевич	Беспарт.	Из торг.	Научн. сотр.	с 1925 г.	Высшее
13.	РАЧИТСКИЙ Иван Васильевич	Беспарт.	Из служ.	Вахтер	с 1923 г.	Среднее
14.	ТКАЧЕВ Иван Фролович	Беспарт.	Из крестьян	Сторож	с 1913 г.	Низшее
15.	РЫЖКИН Георгий Герасимович	--- " ---	--- " ---	--- " ---	С 1929 г.	--- " ---

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Партийность.	Соц. происхождение.	Занимаемая должн.	С какого года работает.	Образование.
<u>У. КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ</u>						
16.	ХОЗЕРОВ Иван Макарович	Беспарт.	Из мещан	Зав.	с 1928 г.	Высшее незакон.
17.	МИШОНОВ Ал – др Павлович	— ” —	— ” —	Научн. сотр.	с 1925 г.	Среднее
18.	ЛЕБЕДЕВ Владимир Васильевич	— ” —	Служащий	Вахтер	с 1929 г.	Среднее
19.	КОВАЛЕВА Ап – дра Лаврентьевна	— ” —	Из рабочих	Сторож	с 1925 г.	Низшее
<u>ЧИСТКУ НЕ ПРОХОДИЛИ</u>						
20.	ГРАВЕ Григор. Леонидович	Беспарт.	Служащ.	Науч. сотр.	с 1924 г.	Высшее
21.	ПОГОДИН Михаил Иванович	— ” —	Из дворян	— ” —	-	— ” —
22.	ПАШКОВСКАЯ Стефания Ивановна	— ” —	Служащ.	Вахтер	-	Низшее
23.	ЯКУШЕВА Мария Георгиевна	— ” —	— ” —	— ” —	-	— ” —

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ подпись /ШПАКОВА/

**ГАСО. Ф. 19. О. 1. Д. 4749. Л. 2, 2 об.
Машинопись. Копия.**

В дальнейшем указаны только листы Дела.

Небольшого формата прямоугольный ярлык:

МАТЕРИАЛ
НА ЗАВ. МУЗЕЕМ ПРИКЛАДНЫХ И ДЕКОРАТИВНЫХ ИСКУССТВ
тов. БОРЩЕВСКОГО
На 21... стр.

Лист 172. Машинопись.

Документ № 1

Рукопись карандашом на листах разграфлённой конторской книги:

ОТЧЕТ
о работе библиотек волости уезда,
Смоленской губернии
за месяц 192 г.

И.Ф. Барщевский
 Биографический очерк

Иван Федорович Барщевский родился 16 апреля 1881 г. в Санкт-Петербургской губернии в бедной семье. Уже в самые молодые годы он познакомился с физическим трудом, помогая отцу. Восемнадцати лет ему пришлось пойти на самостоятельный заработок, и он отправился в Петербург, где и поступил на работу в железнодорожные мастерские царско-сельской ж. д. Здесь, проработав до 1870 г., всего около двух лет, он должен был оставить мастерские, благодаря несчастному случаю повреждения ноги, попавшей между буферов. Уйдя со службы, ему несколько месяцев пришлось буквально голодать. Но вот счастливый случай дал ему возможность поступить в фотографию Бергамаско, в качестве ретушера, заделывающего пятнышки на фотографических карточках. Благодаря его умения немного рисовать,

чему он научился ещё у своего отца, он скоро стал хорошим ретушером. Имея это место, он стал посещать рисовальные классы Григоровича /Общество поощр. художеств/. Бергамаско, довольный его позитивной ретушью, предложил ему перейти на ретушь негативов. Этот труд оплачивался очень хорошо, и И.Ф. стал одним из лучших негативных ретушеров Петербурга и зарабатывал уже хорошо. В 1875 году он женился на бедной девушке, работавшей также в фотографии. Так проработал он до 1877 г. и в этом году И.Ф. переселился в Ростов Ярославский. Этот переезд кладет резкую грань между первым периодом его жизни и всеми последующими годами до настоящих дней. С этого времени начинаются работы, имеющие уже общественное значение, и продолжают вот уже 51 год. Дело в том, что И.Ф. был поражен той красотой и величием, которые глянули на него со стен древнего Ростова Великого. И искры любви к искусству народной старины, зародившиеся в его душе, здесь засветились на всю его последующую жизнь, и с этого момента и с этого (нрзб.) незаметно для него начинается его общественное служение. Он начинает делать фотографические снимки с Ростовской стороны, желая запечатлеть на них на память людям, те грандиозные сооружения, которые в то время по распоряжению епархиального

начальства, начинали ломать, сносить. Они были забыты и частными лицами и научными обществами. Нужно заметить, что И.Ф. в отношении популяризации русских памятников, был, так сказать, пионером, он по собственному почину взялся за эту ценную для последующего времени работу. Снимки И.Ф. памятников Ростова Великого были представлены археологом Кельсиевым московскому археологическому обществу, ознакомившись с которыми общество остановило разрушение Ростовских памятников, а И.Ф. избрало своим членом. На другой год академия дала И.Ф. звание «Фотографа академии художеств». Уже с 1879 г. И.Ф. делается, так сказать, постоянным фотографом при командировках тех или иных лиц различными научными обществами и ездить с ними по разным местностям России, изучая, таким образом, памятники различных отраслей народной жизни и искусства под руководством людей науки. Получал он также от научных обществ и отдельно личные командировки. Эта работа давала ему большое научное знание, но в то же время, не могла обеспечивать его материально, хотя он и имел право издавать сделанные им снимки: таково это издание, находящееся в публичной библиотеке Ленинграда, состоящее из трех десятков томов и заключающее в себе около 3000 листов фотограф. разм. 18 x 24 см. О трудах И.Ф. можно и должно было сказать многое, но тесные рамки настоящей заметки заставляют ограничиться не многим. Его труды находят оценку во многих научных изданиях и в отдельных статьях, например, Султанова, Суслова, Стасова, Кондакова, Павлинова, Рериха, Сабно, Месмахера и друг., а так же и в тех письмах И.Ф., которые находятся в нашем распоряжении. Знакомясь с ними, нам становится понятным, какой огромный материал дал И.Ф. для работ по истории нашего древнего искусства. В 1888

году, по поручению Археологического общества, И.Ф. совершил путешествие по Кавказу и Закавказью с целью изучения древних памятников, в 1891 году он был прикомандирован к экспедиции проф. Кондакова в Палестину и Сирию. Производил такие снимки в Константинополе и Афинах. Всего им было сделано более 660 фотографий разм. от 13 x 18 до 30 x 40 см. Через всю трудовую жизнь И.Ф. красной чертой проходит материальная необеспеченность, которая заставила его в 1897 году поступить на службу в Ярославскую Городскую управу на должность Комиссара. Служба эта, к счастью, была не продолжительна, в том же году по рекомендации проф. Прахова М.К. Тенишева предлагает ему поступить к ней на службу. В то время, она задумала при основанной ею земледельческой школе в ее имении Талашкине, поставить церковь с полной обстановкой и в стиле XVII века, и с этой целью она и пригласила к себе на службу И.Ф., как знатока и архитектуры, и обстановки древне русских церквей и который, к тому же, мог стоить ей не дорого. И вот из предметов не только церковных, но и вообще старинных, которые были покупаемы ею, по указанию и всесторонней оценке И.Ф., вскоре образовались целые коллекции старых предметов и Тенишева для помещения их отдала в распоряжение И.Ф. одну из художественных мастерских, где он и выставлял в витринах покупаемые предметы русской старины. Так зародился известный Тенишевский музей. Когда собралась уже значительное...

Далее текст на следующей странице сверху неровно обрезан:

... музея дом в Смоленске, где он (нрзб.) в 1905. В том же году Тенишева перевозит часть музея в Париж, где он выставляется тем же И.Ф. сначала в ее доме, а затем в здании Лувра. Эта выставка музея имела в Париже большой успех и французское министерство Народного Просве-

шения наградило И.Ф. орденом «Пальмы академии» 2-й ст. В 1907 году предметы музея снова вернулись в Смоленск и были выставлены И.Ф., который таким образом все время с начала службы у Тенишевой, т. е. с 1898 года по 1910 год был собирателем и хранителем музея. В 1910 году Тенишева передала свой музей московскому Археологическому институту и И.Ф. также остается при музее его директором и с переходом музея в ведение Наркомпроса в 1920 г. он остается и до сего времени заведующим им. Проведя всю жизнь в работе, он 51 год работает на пользу народного образования, собирает предметы для исторического музея в Москве, музея общ. поощ. худож., Штиглицкого музея, Строгановского училища, делает для музеев модели древних зданий и вещей, воспроизводит народный орнамент в рисунках и резьбе. А в тяжелое для него время, когда он, как хранитель и заведующий отделом госмузея, еще в 1925 г., получая содержание 17 р. 44 коп. в месяц он брал со стороны различные работы: починка фотографических аппаратов, часов, теодолитов, оптических инструментов, ювелирных вещей и друг. работ. «Очерки истории гор. Ярославля», «Что разумелось под словом «ценина», «О керамике», «Из истории фелактенизма», «Древнейшая история человечества». За свои труды он имеет несколько наград и состоит членом нескольких ученых обществ и учреждений.

Проф. Лапчинский
Март 1929 г. Смоленск.

Биографическая справка:

Владимир Прохорович Лапчинский (10 января 1874 – после 1929) – историк, специалист в области геральдики и генеалогии, проректор Смоленского отделения Московского археологического института,

организатор музейного и архивного дела в Смоленской губернии.

С ноября 1910 года – действительный член Смоленской губернской учёной архивной комиссии. В ноябре 1912 года Советом Императорского Московского археологического института, вольнослушатель археологического института Лапчинский был избран хранителем находившегося в ведении института Смоленского городского музея. Эту работу он совмещал с выполнением обязанностей помощника хранителя музея княгини Марии Клавдиевны Тенишевой. В 1913 году утверждён преподавателем по кафедре геральдики, а в 1914 году – по кафедре генеалогии.

В декабре 1918 года был назначен уполномоченным по архивному делу Западной области (коммуны). В течение 10 лет являлся заведующим архивным управлением Смоленской губернии.

1 февраля 1928 года уволен с работы. В мае 1929 года уехал в Кисловодск, дальнейшая его судьба неизвестна.

**Листы 173–174 об. Рукопись.
Подлинник.**

Документ № 2

Материал о сотрудниках музея «им. Крупской»

Тов. Борщевский – научный работник и к работе относится хорошо. Я знаю его третий месяц, с тех пор, как работаю в музее. Т. Борщевский, несмотря на свои лета и болезненное состояние, работает в музее от 9-10 утра до 3-4 дня, хотя высшие сотрудники должны работать по 3 часа. К сотрудникам и посещаемой публике относится хорошо, не любит опаздывания и небрежного отношения к работе. В таких случаях он указывает на недостатки и сердится, но между сотрудниками ссор и никаких склок нет. Бывали и такие случаи, что приходили на дом к т. Борщевскому,

когда он был болен, и заставляли его за музейной работой. Пока я плохого о нем не знаю и ложно писать не могу. Объяснения дает хорошие.

Тов. Вьюнов к работе относится хорошо, к публике также. Можно сказать, что объяснения дает очень хорошие. Работает от 11 ч. утра до 4-5 ч. дня, когда и больше. Тов. Вьюнов – научный работник и видно, что у него мысли лишь о том, чтобы в музее велась хорошая работа. Он даже предложил, чтобы мы объявили себя ударниками по музейной работе, чтобы все сотрудники сплотились и работали в разных кружках. Видно, что человек хочет, чтобы велась и музейная работа, и общественная.

Тов. Ткачев – очень хороший работник, работает с утра до вечера, усердно выполняя все обязанности по своей должности. Хорошо работает по музею, работает по сбору утильсырья. Плохого ничего за ним не замечала.

Тов. Рачинский выполняет свою вахтерскую работу и по чистоте хорошо, работает от 11 ч. до 3-4 ч., бывает и больше.

20/ III – 1930 г. Д. А.

**Листы 175–176. Рукопись.
Подлинник.**

Документ № 3

О т. Борщевском

Прилагается биография т. Борщевского и несколько справок вот и все что он предъявил нашей бригаде. Посетить второй раз его не удалось он был болен. Имеет сына за границей. Как заведывающий считает что дисциплина поставлена хорошо и те которые замечены помещались в газете месткома. Счел ерундой и опровержение не дал, считая лишним. В отношении реорганизации

музея считает приемлемым. Встретил бригаду обследования радушно.

Написано чернилами на тетрадном листочке «в линейку» крупным почерком, без многих знаков препинания. Подчёркнуто красными чернилами. Без подписи.

**Лист 179. Рукопись.
Подлинник.**

Документ № 4

Краткие сведения о Музее Прикладного и Декоративно- го Искусства

Г. М.К. Тенишева, задумав организовать у себя музей старинных русских предметов в 1898 году пригласила для этой цели, уже известного тогда своими работами по музеям как собирателя памятников народного русского искусства И.Ф. Барщевского. При его посредстве собрала большую коллекцию предметов русской бытовой жизни. В начале, при своем имении в 16 верстах от Смоленска, а в 1905 г она перевезла его в Смоленск, в нарочно выстроенное ею здание Музея и открыла его для посещения граждан. Музей находился на ее иждивении до 1911 года, когда она передала его в дар Московскому Археологическому Институту. А в 1920 году музей перешел в ведение Главнауки Наркомпроса и в настоящее время составляет отдел Прикладного и Декоратив. Искусства Областного Госмузея и находится со времени его основания до сего времени в заведывании того же И.Ф. Барщевского. И с 1929 г. именуется Музеем имени Н.К. Крупской.

Заведующ[ий]

Подпись: **Барщевски[й]**

**Лист 181. Рукопись.
Подлинник.**

**I Музей Прикладного и Декоративного
Искусства имени НК Крупской.**

Музей основан в именовании Талашкино в 1898 г перенесен в Смоленск и открыт в 1905 г. Перерыв в работе музея был с 1916 по 1919 г. Причина была сначала война а потом ремонт.

В настоящее время персонал музея состоит из:

1 Заведующий музеем И.Ф. Барщевский с основания музея, с 1898 г до сего 1930 г.

2 Научный сотрудник А.Н. Вьюнов с 1925 г.

3 Вахтер И.В. Рачитский с 1923 г.

4 Сторож И.Г. Ткачев с 1913 г

5 Ночной сторож Г.Т. Рыжкин с 1929 г

II Антирелигиозный музей основался с Антирелигиозной выставки бывшей в Музее им. Н К Крупской в 1929 году.

Справка написана И.Ф. Барщевским.

**Лист 182. Рукопись.
Подлинник.**

В Комиссию по чистке музеев:

Один гражданин публично сказал что я тайно вывозил какие то вещи из Музея Прикладного Искусства. В начале я даже не желал отвечать на эту клевету, но потом мне передали, что по этой клевете даже было расследование. А при дальнейшем опросе тов. Ткачева тот же гражданин сказал что эти вещи были гражд. Глембовецкого. Тогда я понял как была искажена действительность и по тому даю Комиссии Следующее объяснение Дело в том что когда гр. Глембовецкого выселили из бывшего его дома, то он просил меня поставить некоторые свои вещи: комод, шкаф, стол и пр. в занимаемом мною деревянном сарае-навесе, где они и стояли до конца прошлого лета, когда они были взяты им на его новую квартиру. Вот этот то факт и был злобно искажен и используемый мною сарай-навес наименован музеем.

Подпись: ИБарщевски[й]17/IV 1930.

**Лист 183. Рукопись.
Подлинник.**

Небольшого формата прямоугольный ярлык:

**МАТЕРИАЛ
НА НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО МУЗЕЯ
тов. ПАЛАШЕНКО.
На 32 стр.**

Лист 137. Машинопись.

Документ № 1

Постановление Катинского Рика, Комиссии по С - Х налогу.

Слушали ходатайство
гр-на Палашенкова Фед. Наум.
д. Надва I Надвинского с/с

Содержание жалобы или ходатайства:
О сложении индивидуального
обложения.

Постановили.

В виду отсутствия в хозяйстве кулацких признаков, а также применение наемной силы было несистематическим и кроме того из-за отсутствия трудоспособных членов семьи индивидуальное обложение сложить.

Подпись.

Лист 138. Рукопись. Копия.

Документ № 2

28/1 1929 г. Смоленск.

Обозрев Историко-Культурный Музей родного Смоленска, я преисполнен чувством восхищения. Буду искренно счастлив, если мне удастся пополнить этот музей интересными предметами.

Путешественник
П. Козлов.

9 июня 1929 г.

В первый раз осмотрел я Историко-Культурный гор. Смоленска в котором провел почти треть моей скитальческой, актерской, многолетней деятельности. Глубокое впечатление, произведенное на меня стариной почти родного города, не могу выразить словами. Приношу искреннюю благодарность собирателям и составителям музея. Живое слово тех, кто объяснял, останется навеки в моей памяти.

Спасибо. П. Алякринский.

16 июня 1929 г.

Молодой Историко-Культурный Музей оставляет самое благоприятное впечатление. Несомненно, ему предстоит играть большую роль в культурном строительстве края. Следует пожелать, чтобы была дана возможность развить работу музея в сторону отображения всех сторон местной жизни. Должны быть выявлены экономика, социальный быт, естественные условия и все обстоятельства, повлиявшие на образование данного центра и всей области. Надо расширить помещения музея и оказать ему самую широкую общественную поддержку. Музей должен быть сделан достойным обслуживать культурные нужды социалистического строительства.

Ученый специалист Главнауки
Н. Левинсон.

16 июня 1929 г.

В течение 3-4 лет проделана большая работа по созданию нового музея. Почти

ежегодно бывая в Смоленске, я мог наблюдать, как настоящим трудом преданных делу немногих работников музея быстро рос и совершенствовался. Особенно радует ясно намеченное построение музея в определенной системе и стремление сделать материал доступным для всех. Все это вселяет уверенность, что Смоленск, как прекрасный исторический город и как областной центр, скоро будет иметь большой ценный музей. Надо только пожелать большего объединения на Соборной Горе разбросанных по всему городу отделений Музея.

П. Барановский.

Для меня, уроженца Смоленска, Смоленск в полном своем значении, открылся по настоящему отчасти по материалу и главным образом после посещения музея. Историко-культурный музей есть несомненное завоевание революции, то, как это ни странно, окончив среднюю школу в Смоленске, я до занятия некоторыми историческими вопросами, как оказывается, не имел и понятия об истории своего родного города. Хочу надеяться, что любовное и преданное отношение работников музея встретит повсюду соответствующую поддержку дабы это ценное начинание нашло свое полное завершение. Как человек, немного причастный к науке истории, я не могу не выразить своей благодарности и признательности складывающимся по камешкам здание истории древнейшего города.

А. Пригожин,
проф. Ленинград. Гос. Университета.

Я очень рад присоединить свою подпись к оценке Смоленского Историко-археологического Музея, данной ранее меня рядом товарищей. Если вспомнить антикварную лавочку под Каланчей (имеется в виду первый городской историко-археологический музей, коллекция которого

размещалась в здании городской думы, увенчанном пожарной каланчей – прим. автора), игравший роль исторического музея г. Смоленска и сравнить с прекраснейшим собранием современного музея, то, прежде всего, хочется пожелать всяческих успехов товарищам, отдающим свои знания и энергию на пользу науки в качестве собирателей и хранителей музея. Особую благодарность должен выразить Андрею Федоровичу Палашенкову за внимательное и любовное отношение к посетителям.

Научн. сотрудник Госплана РСФСР
С. Яковлев

18 июня 1929 г.

Смоленский музей, в частности, его ист.-археологический отдел, представляет большой интерес. Во всем сквозят любовь к делу и умение работников музея. Много сделано, в частности, по Смоленской стене, первой в древней Московии после моск. кремля. Одного не хватает пока смоленскому музею: следов подземного Смоленска. Последний, видимо, все еще ждет своего Колумба. Позволяю себе надеяться, что бурный темп новой жизни, в частности научной, не замедлит такового породить.

Уч. археолог И. Стеллецкий.

14 сентября 1929 г. Г. Смоленск.

В этом белом доме, затерявшемся в одном из оригинальнейших уголков Смоленска, в старой церкви с такой исключительной любовью, собрано все то, что заслуживает внимания. Странно, что до нынешнего времени находились любители старины, украшали мемориальными досками развалины, но не собрали того, что небольшой коллектив работников музея с такой тщательностью и продуманностью разместил в стенах музея. Нам, жителям Украины, особенно интересно было видеть эту грань Польши, Белоруссии и Украины, стоящую форпостом по дороге к

великой Москве. В старом соборе (странно, почему он не объявлен историческим и передан в органы Наркомпроса) наши земляки оставили в наследие чудо искусства резчиков. Трудно сейчас после осмотра описать свои впечатления. Их слишком много, но как говорят у нас на родине:

Слава Вам, товарищі, що своїми вказівками, своїм відношенням до нас гостей України Ви надали нам багато дивного чарівного. Слава тим, хто своєю працею, впертою працею збудував цей невеличкий, дуже величезний по нейсту учбово-показовий заклад. Спасибі.

Студенти Харківськ. Медичн. Інститута
Ста.... Пашу.....

Смоленский исторический музей произвел на меня самое отрадное и глубокое впечатление: сколько любви к родной Смоленской старине, желания увековечить для потомства дорогие всякому русскому имена прославившихся людей. В частности комната композитора Михаила Ивановича Глинки восхитила и тронула меня до глубины души, потому что все, что удалось собрать, бережно расположено и сохраняется, по-видимому, людьми, искренно и любовно относящимися к устроенному музею – памятнику старины.

Внучка М.И. Глинки
Мария Владимировна Стунева.

10 ноября 1929 г. ³

Музей произвел хорошее впечатление. Считаю недостатком отсутствие надписей возле некоторых экспонатов о времени происхождения вещей. Советуем паневу достать из гор. Жиздры или ст. Навли. Оригинальны, красивы, сделаны со вкусом.

13/X 1929. Арашкевич. Богданов.

19/X 1929.

Для столь молодого музея его богатства значительны. Думаю, что надо бы уточнить единую систему, т. е. строить или по векам

или темам. В данном музее имеется и то и другое /деньги всех веков, оружие в отдельной комнате, первые же комнаты организованы по векам/. Музей безусловно производит хорошее впечатление.

Ст. Инспектор п/п Облоно П. Петров.

Как много потрачено труда для создания Музея. Несомненно музей еще более разрастется и в частности, вероятно, будет создан специальный отдел по Смоленску, где можно будет проследить постепенный рост города. Пожелаю и впредь всяких успехов в деле, которое так нужно и к которому с такой любовью и добросовестностью отнеслись творцы музея.

Руководитель экскурсии Ленинградской
Экскурс.-лекторской базы
Обл. Политпросвета В. Заряно. 25/X 1929 г.

27/X 1929 г. Музей дает в собранной и удачно расположенной историко-бытовой части его настолько ясную и выразительную картину, что без труда понимаешь, почему Смоленск и Смоленский край требовали на протяжении веков неусыпной защиты военной: нельзя было не укреплять естественную транзитную дорогу между Волгой, Днепром и Западной Двиной. Но, когда спокойно и методически обходишь 15 комнат Музея, поражает не только указанное богатство картины истории края, а та любовь и целесообразность, с которыми творилась эта музейная картина чуть ли не едиными руками местного этнографа А.Ф. Палашенкова. И, наконец, еще более начинаешь удивляться культурному руководству в этом деле со стороны заведующего, когда узнаешь о ближайших намеченных перспективах по разворачиванию Смоленского музея и почти уже собранным в этих видах материалам, а перспективы эти /отчасти подготовленные и подготовляемые/ вот каковы: 1) расширение комнаты Глинки, 2) пополнение и расширение новыми экспонатами отдела Смоленской деревни,

3) организация комнаты русского сказочника (это – первая в России музейная попытка), 4) открытие комнаты Грибоедова, 5) комнаты путешественника Козлова (и, очевидно, Пржевальского, 6) отдела городского быта мещанства, 7) отдела быта пролетариата Смоленской губернии или области. Таковы интереснейшие перспективы. Еще раз исполать музейному работнику-заботнику-радетелю об истории Смоленского края А.Ф. Палашенкову.

Научный работник
Смоленского университета
В. Архангельский.

15/1 1930 г.

Экскурсия курсантов-землеустроителей, осмотрев музеи, отмечает стройность системы подбора материала, позволяющую достаточно полно знакомиться с историей, бытом и т. д. Нужно пожелать более полное собрание материалов, расширение музея.

Экскурсия выносит благодарность руководителю музея за великолепное объяснение, позволившее курсантам ярко представить картину жизни различных эпох края.

Уполномоч. экскурс. Н. Кост...

**Листы 139–140 об., 141.
Машинопись. Копия.**

Приложение 4

Небольшого формата прямоугольный ярлык:

**МАТЕРИАЛ
НА ЗАВ. ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИМ
МУЗЕЕМ тов. МЕЛАНДЕРА.
На 10 стр.**

Лист 154. Машинопись.

Документ № 1

Написано чёрными чернилами на листочках блокнотного формата.

***Естественно историч.
музей.***

Меландер Вл. Алексеевич 1890 г. рождения.

Родился в Болутинской волости Ельнинского уезда Смоленской губернии. Сын дворянина. Образование имеет высшее, окончил Московский Университет. В университете начал учиться 1911 г. и окончил 1917. В 1917 г. по окончании уни-

верситета поступил на службу в Смо(?) бюро в 1918 г. и по 1923 г. работал в Ельне в качестве зав. музеем. И преподавал по совместительству во II-ступени по естественному предмету в г. Ельне. С 1923 г. по 1929 г. работает в естеств. истор. музее заведующим в г. Смоленске с 1928 г. и по сие время работает в естеств. истор. музее завед. С 1923 г. работает по совместительству ассистентом при кафедре зоологии в 1918 г. отбывал 96 ч всеобуча. Службы военной не проходил, потому что учился.

Член союза Рабпрос с 1918 г. Член эконома комиссии при месткоме № 14 секретарь секции научных работников.

Из г. Ельни в Смоленск приглашен работать музейным управлением. В университет приглашен по рекомендации преподавателя Московского Университета. Ведет научную работу по изучению млекопитающих животных и некоторых групп насекомых.

Документов не представил так как в университете, как заведующий заявил что музей пополняется достаточно. План работ составлялся кварталы. Музей еще не работает в связи с переездом в новое помещение, но будет работать как будто с мая м-ца. Среди населения популяризован недостаточно. Связь с рабочими плохо поставлена. Встретил Легкую кавалерию с иронией что вот мол его научного работника пришли проверить.

Листы 155–155 об., 156.
Рукопись. Подлинник.

Документ № 2

Написано фиолетовыми чернилами на узкой полоске бумаги.

В Смол. Гос. Музей

Ниже сообщаются сведения, согласно (нрзб.) за № 435.

1. Естественно исторический Отдел СмолгосМузей

2. Музей основан в 1908 г. Перешел в ведение ГубОНО в 1920 г.

3. Закрывался на 1-2 летних месяца для производства ремонта и перегруппировки экспонатов в течении 1923-1988 гг.

Закрыт с июля 1929 г. вследствие перевода в помещение занимавшееся музеем обл.О.Н.О. 15 ноября этого же года переведен в б. Спасскую церковь; 15 марта имущество и коллекции музея из упомянутого помещения перевезены в Картинную Галерею, т. к. б. Спасская церковь

На обороте:

взят штабом ПВО для его нужд.

4. В настоящий момент в естеств. историч. отделе числится один сотрудник – Заведующий Отделом – В.А. Меландер, работает с сент. 1923 г.

Научный сотрудник Граве (работавший с февр. 1924 г.), уволен, согласно заявления с 7. IV т. г.

Сторож – Г.Н. Зайончковский (работал с 1925 г.) уволен с 1. IV т. г.

Лист 157–157 об. Рукопись. Подлинник.

Документ № 3

Написано карандашом на двух половинах тетрадных листочков в клеточку.

В комиссию по чистке Музейных работников

Меландер задобривает себе друзей к чистке. Когда уволили Погодина, а Погодин их старый друг, это то их сильно потрясло и жена Меландера несколько дней плакала. И вот с этого то дня Вержбицкий стал у них у Меландера бывать каждый вечер приходил к семи часам к чаю и просиживал до двенадцати и вот за чаем разговоры велись такие. Жена Меландера задавала Вержбицкому будет ли принят Погодин обратно и что слышно. Когда Вержбицкий отвечал, что он не знает, то она говорила «Но ведь вы то должны все знать кому же тогда знать если вы не знаете? И потом она пускала в ход такие слова, что если человек сделает мне плохое, то никогда не прощу ему этого, но если хорошее делает, то я тем более всю жизнь не забуду, так вот знайте же какой я человек. И это особенно повторялось несколько раз. А Меландер добродушно посмеивался. Вержбицкий приходил и с женой иногда, несколько раз бывал на обеде. А когда

был сделан доклад на соборном дворе по поводу чистки то после собрания пришел Меландер вместе с Вержбицким и о чем то долго вполголоса разговаривали. Еще сообщаю, что Меландер сделал у себя в передней на двери перегородку взял из Спаской церкви, где ему было отдано под музей интересно откуда взял Меландер остальной материал для перегородки по скольку мне известно было, он собирался взять фанеру тоже из музея зделана Меландером перегородка потому, что помещик Меландер немог переносить запаха простых щей с квартиры дворника.

Заявляю еще, что сторож Заичковский Естественно исторического музея где является заведующим Меландер Заинчковский выполнял нетолько работу служебную, но в часы служебные был у Меландера жены на побегушках конечно с ведома Меландера. Который посылал говоря «Григорий Никадимич вас там просила прити моя жена» а жена Меландера отправляла к Авербуху часы снести в починку, затем за ока(нрзб.) к пасхе, да и всего не перепишим.

**Листы 158–158 об., 159.
Рукопись. Подлинник.**

Приложение 5

МАТЕРИАЛЫ по Делу о снятии с работы научного сотрудника Смоленского областного музея М.И. ПОГОДИНА

Документ № 1

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 6
ЗАСЕДАНИЯ СМОЛЕНСКОГО БЮРО СНР
от 16/II – 30 года.

СЛУШАЛИ 5: Выводы комиссии по делу снятия с работы члена СНР М.И. ПОГОДИНА /докл. ВОРОНЦОВ/.

ПОСТАНОВИЛИ: Согласиться с выводами комиссии о правильном снятии с работы М.И. ПОГОДИНА о чем довести до сведения Облпроса.

п.п. Председатель – КОДАЧИГОВ.

Секретарь – Алякрицкая

Выписка верна: Техн. Секретарь СНР –
подпись /Алякрицкая/

Исх. № 99 – 21 / VI – 30 г.

В Облпрос

Слева в углу, наискосок, надпись от руки чёрными чернилами:

Чистку не проходил.

Уехал из Смоленска.

14/II 30 г.

Пред. ком. по чистке Е. Шпакова.

На документе круглая печать: «Губбюро Секции Научных Работник.» – в центре и «Профсоюз Работник. Просвещен. СССР. Смол. губ.» – по кругу.

Лист 95 . Машинопись. Копия.

Документ № 2

Копия

В Ы В О Д Ы

Комиссии по делу снятия с работы члена СНР М.И. ПОГОДИНА

Ознакомившись со всеми материалами по делу научного сотрудника Смоленско-

го Областного Музея М.И. ПОГОДИНА, мы приходим к заключению, что снятие его со службы не соответствует мотивам, выдвинутым Облоно.

Прежде всего, следует отметить, что Облоно издал два приказа об увольнении М. ПОГОДИНА. В первом его снятие мотивируется несоответствием его квалификации занимаемой им должности /этнографа/, как не имеющего этнографического образования, и как чуждого по происхождению. Во втором приказе отмечается несоответствие его квалификации и не проведение в музейном деле классовой линии.

Однако, из документов, представленных ПОГОДИНЫМ, видно, что он имеет высшее образование /окончил естествен.-истор. отд. физико-математического факультета Московского Университета и специально работал у проф. Анучина/ и в течение 17 лет занимался этнографическим изучением местного края, главным образом по материальной культуре, и в течение 12 лет работает в музеях и имеет ряд отзывов специалистов и ответ. работников, характеризующих его как опытного, энергичного и преданного своему делу работника, работавшего рука об руку с советской общественностью. Поэтому ПОГОДИНА нужно считать достаточно квалифицированным для той работы, которую он выполнял в музее.

Что касается его происхождения, то его нельзя считать чуждым, т. к. его дед, профессор М.П. ПОГОДИН, был дворовым человеком у графа Салтыкова /Калужск. губ. Медынск. уез./, а затем работал учеником в типографии /у Решетникова/ и впоследствии, благодаря своему таланту, сделался крупным ученым, занимал кафедру в Московском университете и по своей службе получил дворянство. Отец М.И. ПОГОДИНА служил мелким чиновником и рано умер, так что М.И. ПОГОДИН остался сиротой в возрасте одного года и воспитывался матерью. По окончании университета рабо-

тал учителем в земской школе и принимал участие в работе земства, занимая с 1913 по 1918 г. включительно должность Зав. Отд. Нар. Образования и санитарно-эпидем. отд. Ельнинской Земской Управы. После Октябрьской революции он работал в земстве совместно с коммунистами /Иванов, Филиппов и др./.

В отношении непроведения классовой линии в музейном деле, нужно отметить, что ПОГОДИН за все время своей службы не получал ни взысканий, ни замечаний по данному вопросу. Будучи научным работником 2го разряда, он выполнял лишь те задания, которые ему делались руководителем музея и самостоятельно не мог проводить какого-либо направления в работе музея, что вытекает из правил внутреннего распорядка в работе музея и сотрудников. Напротив того, имеет похвальные отзывы ответственных работников /член ВЦИКа Мануйлов, Комитет Всесоюзной с-х выставки и др./ о его музейной работе.

Ввиду этого мы считаем снятие ПОГОДИНА М.И. с работы неправильным.

/ВОРОНЦОВ и ДМИТРИЕВ/.

Копия верна: Техн. Секретарь СНР

/подпись/

21/II - 1930 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 97. Машинопись. Копия.

Документ № 3

В Областной Комитет Профессионального Союза работников просвещения.

Члена профсоюза М.И. Погодина.

Прилагая при этом копию своего заявления в Р.К.К. при группоме № 14 союза работников просвещения с жалобой на неправильность моего увольнения прошу

Обпрос о поддержке моей жалобы. Копии документов прилагаю.

М. Погодин.

24 / I 1930 г.

Справа внизу штамп: «**Западный Областной Отдел профсоюза рабпрос.**» с отметками о поступлении документа и его исполнении.

Лист 98. Рукопись. Копия.

Документ № 4

Написано чёрными чернилами.

Копия

В Р.К.К. при группоме № 14 союза работников просвещения.

Члена профсоюза работников просвещения М.И. Погодина.

Заявление.

Приказом облоно за № 29 я снят с 12 I 1930 г. с работы по должности научного сотрудника культурно-исторического отдела Госмузея «как не имеющий квалификации этнографа и по социальному происхождению чуждый элемент, на основании выводов комиссии по проверке работы музеев».

Это свое снятие с работы я считаю произведенным неправильно по следующим причинам:

1. Как указано в приказе, основанием к моему увольнению послужили «выводы комиссии по проверке работы музеев», сводящиеся к установлению отсутствия у меня необходимой квалификации и к признанию меня чуждым элементом по социальному происхождению, т. е. «выводов» комиссии я не знаю и на мои просьбы Облоно эти «выводы» мне не сообщены, то я могу дать объяснения только в пределах указанного приказа.

2. По вопросу о признании меня чуждым элементом по социальному происхождению:

Я по происхождению дворянин, т. к. мой отец «унаследовал» это звание от моего деда Михаила Петровича Погодина, получившего дворянство в силу состояния своего профессором Московского университета и академиком. Мой дед, как это видно по его биографии /См. Энци. Слов. Брокгауза и Эфр. Изд. 1898 г. т. 24 стр. 31 и друг./ происходил из крепостных дворовых людей с. Никольского-Галкина, Медынский у., Калужской г. помещика Чернышева, был потом типографским учеником, получил затем образование и впоследствии был профессором и академиком.

Жизнь и научная деятельность моего деда, передавшего моему отцу и мне дворянское звание, не носила в себе ничего позорного и его заслуги как ученого признаются и теперь, а память его отмечена, между прочим, и присвоением его имени той улице в Москве, где он жил в свое время.

Мой отец служил мелким чиновником в министерстве юстиции и умер 38 лет отроду, дослужившись до чина только коллежского секретаря. В год его смерти мне было только три года.

Таким образом, мое бывшее дворянское звание, переданное мне дедом не сообщило мне, по моему мнению, ничего меня позорящего и мне не может быть поставлено в упрек наличие у меня деда, вложившего ценный вклад в науку, близкого друга Пушкина и Гоголя, и лишь благодаря званию профессора и академика ставшего из крестьян дворянином.

Лично я получил образование в Московском университете /1905–1912 г./ по естественно-историческому отделению, получал научные командировки от университета во Францию и в России.

Затем в 1913 г. я был избран членом Ельнинской земской управы, заведывающим отделом народного образования.

Эта моя служба объясняется тем, что я после смерти своей матери /вышедшей после смерти моего отца вторично замуж/ получил в наследство в Ельнинском уезде участок земли и стал работать в местной школе. Эта работа ставила меня в связь с земством, где мне, в конце концов, и предложили постоянную работу в этой области и я был, как сказал, выбран членом управы.

На этой службе я состоял до ликвидации земства в мае 1918 г., будучи после революции избранным председателем новой реорганизованной управы, совместно с т. т. Ивановым С.В. и Филипповым С.С. /тогда с. д. большевиками/ бывшими членами управы.

Во время войны я ведал санитарно-эпидемиологическим отделом и делом помощи беженцам.

После ликвидации земства я был назначен комиссаром по делам музеев, организовал музей в Ельне, куда, между прочим, передал свои собрания. С этих пор и до сего времени я работал в области музейного дела, а также преподавателем в школах, на курсах, в педтехникуме и пр.

В последнее время получал командировки от Главнауки для научных музейных работ.

И все это время я никогда не встречал к себе отрицательного отношения ни со стороны советских, ни со стороны партийных организаций, ценивших мою работу и отмечавших ее полезность, и в силу этого не считаю себя чуждым советской работе. Считаю необходимым указать еще относительно бывшего у меня участка земли следующее: при социализации земли в 1918 году, я получил право использования, а при социалистическом землеустройстве был наделен землей в том же участке. Когда я установил, что по роду своих занятий, я не смогу лично вести хозяйство, я отказался от земли и сдал ее земельному отделу.

3. По вопросу об отсутствии у меня необходимой квалификации:

Я не занимал такой должности, которая бы требовала определенной специальной квалификации этнографа, я занимал должность научного сотрудника и работал по этнографии в области, главным образом, материальной культуры. Я считаю, что в этой области я имею достаточную квалификацию, как по своему образованию, так и по практическому стажу. В круг предметов естественно-исторического отделения кроме других предметов входили и география и антропология. Моя практическая работа в области этнографии началась с 1911–1912 г., когда я начал работать вместе с известным Смоленским этнографом В.Д. Добровольским по изучению народного быта Смоленской губ., занимаясь преимущественно исследованием материальной культуры, а также частично сбором фольклора.

Этой работой я занимаюсь и до настоящего времени. Мною собраны значительные коллекции предметов быта крестьянского населения, которые мною были экспонированы на 1ой С.Х. и кустарно-промышленной выставке СССР в Москве, за что я и получил диплом.

О моей работе в этой области можно получить сведения также из журнала «Наш край» – орган Ц.Б. краеведен. Б.С.С.Р. /№ 1/40/1929 г./ При организации в Смоленской г. губернского этнографического бюро, я был избран его постоянным членом.

С 1912 г. я состоял действительным членом Смоленской губернской ученой архивной комиссии до конца ее работ. Одновременно я состоял членом общества изучения Смоленской губернии, членом правления Ельнинского общества краеведения и до сих пор состою членом Смоленского общества краеведения.

Состоял членом комиссии по изучению Ельнинского уезда при Ельнинском УИКе; был заведующим научной экспедиции по обследованию реки Угры; по заданию Смоленского Губоно собирал материалы по составлению истории края.

Состоял сотрудником-корреспондентом Национального музейного фонда и Центрально-го этнографического музея в Москве.

Некоторые результаты моих работ в области этнографии должны в ближайшее время войти в издание Белорусской Академии.

Ряд других моих работ в той же области находятся еще в стадии подготовки.

С 1917 года я работал все время по музейному делу, а именно:

1. В 1917 г. я был организатором Ельнинского музея и работал эмиссаром Губ. отд. по делам музеев.

2. С 1918 и по 1923 г. состоял одновременно сотрудником Ельнинского музея и Губ. уполномоченным по делам музеев при чем эта моя работа была особо отмечена Губ. конференцией уполномоченных Губмузея в 1921 году.

3. С 1921 г. состоял одновременно заведывающим п.о. искусств Ельнинского Уоно.

4. С 1921 г. по 1923 г. состоял заведывающим Ельнинским музеем.

5. В 1926 г. был назначен Смоленским Губоно заведывающим Алексинским госмузеем.

6. Распоряжением Главнауки от 2/XI 1926 г. был командирован на один год для научной работы в Алупкинский гос. истор. бытов. музей.

7. С (нрзб.) 1927 г. назначен на должность пом. (нрзб.) /научного сотрудника/ Смоленского гос. музея, в кот. и состоял до увольнения, т. е. 12 / I 1930 г.

Подробности о моей службе показаны в трудовом списке.

На основании изложенного я считаю, что для выполнения работы по той должности, в которой я состоял, я имею достаточную подготовку и квалификацию.

Отвергая у меня наличие этого Облоно должен был бы установить отсутствие у меня квалификации, а он даже не указал в чем именно выявилась моя неподготовленность к работе.

4. Свое увольнение я могу лишь приравнять к увольнению по несоответствию, а для этого необходимо было предварительное постановление Р.К.К. о признании меня несоответствующим занимаемой должности. Этого постановления не было, я был уволен лишь по приказу Облоно.

При увольнении я не получил ни выходного пособия, ни компенсации за неиспользованный отпуск, а лишь только заработную плату на день увольнения, в силу чего я не могу считать расчет со мною по работе законченным.

На основании изложенного прошу рассмотреть вопрос о моем увольнении и признать его произведенным неправильно.

М. Погодин.

Листы 99–101 об., 102.

Рукопись. Копия.

Документ № 5

Прилагаю при своем заявлении копии нижеследующих документов:

1. Выписка из приказа Облоно № 29.
2. Удостоверение Об. отд. Ельнинского УиКа № 2147.
3. Удостов. Смоленск. Гос. обл. музея № 418.
4. Удостов. Общ. отд. Ельнинского УиКа № 7438.
5. Рекомендация чл. РКП/б/ от 22 V 1923 г.
6. Удостоверение НКП № 1204.
7. Отзыв о работе от 30 XI 1928 г.
8. Изв. об избрании членом бюро за № 1079.
9. Удостоверение Общ. отд. Ельнинского УиКа № 3662.
10. Удостоверение Общ. отд. Ельнинского УиКа № 7855.
11. Справка о службе от 27 IV 1929 г.
12. Справка о службе от 27 IV 1929 г. (повтор п. 11. – прим. автора)
13. Выписка из рез. Губ. конференции 1921 г.

14. Справка Смол. Гос. музея за № 121.
15. Отзыв члена ВКП. /б/. от 23 I 1930 г.
16. Извещ. Ельнинского У. Зем. Управления № 4955.

М. Погодин.

24 I 1930 г.

Лист 103. Рукопись. Копия.

Документ № 6

Копия

Выписка

из приказа по Облоно № 29.

Научный сотрудник Культурно-исторического отдела Госмузея тов. Погодин М.И., как не имеющий квалификации этнографа и по социальному происхождению чуждый элемент, на основании выводов комиссии по проверке работы музеев, снимается с работы с 12/I – 30 г., о чем довести до сведения Комиссии по чистке соваппарата.

Подлинное за надлежащими подписями.

Копия верна: Техн. Секретарь СНР

/подпись/

24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 104. Рукопись. Копия.

Документ № 7

К О П И Я.

С. С. С. Р. У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Общий отдел
Ельнинского
Уисполкома
Сов. Раб. и Кр.
Депутатов
Отделение Н/О
28/ XII дня
1925 г.
№ 2147
г. Ельня
Смоленск. губ.

Дано настоящее удостоверение предьявителю сего М.И. П О Г О Д И Н У в том, что он с июля месяца 1917 года состоял Эмиссаром Смоленского Губернского Подотдела по Ельнинскому уезду. С организацией при Ельнинском

Уотнаробе должности Губернского Уполномоченного – Губернским Уполномоченным и Заведывающим секцией по делам музеев.

С реорганизацией секции с 1920 года Губернским Уполномоченным по делам Музеев. При образовании Музейной Комиссии при секции состоял председателем ее до организации. С октября 1922 года был назначен Губмузеем Уполномоченным Губмузея и состоял тов. Председателя Музейной Комиссии. С мая по октябрь 1921 года состоял одновременно Заведывающим Подотделом искусств Ельнинского Уоно. В течение 1921 года состоял преподавателем естествознания в школах 2-й ступени и в школах для взрослых и преподавателем в них же иностранных языков. При организации краткосрочных курсов, состоял лектором по предметам естествознания и при реорганизации их в педтехникум, оставаясь лектором названных предметов, состоял организатором техникума, заместителем и тов. Председателя. С октября 1922 г. состоял преподавателем и Заведывающим школой 1-й ступени. С 1 сентября 1923 года по 1 января 1926 года занимал должность Заведывающего Ельнинским Уездным Музеем с каковой, по собственному желанию, был переведен Губмузеем с ведома Главнауки Н.К.П. на должность научного сотрудника Дорогобужского Госмузея. С организацией в 1924 году Уездных Комиссий по охране памятников искусства и старины состоял Заместителем Председателя таковой. В течение 1924 года был Заведывающим и организатором биологической станции при Ельнинском Уездном Музее, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Завед. Общим Отделом УиКа и
Зав.Отделением Н/О

/подпись/

АНДРЕЕВ

С Е К Р Е Т А Р Ь

/подпись/

ТРЕТЬЯКОВ

С подлинным сверено Верно: *Тех. Секретарь Смол. СНР* /подпись/
24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 105. Машинопись. Копия.

Документ № 8

КОПИЯ.

С. С. С. Р. УДОСТОВЕРЕНИЕ.
Общий отдел
Ельнинского
Уисполкома
Сов. Раб. и Кр.
Депутатов
Отделение Н/О
9 / VII дня
1925 г.
№ 7438
г. Ельня
Смоленск. губ.

Выдано по затребо-
ванию Дорогобужско-
го Государственного
Музея Михаилу Ива-
новичу П О Г О Д И Н У
в том, что последний
служил в Ельнинском
Уезде с 1-го Октября

г. Ельня Смоленск. губ. 1917 г. по 1-е Января 1926 г., занимая должности: преподавателя естествознания в 9-ти летке, Зав. Культ. Художествен. Отделом Народного Образования, работал школьным работником 1 ст. в Гнездиловской школе и заведовал музеем с 1-го октября 1921 г. им была организована биостанция в с. Гнездилове в 1924/25 г.

Тов. П О Г О Д И Н за все время своей работы проявил повышенный интерес и любовь к делу, знание и умелое руководство в поручавшихся ему отрасли работы. Что подписями с приложением печати удостоверяется.

М.П. Зав. УОНО АНДРЕЕВ
Секретарь ХРЕНОВ

С подлинным сверено

Верно: *Тех. Секретарь Смол. СНР*

/подпись/

24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 108. Машинопись. Копия.

Документ № 9

КОПИЯ

Р. С. Ф. С. Р. УДОСТОВЕРЕНИЕ.
НАРКОМПРОС
ГЛАВНАУКА
СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕН-
НЫЙ
ОБЛ. МУЗЕЙ
24 МАЯ 1928 г.
№ 418
г. Смоленск.

Выдано настоящее
удостоверение предъ-
явителю сего
П О Г О Д И Н У М.И.
в том, что он:
1 / Приказом от 6 /
I 1926 года по Смол-
губоно по Губмузею
за № 16 перемещен
с должности Зав. Ель-
нинским уезд. Музеем
на таковую же долж-
ность в Алексинский
Госмузей /Отд. Смол.
Гос. Обл. Музея/ с 1/ I
1926 г.

2/ Распоряжением по Главнауке за № 1055 от 1926 г., был откомандирован сроком на один год в распоряжение Алупкинского Дворца Музея, где и состоял в должности ст. пом. хранителя и зам. директора по 15 / XI 1927 г.

3/ По возвращении из командировки переведен приказом Смолгособлмузея за № 38 от 20 / XII 1927 г. в г. Смоленск на должность пом. хранителя Смолгособлмузея 15 / XI 1927 г. в какой и состоит по настоящее время, что и удостоверяется.

Врид. Директора Госмузея МЕЛАНДЕР
И.О. Делопроизводителя ДОМОРАЦКИЙ
С подлинным сверено
Верно: *Тех. Секретарь Смол. СНР*

/подпись/

23 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 106. Машинопись. Копия.

Рекомендация.

Знаю Михаила Ивановича П О Г О Д И Н А по совместной работе в Уездном Отделе Народного Образования Ельнинского уезда, где, в бытность мою Заведующим Отделом, М.И. Погодин работал по организации и руководству музейной работой, а также в качестве преподавателя в Педтехникуме и школах. Означенные работы М.И. Погодин выполнял всегда аккуратно и добросовестно, с полным знанием дела, будучи в политическом отношении, безусловно, сторонником Советской Республики.

Член нижегородского Смоленского Комитета Р.К.П./б/ и Ответственный Секретарь ячейки Р.К.П./б/ Смоленского Университета Петр УЛЬЯНОВ

22 / V 1923 г

№ партбилета 48068

С подлинным сверено

Верно: *Тех. Секретарь Смол. СНР*

/подпись/

23 / I - 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 107. Машинопись. Копия.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Выдано М.И. ПОГОДИНУ Заведывающему Секцией по делам Музеев и охране памятников искусства и старины в г. Ельне Смол губ. в том, что ему поручены сборы этнографического материала для Национального Музейного Фонда и Центрального Этнографического Музея в Москве

НАРОДНЫЙ
КОМИССАРИАТ
ПО
ПРОСВЕЩЕНИЮ
Отдел по делам
музеев
29 Марта 1920 г.
№ 1204

Обязанность сотрудника-корреспондента собирание коллекций крестьянского быта и народного искусства, предметов усадебно-городской обстановки и, главным образом, старинной: мебели, картин, икон, посуды, одежды, книг, домашних архивов, часов и различных драгоценностей в виде старинной бронзы, серебра и изделий из золота, разных вещей из рога и кости, дерева и камня, а также скульптурных произведений из глины и различных металлов; вышивок разного рода из шерсти и шелка, бисера, стекла и бус; всевозможных тканей, главным образом старинных, каковы парчи сарафанные мелкоузоры, объяры и алтабасы, и домашние мелочи, характеризующие внутренний обиход и работу как женскую, так и мужскую всех слоев населения Смоленской губернии.

Приобретаемые для отправки в Москву вещи хранятся М.И. ПОГОДИНЫМ у себя и не могут подлежать ни конфискации, ни реквизиции, как предназначенные для Центрального Органа Советского Правительства.

Отправка по почте и по железной дороге должна производиться вне очереди, ввиду необходимости срочной доставки коллекций в Москву.

Прошу должностных лиц всех ведомств оказывать сотруднику М.И. ПОГОДИНУ свое содействие при исполнении возложенного на него поручения.

ЗАВЕДЫВАЮЩИЙ МУЗЕЕМ И ХРАНИЛИЩЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЙНОГО ФОНДА ПО ДЕКОРАТИВНОМУ И НАРОДНОМУ ИСКУССТВУ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ В МОСКВЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

/подпись/

С Е К Р Е Т А Р Ь

/подпись/

С подлинным сверено

Верно: *Тех. Секретарь Смол. СНР*

/подпись/

24 / I - 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 109. Машинопись. Копия.

Документ № 12

Отзыв о работе М.И. Погодина

На службе в Дорогобужском историко-художественном музее, а также в музее крепостного быта и искусства в с. Алексине Дорог. у., Михаил Иванович П О Г О Д И Н проявил себя исключительно добросовестным в высшей степени аккуратным и совершенно преданным сотрудником музейной работы по собиранию, экспозиции и изучению экспонатов искусства, старины и народного быта.

Эрудиция М.И. Погодина в вопросах изучения и собирания народных костюмов Смоленской губ. была крайне ценной для музеев и обществ краеведения по Смол. г. Собранный им в течение 15 лет коллекция предметов народного быта экспонирована на Всерос. Сельск. – Хоз. Выставке в 1922 г., за что М.И. Погодин получил диплом Выст. Комитета.

Заведывающий Дорогоб. Госуд. Музея местного края Н. С А В И Н.

М.П.

30 ноября 1928 г.

С подлинным сверено

Верно: Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

23 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 110. Машинопись. Копия.

Документ № 13

Р. С. Ф. С. Р.

Губернский подотдел
ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ
ИСКУССТВА И
СТАРИНЫ
при отделе
НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

5 ЯНВАРЯ 1920 г.

№ 1 0 7 9.

Смоленск,

Тенишевская, 5

К О П И Я.

Заведывающему
Ельнинской
Уездсекцией
по делам Музеев и
охране памятников
искусства и старины
М.И. П О Г О Д И Н У.

Губернский Подотдел по делам музеев извещает, что согласно постановления Коллегии Губ. Подотдела Вы избраны в состав постоянных членов Смоленского ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО.

Заведующий подотделом /подпись/

За делопроизводителя /подпись/

С подлинным сверено

Верно: Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

23 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 111. Машинопись. Копия.

Документ № 14

С. С. С. Р.

Общий отдел
Ельнинского
Уисполкома
Сов. Раб. и Кр.
Депутатов
Отделение
Наробраза
24/ IV дня 1924 г.
№ 3 6 6 2

г. Ельня, Смоленск.

губ.

К О П И Я.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Выдано настоящее члену Методического Бюро т. ПОГОДИНУ в том, что ему в силу боевого задания Губоно поручено собирание материалов для составления истории края.

Лист 110. Машинопись. Копия.

Соответствующие Советские учреждения просим давать ему справки и материалы по указанному вопросу.

Зав. Общим Отделом УИКа КРАСНИКОВ
Зав. Отделением Наробраз АНДРЕЕВ
М.П.

Секретарь ТРЕТЬЯКОВ

С подлинным сверено

Верно Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

23 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 112. Машинопись. Копия.

Документ № 15

КОПИЯ.

С. С. С. Р.

Общий отдел УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Ельнинского Предъявитель сего Зав.

Уисполкома Ельнинским

Сов. Раб. и Кр. Музеем Местного края

Депутатов М. И. ПОГОДИН

Отделение Н/О есть действительно Зав.

8/ VII дня 1925 г. научной

№ 7855 экспедицией по

обследованию реки

УГРА.

Просьба ко всем зав. школами оказывать тов. ПОГОДИНУ в смысле помещения для расквартирования и проч.

Зам. Зав. Общим Отделом УИКа РОМАНОВ

Зам. Зав. Отделением Н/О ЧЕБОТАРЕВ

Секретарь СУРКОВ.

С подлинным сверено

Верно: Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

23 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 113. Машинопись. Копия.

Документ № 16

Копия.

Справка.

7 / IV 1924 г.

Настоящим удостоверяю, что Михаил Иванович Погодин действительно служил в Ельнинском музее Смоленской губернии в бытность мою Заведывающим Смоленским Губмузеем, в должности Заведывающего Музеем. За время своего пребывания в г. Ельне М.И. Погодин выявил себя ценным работником и организатором, которому в значительной мере был обязан Ельнинский Музей, как своим существованием, так и образцовым состоянием, в котором этот Музей находился в период заведывания им тов. Погодиным. Должна быть отмечена и та значительная общественная работа, кот. тов. Погодин проводил в бытность Заведывающим Ельнинским Музеем.

Подпись /С. Ширяев/

С подлинным сверено

Верно: Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 114. Рукопись. Копия.

Документ № 17

Копия.

Справка.

27 / IV 1929 г.

Настоящим удостоверяю, что Михаил Иванович Погодин действительно служил в Алушкинском Государственном Историко-Бытовом Музее, в бытность мою директором названного Музея, в должности старшего помощника хранителя. За время своего пребывания в Алушкинском Музее М.И. Погодин зарекомендовал себя ценным работником, содействовавшим развитию просветительской работы и принимавшем непосредственное участие в

реорганизации названного Музея и при-
ведению в порядок его библиотеки.

Подпись /С. Ширяев/

С подлинным сверено

Верно: Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губерн-
ского бюро секции научных работников.

Лист 115. Рукопись. Копия.

Документ № 18

Выписка

из резолюций губернской конференции
уполномоченных губмузея, состоявшейся
11-13 сентября 1921 года.

Раздел 1ый п.4

...Конференция может констатировать,
что за текущий год музейными работни-
ками Смоленской губер. проделана зна-
чительная работа по устройству и органи-
зации музейного дела и охране памятни-
ков искусства и старин, усугубляющиеся
благодаря тяжелым условиям, в которых
она производилась. С особенным удовлет-
ворением конференция отмечает деятель-
ность Ельнинской музейной Комиссии и
уполномоченного Губмузея М.И. Погодина
и работу по изучению археологии Рос-
лавльского уезда С.М. Соколовского.

Копия верна:

Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губерн-
ского бюро секции научных работников.

Лист 116. Рукопись. Копия.

Документ № 19

Р. С. Ф. С. Р.

Наркомпрос

Главнаука

Смоленский Госуд.

Областной Музей

17 I 1930 г.

№ 191

г. Смоленск

Копия.

Справка.

Дана настоящая
научному сотруднику

Историко-Культурного
отдела Смолгосмузея

Погодину М.И. в том,
что он получал

содержание 85 р. в м-ц
с 1 X 1929 г., а

с 15 XI по 12 I – 1930 г.
по 100 рублей

в месяц.

Директор Смолгосмузея /подпись/

Делопроизводитель /подпись/

Верно: Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губерн-
ского бюро секции научных работников.

Лист 117. Рукопись. Копия.

Документ № 20

Копия.

Знаю Мих. Ив. Погодина давно. Знаю
его, как в высшей степени честного чело-
века и добросовестного работника, отда-
ющего свои знания на пользу Советского
государства. Думаю поэтому, что М.И. По-
годин и в дальнейшем мог бы работать в
советских учреждениях по своей специ-
альности.

Мих. Исаковский

(Член ВКП(б) с 1918 г.

№ 0380683)

Г. Смоленск

23 янв.1930 г.

Копия верна: Тех. Секретарь Смол. СНР

/подпись/

24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 118. Рукопись. Копия.

Документ № 21

Р. С. Ф. С. Р.

Ельнинское Гр-ну хутора Гнездилово,
Уездное Павлиновской вол. М. И.
Земельное ПОГОДИНУ.

Управление

2 IV дня 1925 г. Ваша заявка о
№ 4 9 5 5 добровольном отказе от
г. Ельня Смол. земельного участка при
губ. хут. Гнездилово

Уземуправлением принята, в силу чего участок зачисляется в состав госземиущества. Для ликвидации возведенных Вами после

Революции построек при хуторе Гнездилово Уземуправление предоставляется отсрочка до 1-го июля 1925 года.

Зав. УЗУ /подпись/
Райзавгосземиимуществами /подпись/
Секретарь /подпись/

С подлинным сверено:

Тех. Секретарь Смол. СНР /подпись/
24 / I – 30 г.

Заверено внизу круглой печатью Губернского бюро секции научных работников.

Лист 119. Машинопись. Копия.

Документ № 22

В Р.К.К. при группоме № 14 Союза
работников просвещения.
М.И. Погодина члена профсоюза
работников просвещения

Заявление.

В дополнение к моему первоначальному заявлению на имя Р.К.К. по вопросу о

неправильном увольнении меня со службы, настоящим считаю необходимым дать следующие объяснения, вызванные тем, что Облоно изменило первоначальную редакцию своего приказа о моем увольнении со службы.

1. Как видно из прилагаемой при сем копии выписи из приказа Облоно от 14 I 30 г. № 29 параграф 3, главным основанием для увольнения меня со службы послужило то обстоятельство, что я не проводил якобы в своей работе курса на превращение музейной работы в орудие классового воспитания.

2. С этим утверждением Облоно я не могу согласиться по той причине, что, как это видно из характеристики обязанностей служащих Госмузея, каковая характеристика имеется в колдоговоре, мое участие в организационной работе имело и могло иметь место лишь по поручению заведывающего отделом. Таким образом, никакой самостоятельности в организационной работе я не имел, и потому мне представляется совершенно непонятным, как можно мне ставить в вину то обстоятельство, что Госмузей в своей работе не проводил курса на превращение музейной работы в орудие классового воспитания. Это обвинение для меня было бы понятно, если бы я был руководителем музейной работы; но ведь я всего лишь научный сотрудник отдела, выполняющий в организационной части поручения зав. отделом в соответствии с даваемыми мне им директивами, а потому, естественно, отвечать за направление работы всего отдела музея я не могу, если действительно отдел не проводил своей работы курса на превращение музейной работы в орудие классового воспитания, я в этом не повинен.

Тем более, что руководство музейной работой и ответственность за нее лежит даже не на зав. отделом, а на директоре Госмузея, которых, однако, с работы не снимают, а снимают почему-то меня.

Одновременно считаю необходимым отметить, что я с своей стороны пытался кое-что сделать в части организационной работы Госмузея, в частности, неоднократно отмечал и указывал на необходимость методических совещаний работников Госмузея с целью внесения в работу четкости и ясности и разработки новых методов работы Госмузея, но не по моей вине эти мои старания внести новое в методы работы Госмузея не увенчались успехом.

2. По вопросу об отсутствии у меня квалификации этнографа я повторяться не буду, считая, что этот вопрос исчерпывающим образом освещен мною в моем первоначальном заявлении, как равно не буду повторяться и по вопросу о моем происхождении, каковой вопрос мною также освещен в моем первоначальном заявлении.

3. В заключение, считаю необходимым остановиться еще на одном моменте: в приказе Облоно, в его последующей редакции, говорится о том, что в отношении меня последнее слово должна сказать Комиссия по чистке Соваппарата, кот. Облоно просит специально обсудить вопрос о дальнейшем моем использовании на работе, учитывая мою квалификацию и соц. происхождение. Получается такое впечатление, что Облоно сам не уверен в правильности снятия меня с работы, а потому считает необходимым представить эти свои действия для санкции в Комис. по чистке Соваппарата. Это на мой взгляд свидетельствует с достаточной откровенностью о том, что у Облоно нет уверенности в том, что меня надо снять с работы, а потому и поскольку сам Облоно ставит этот вопрос на обсуждение Комис. по чистке Соваппарата, мне кажется, что при этих условиях приказ Облоно в отношении снятия меня с работы надлежит считать не только необоснованным, но и преждевременным, т. к. снятие меня с работы по

мотивам приведенным в приказе Облоно равноценно снятию меня с работы в порядке чистки Соваппарата, а это право администрации не предоставлено, а меня такой способ снятия меня с работы ставит в чрезвычайно затруднительное положение, т. к. невозможно в конце концов установить в каком же порядке я снимался с работы: в порядке ли чистки Соваппарата, или в порядке административного усмотрения Облоно, если в порядке чистки, то, как я указал уже выше, администрации Облоно это право не принадлежит, если же в порядке административного усмотрения, то это распоряжение Облоно нарушает п. В ст. 47 123пТ, т. к. в этом последнем случае я мог быть уволен со службы не иначе, как по решению Р.К.К.

4. По изложенным основаниям я и прошу Р.К.К. признать распоряжение Облоно о снятии меня с работы неправильным и восстановить меня в должности, кот. я занимал до увольнения меня со службы.

Мих. Погодин

6 II 1930 г.

Листы 121–122 об., 123.

Рукопись. Копия.

Документ № 23

Выпись из расписания обязанностей служащих Смолгосмузея

Заведующий отделом музея

На обязанности заведующего отделом лежит:

1. Наблюдение за целостью и сохранностью музейного и хозяйственного имущества отдела, а также наблюдение за зданиями отдела.

2. Организационная работа: составление планов работ, представление отчетов и сведений по отделу, наблюдение за экспозицией, расходование отпускаемых

средств, а также представление Директору музея по ним отчетов.

3. Научная и культурно-просветительная работа.

4. Следить за своевременной явкой на занятия служащих отдела и наблюдение за выполнением ими соответствующих работ.

5. Наблюдение за сохранностью помещений и ремонтом их.

6. Снабжение необходимыми предметами.

7. Ведение домовой книги и представление требуемых сведений о проживающих в домах музея.

Рабочий день 3 часа.

Научный сотрудник отдела.

1. Организационная работа по поручению заведующего отделом.

2. Культурно-просветительская и научная работа, согласно планам работ отдела.

3. Заведывание библиотекой отдела музея.

4. При отсутствии заведующего отделом – замещение последнего.

Рабочий день 3 часа.

Копия верна:

Тех. Секретарь СНР /подпись/

8 II – 1930.

Заверено внизу круглой печатью: «**Правление ЗАПАДНОГО областного совета**» – в центре и «**С.С.С.Р. Профессиональный Союз Работников Просвещения**» – по кругу.

Лист 124–124 об. Рукопись. Копия.

Документ № 24

Копия.

Выписка

из книги приказов по Облоно
от 14-I-1930 г. № 29.

параграф 3.

Научный сотрудник Культурно-исторического Отдела Госмузея тов. Погодин М.И.,

как не имеющий квалификации этнографа и в силу того, что Погодин не проводил в своей работе курса на превращение музейной работы в орудие классового воспитания, что проистекает и из его происхождения /дворянин/, снимается с работы с 12 I-30 г., о чем довести до сведения Комиссии по чистке Соваппарата, прося последнюю специально обсудить вопрос о дальнейшем его использовании, учитывая его квалификацию и соц. происхождение.

Основание: Распоряжение Зам. Зав. Облоно

п.п. Зав. Облоно /Любимов/.

п.п. Верно за секретаря Облоно

/подпись/

Копия верна: Тех. Секретарь СНР

/подпись/

8 II – 1930.

Заверено внизу круглой печатью: «**Правление ЗАПАДНОГО областного совета**» – в центре и «**С.С.С.Р. Профессиональный Союз Работников Просвещения**» – по кругу.

Лист 125. Рукопись. Копия.

Документ № 25

Знаю т. Погодина с 1921 г.

Мы работали в Ельнинском УОНО, а затем – в Смоленске.

С большой радостью констатирую, что т. Погодин – один из тех научных работников, который полностью пошел на все начинания соввласти. Он с большим энтузиазмом организует музей местного края работает в Педтехникуме и Красной Армии, – и все это делает по-настоящему, по-советскому. Я ни разу не наблюдал за 10 лет ни одного принципиально-ложного шага со стороны т. Погодина.

Поэтому я обязан свидетельствовать, что т. Погодин – один лучших культур-

ных работников, все знания и умения искренне отдающий новому строительству. Я, сын лакея и прачки, совсем не склонен идеализировать бывшего дворянина. Но по отношению к Погодину М.И., я с удовлетворением применяю слово – товарищ. Даю этот отзыв совершенно искренне и ответственно – к сожалению – обще. Если будет нужно, с удовольствием дам подробную характеристику.

**Б. инспектор ГубОНО, ответ Секретарь
Методбюро, преподаватель Смол Гос
Университета
и директор Политехникума
Подпись /Андреев/**

16 / II – 30 г.

Лист 126–126 об. Рукопись. Подлинник.

Биографическая справка

Михаил Иванович Погодин (13. X. 1884, Москва – 18. VIII. 1969, Москва), организатор народного образования и музейного дела на Смоленщине, этнограф и краевед. Родился в дворянской семье (дед Михаил Петрович Погодин – известный историк, писатель и публицист, профессор Московского университета, друг А.С. Пушкина). Погодин-внук получил в Москве «среднее классическое образование», в дальнейшем обучался в Швейцарии в Лозанне, затем, по его словам, с 1905 по 1912 год учился «на естественно-историческом отделении» Московского университета. Одновременно был вольнослушателем Московского археологического института по курсу «библиотековедение и музееведение».

В 1911 году Погодин переехал в родовое имение в селе Гнездилово Ельнинского уезда Смоленской губернии, унаследованное после смерти матери. Участвовал в работе земских образовательных учреждений, учительствовал, заведовал народ-

ным образованием в Ельнинской земской управе.

С 1912 года состоял действительным членом Смоленской губернской ученой архивной комиссии до конца ее существования. Одновременно состоял членом общества изучения Смоленской губернии, членом правления Ельнинского общества краеведения и членом Смоленского общества краеведения.

В 1918 Погодин в качестве инструктора художественно-археологического подотдела ОНО Западного обласполкома принимал участие в национализации историко-культурных ценностей на территории Ельнинского уезда, затем был назначен заведующим секцией охраны памятников старины Ельнинского уездного музея, а в сентябре 1921 года назначен на должность уполномоченного Смоленского губернского музея по Ельнинскому уезду.

Одновременно с 1918 года был хранителем художественного отдела Ельнинского музея местного края, в 1921–1923 годах преподавал естествознание и французский язык в ельнинских школах 1-й и 2-й ступеней и в школах для взрослых. С 1 сентября 1923 года назначен заведующим Ельнинским музеем, а с 1 января 1926 года – заведующим музеем в усадьбе Алексино Дорогобужского уезда, где осуществил реэкспозицию, привел в порядок архив и библиотеку.

Распоряжением Главнауки Наркомпроса в ноябре 1926 года Погодин был командирован сроком на один год в Крым для реорганизации работы Алушкинского дворца-музея и некоторое время исполнял там обязанности директора. По возвращении из командировки был переведен в Смоленский государственный областной музей на должность помощника хранителя историко-археологического отдела, преобразованного вскоре в историко-культурный.

С начала 1920-х годов Погодина связывала тесная дружба и сотрудничество с

выдающимся земляком – архитектором-реставратором Петром Дмитриевичем Барановским, с которым он совершил несколько научных экспедиций по изучению памятников Русского Севера. В 1926 году по инициативе Погодина был создан музей в усадьбе Барышниковых в селе Алексино Дорогобужского уезда, построенной на рубеже XVIII–XIX веков при участии знаменитых зодчих М.Ф. Казакова и Д. Жилярди. Позже по предложению Барановского Погодин участвовал в создании музея в Троицком Болдинском монастыре под Дорогобужем.

По просьбе Барановского с 1928 по 1929 год Погодин фотографировал в Болдинском музее-монастыре музейные экспонаты – уникальную коллекцию церковной скульптуры Верхнего Поднепровья, собранную с его участием в Ельнинском и Дорогобужском уездах. В ноябре 1929 года работы по фотофиксации экспонатов были прерваны, поскольку Болдин монастырь был лишен музейного статуса, а его экспонаты вывезены в Дорогобуж, где уникальная коллекция была безвозвратно утрачена. Сохранилось только 30 погодинских фотографических отпечатков размером 24х18 см, хранящихся ныне в Государственном музее архитектуры им. А.В. Щусева в составе архива П.Д. Барановского.

За время работы в музеях края Погодин участвовал в полевых исследованиях: ле-

том 1925 года был в составе археологической и этнографической экспедиции по р. Угре, в 1928 году входил в состав экспедиции по изучению территории древнего волока (Днепр – Осьма – Угра – Ока).

12 января 1930 года, в преддверии «чистки», Погодин приказом № 29 по облОНО был снят с работы по надуманному предлогу, *«как не имеющий квалификации этнографа и по социальному происхождению чуждый элемент»*, не проводивший *«в своей работе курса на превращение музейной работы в орудие классового воспитания»*. Все попытки восстановить справедливость успеха не имели.

Покинув Смоленск, Погодин с 1 января по 20 октября 1930 года являлся научным сотрудником музея «Коломенское», где занимался подготовкой выставки «Техника строительного дела Московского государства». В 1930–1931 годах он заведовал библиотекой Московского химического политехникума, с 1931 по апрель 1933 года занимал должность заместителя заведующего библиотекой Московского химико-технического учебного комбината. С апреля 1933 года и до ухода на пенсию в 1958 году Погодин возглавлял организованную им библиотеку Московского института химического машиностроения, одного из лучших книгохранилищ Москвы.

Приложение 6

Документ № 1

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания Комиссии по чистке аппарата Центральных Государственных Реставрационных Мастерских 9 апреля 1931 г.
и/у БАРАНОВСКИЙ Петр Дмитриевич. Ро-

дился в 1892 г. Сын крестьянина, образование высшее – архитектор.

ОБВИНЕНИЕ:

1/ Работая в течение ряда лет в ЦГРМ и имея у себя богатый материал, собранный по периферии по памятникам искусства и старины – держит его у себя в

необработанным виде до сего времени и тем самым лишил возможности, как заинтересованные учреждения, так и общественность правильно использованию имеющихся у него материалов в деле социалистического строительства.

2/ Аполитично защищает памятники старины и искусства, без учета потребностей в действительном и современном опубликовании подлинно ценных памятников, с тем, чтобы в необходимых моментах менее ценные могли быть использованы для нужд государства.

3/ Выполняя реставрационные работы по распоряжению Администрации ЦГРМ для церковных общин за их счет, без должной критики относился к такого рода распоряжениям руководства, что такая работа не должна выполняться в ЦГРМ.

4/ Не проявил себя фактически в перестройке мастерских, как учреждения, работающего в интересах современного соц. строительства и имея накопленный материал и знания, ни одной научной работы не обнаружил.

5/ В общественной работе никакого участия не принимает.

ПОСТАНОВИЛИ: Объявить выговор с предложением изжить указанные недостатки.

С подлинным верно: /м.п. ЦГРМ/

Председатель /Шилов/
Завед. Канц. ЦГРМ /Кучинский/

Вручено 14/V – 31 г.

Заверено круглой чернильной печатью ЦГРМ.

В правом нижнем углу красными чернилами:

Верно: Зав Канц /подпись/

26/V – 31 г.

Документ № 2

УПРАВЛЕНИЕ
ЛАГЕРЕЙ
Т/П и М/З
УНКВД по ЗСК
отделение Мари-
инское
„21, Мая 1936 г.
№ 028 – 1072
г. Мариинск

Справка

Дана гр. Барановскому
Петру Дмитриевичу
рождения 1892 года,
уроженец
Западн. обл. с. Шуйское
б. Смоленской губ.
осужденному Особым
Совещанием при

Комегии ОГПУ 2 апреля 1934 года по ст. ст. 58 – 10 – 11 УК к заключению в ИТЛ на «3» лет, в том, что он (а) Если семья находится в трудпоселке подлежит направлению для соединения с семьей (по отбытии срока меры соцзащиты с зачетом «133» рабочих дней, досрочно по амнистии, прекращению дела, по пересмотру дела) из Си б и р с к о г о лагеря освобожден 21го мая 1936 года.

На проезд выдано требование ф. № (?) за № 153334 до ст. Александров Северные ж. д. Видом на жительство служить не может. При утере не возобновляется. Нач. 1го (отд. п/п) Управления Лагерей /Подпись/

Т/П и М/З УНКВД по ЗСК
Нач. Учет. Распред. Части

Слева сверху, наискосок, под угловым штампом, поставлен прямоугольный чёрный штамп с надписью: «**ПАСПОРТ ВЫДАН 1936**». Под штампом чёрными же чернилами надпись в три строки: **мар. Ром Н.К.В.Д**

ЗСП ГЦМ 99 67 33
23/3 36 г.

Справа внизу, по диагонали бланка справки оттиснут прямоугольный фиолетовый штамп с надписью: «**ПАСПОРТ ВЫДАН 1941 г.**»

Биографическая справка

Петр Дмитриевич Барановский (28.01.1892, с. Шуйское Вяземского уезда Смоленской губ. – 12.06.1984, Москва), выдающийся архитектор-реставратор, музейный деятель. Выходец из крестьян, в 1912 году окончил Московское строительное-техническое училище М.К. Приорова с лицензией на производство строительных работ, одновременно получил медаль Московского археологического общества за реставрацию Свято-Троицкого Герасимо-Болдинского монастыря под Дорогобужем Смоленской губернии.

В августе 1915 года был призван на военную службу, которую проходил по июнь 1918 года дослужившись до подпоручика, был начальником команды 3-й инженерной дружины, возводившей укрепления на Западном фронте.

В 1918 году окончил Московский археологический институт, защитив диссертацию по теме «Памятники древнерусского зодчества в Болдинском монастыре» и получив звание «ученый археолог» и золотую медаль.

С 1918 года Барановский – сотрудник архитектурно-реставрационного подотдела Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР, в том числе в начале 1920-х годов – его заведующий. В 1924 году Барановский добился учреждения в Коломенском музея народного творчества и стал его первым директором. С 1919 по 1927 год занимался реставрацией комплекса памятников Болдинского монастыря и добился для закрытой обители статуса филиала Дорогобужского музея. В 1918–1926 годах проводил реставрационные работы в Ярославле, в 1920-е годы занимался ис-

следованием древних смоленских храмов Петра и Павла и Архангела Михаила.

4 октября 1933 года Барановский был арестован по делу «Российской национальной партии», осужден на 3 года и отправлен в исправительно-трудовой лагерь в г. Мариинск Кемеровской области, откуда весной 1936 года «по отбытии срока меры соцзащиты» освобождён. Некоторое время трудился в музее Александровской слободы, а затем был приглашён на работы в Азербайджан. Во время Великой Отечественной войны состоял в комиссии по учету и охране памятников искусства Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР, был экспертом Чрезвычайной государственной комиссии по учету ущерба, нанесенного в годы оккупации.

После войны восстанавливал разрушенные памятники Чернигова, Смоленска, Болдинского и Ново-Иерусалимского монастырей. В конце 1940-х годов спас от разрушения Спасо-Андроников монастырь, с начала 1950-х годов вел работы по реставрации Крутицкого подворья в Москве.

В 1962–1963 годах в связи с празднованием 1100-летнего юбилея Смоленска по проекту Барановского в городе была восстановлена в первоначальных формах древняя церковь Петра и Павла середины XII века.

За время своей трудовой деятельности Барановский создал более 100 проектов реставрации, из которых были осуществлены 70, а также исследовал несколько сотен старинных храмов, монастырей и прочих сооружений, расположенных на территории от Белого моря до Азербайджана. Умер Петр Дмитриевич Барановский в 1984 году в возрасте 92 лет, похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве.